

Этика успеха

Вестник исследователей, консультантов и ЛПР
Выпуск 9

КРЕДО И КОДЕКС ВЛАСТИ:
РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ

Соредакторы: В.И.Бакштановский, В. А.Чурилов

Редколлегия: Г. С. Батыгин, Ю. В. Казаков,
И. М. Клямкин, А. Ю. Согомонов,
Ю.В. Согомонов, В.И. Шпильман

Адрес редакции:

625002 Тюмень, а/я1230, Центр прикладной этики; тел/факс (3452)24 02 26
103070 Москва, Старая площадь, 10/4, “Югра”, тел/факс (095) 206 03 57
© Центр прикладной этики, 1996

**Тюмень-Москва
1996**

The Ethics of Success

The Herald
of Researchers, Consultants & Decision-makers
Volume 9

CREED AND CODE OF POWER:
RUSSIAN VOTER

Editors: V.I.Bakshantovsky, V.A.Churilov

Editorial Board: G.Batygin, Yu.Kazakov,
I.Klyamkin, A.Sogomonov,
Yu.Sogomonov, V.Shpilman

Address:

The Centre for Applied Ethics. PO 1230 Tyumen 625002 Tel/fax (3452) 240226
“Yugra”. 10/4 Old Square, Moscow 103070 Tel/fax (095) 206 03 57

© The Centre for Applied Ethics, 1996

**Tyumen-Moscow
1996**

СОДЕРЖАНИЕ

Феномен российского избирателя: рабочая гипотеза и программа проекта	9
---	---

Метафизика успеха: РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ КАК ЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

<i>Л.А.Аннинский (Журнал "Родина")</i> Родная каша (что такое "российский народ" и чем он отличается от "электората"?)	23
<i>В.И.Бакштановский (Корпорация "Югра"),</i> <i>Ю.В.Согомонов (Владимирский технический университет),</i> <i>В.А.Чурилов (Корпорация "Югра")</i> Принципы воли в этике избирателя	30
<i>В.Г.Иваницкий (независимый культуролог)</i> Русский выбор как архетип и алгоритм	46
<i>О.Т.Вите (Рабочий центр экономических реформ при Правительстве РФ)</i> Избиратели - враги народа? (Размышления об адекватности электорального поведения и факторах, на ее уровень влияющих)	58
<i>О.В.Давыдов ("Независимая газета")</i> Электоральная урна	72
<i>Г.С.Батыгин (Институт социологии РАН)</i> Рациональная мотивация электорального поведения: историко-социологический обзор	82

Этос успеха:
РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ И ТРАДИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>А.С.Панарин (Институт философии РАН)</i> Политический потенциал идеи народного капитализма	93
<i>Ю.А.Веденеев, В.В.Смирнов (Институт государства и права)</i> Российский избиратель и государство: между электоральными правами и электоральными обязанностями	103
<i>А.Ю.Согомонов (Институт социологии РАН)</i> Социо- и антропогенез "российского избирателя" (к генеалогии постсоветского гражданства и электорального рессентимента)	113
<i>А.Г.Левинсон (ВЦИОМ)</i> Воля электората и экспектации народа	121
<i>А.А.Силин (Национальный институт авиационных технологий)</i> Умом Россию не понять	133

Homo ludens:
РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ
КАК АКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЫ

<i>Б.А.Грушин (Служба Vox Populi)</i> Электоральная социология в России: что мешает ее успеху? (Полемические заметки)	141
<i>И.М.Клямкин (Аналитический центр ФОМ)</i> Идеалист или прагматик? Штрихи к портрету постсоветского избирателя	151
<i>М.В.Масарский (Международная ассоциация руководителей предприятий)</i> Государству столько лет, сколько народу	162

<i>А.В.Рубцов (Институт философии РАН)</i> "Гражданская оборона", или как избирателю победить на выборах	170
<i>Ю.В.Казаков (Российская ассоциация издателей независимой прессы)</i> Миссия СМИ и выбор избирателя	178
<i>А.К.Симонов (Фонд защиты гласности)</i> "...Не пройдя через исповедь, перешли к проповеди"	186

Модели успеха: РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

<i>К.Касьянова (Институт национальной модели экономики)</i> "Русский национальный характер": 20 лет спустя	196
<i>А.А.Кабаков ("Московские новости")</i> "Невозвращенец" о российском случае резонанса или 8 лет спустя	209
<i>Ю.А.Левада (ВЦИОМ)</i> Судьба "человека советского" Размышления пять лет спустя	218

Биография побед и поражений: МОЙ ИЗБИРАТЕЛЬ

<i>Л.А.Радзиховский (независимый журналист)</i> Демократический выбор России	226
<i>Г.Э.Бурбулис (депутат Госдумы)</i> Идеология здорового прагматизма в сознании и поведении российского избирателя	234
<i>И.А.Шадхан (телережиссер)</i> Контрольная для голосующих взрослых	242

CONTENTS

Russian voter as à phenomenon: hypothesis and program of the project	9
---	---

The metaphysics of success: RUSSIAN VOTER AS À PHENOMENON OF POLICY AND CIVIL SOCIETY

<i>L.Ànninsky</i> The native porridge (what is the “Russian people” and what does it differ from the “Russian electorate”	23
<i>V.Bakhtanovsky, Yu.Sogomonov, V.Churilov</i> The will principles in the voter ethics	30
<i>V.Ivanitsky</i> The Russian choice as archetype and algorithm	46
<i>O.Vite</i> Are the voters the people’s enemies? (Reflections on the electoral behavior adequacy and influencing factors)	58
<i>O.Davydov</i> The ballot-box	72
<i>G.Batigin</i> The rational motivation of the electoral behavior: historical and sociological review	82

The ethos of success:
RUSSIAN VOTER
AND THE TRADITIONS OF THE RUSSIAN POLITICAL
CULTURE

<i>A. Panarin</i>	
The political potential of the people's capitalism idea	93
<i>Yu. Vedeneev, V. Smirnov</i>	
Russian voter and state: between electoral rights and electoral obligations	103
<i>À. Sogomonov</i>	
Sociogenesis and anthropogenesis of the "Russian voter" (to the genealogy of the postsoviet citizenship and electoral resentment)	113
<i>À. Levinson</i>	
The electorate will and the people expectations	121
<i>A. Silin</i>	
"Russia could hardly be taken for granted"	133

Homo ludens:
RUSSIAN VOTER AS AN ACTOR ON THE POLITICAL
SCENE

<i>B. Grushin</i>	
Electoral sociology in Russia: what prevents for its success? (Polemical notes)	141
<i>I. Klyamkin</i>	
Idealist or pragmatic? Some features of the portrait of the postsoviet voter	151
<i>M. Masarsky</i>	
The state is as much old as its people are	162
<i>A. Rubtsov</i>	
"Civil defense", or how the voter should win election	170

<i>Yu.Kazakov</i>	
The mission of mass-media and the voter's choice	178
<i>A.Simonov</i>	
“Begun sermon without passing through confession“	186

**The models of success:
RUSSIAN VOTER IN THE
CONTEXT OF THE POSTSOVIET REALITY**

<i>K.Kasyanova</i>	
“The Russian national nature”: 20 years later	196
<i>A.Kabakov</i>	
The novel “Nevozvrastchenets“ about the Russian case of resonance or 8 years later	209
<i>Yu.Levada</i>	
The “Homo soveticus” faith. Reflections 5 years later	218

**Biographies of the success and failure:
MY VOTER**

<i>L.Radzikhovsky</i>	
Democratic election in Russia	226
<i>G.Burbulis</i>	
The sound pragmatism ideology in the consciousness and behavior of Russian voter	234
<i>I.Shadkhan</i>	
A test for voting adults	242

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЯ: рабочая гипотеза и программа проекта

De jure избиратель в демократической политической системе является воплощением *высшей политической воли* и, соответственно, воспринимается в качестве *единственно легитимного субъекта политического выбора в последней инстанции*. В этом смысле "народ" (в лице его избирательного корпуса) есть наиважнейший компонент всей политической системы, а уж каким образом его политическая воля находит свое электоральное выражение - аффективно или взвешенно - не суть важно. Главное - то, что эта воля *находит свое выражение* с ожидаемой регулярностью, предопределенной *Основным Законом* - Конституцией.

Отношения между властью и народом (через его избирательный корпус), пожалуй, ни в одном демократическом обществе не являются гладкими и предельно прозрачными. Тем не менее, западная демократия по-прежнему активно апеллирует к всеобщему избирательному праву, среди прочего и потому, что в практике электоральной самореализации субъектов гражданского общества как бы стирается существующее в рыночном обществе социальное неравенство. Иначе говоря, на какой-то момент все становятся равными: имея возможность выразить свой вердикт власти, каждый свободный, пусть даже и аполитичный, индивид становится как бы "*рядовым политиком*".

Демократический путь *западных* стран в современность строился на презумпции неотъемлемого права гражданского общества выбирать себе ту политику и тех политиков, которым общество доверяет государство-нацию. Условием и результатом такого выбора становится *культура политического долга* (долг соучастия) и *политической ответственности* (ответственность за решения) *народа*. Мировоззренческие основания и "правила игры" западного избирателя - при том, что они являются результатом достаточно длительного исторического развития - культурно и логически выкристаллизовывались из *этики и этоса гражданского общества*.

В современном же *российском обществе*, при декларированном властью выборе пути демократических реформ, все еще нет ни сложившегося гражданского общества, ни, соответственно, развитой электоральной культуры. Тем не менее, российские граждане начинают привыкать к участию в политическом процессе, в том числе и в "новом" для себя этико-политическом качестве "рядовых политиков".

Советский человек десятилетиями был приучен к симулированию процедуры политических "выборов". За годы

правления большевиков в стране сформировалась своеобразная практика участия в "демократическом" процессе в виде "культуры" симулирования политической лояльности к власти.

Постсоветский человек, оказавшись в ситуации измененных "правил игры" в выборы, не смог сразу избавиться от "культуры" симуляции демократического соучастия. И выборы последних нескольких лет весьма красноречиво указывают на рецидивы старых электоральных привычек и практик. С другой стороны, в условиях, пусть даже и частичной, но все же "коммунистической реставрации", россиянин вновь подталкивается властью к следованию прежним "правилам игры".

Сейчас трудно сказать, приведут ли эти инерция и намеренность к полноценной реанимации "культуры" симуляции политической лояльности или нет. Гипотетически вырисовывается следующая схема нынешней эволюции политической культуры и этики российского избирателя.

"советский человек"	"постсоветский человек"	"несоветский человек"
Симуляция политической лояльности, этика политического неучастия, ухода от ответственности	Свобода политического волеизъявления, но при сохранении рецидивов этики неучастия и уклонения от ответственности	Соучастно-ответственное принятие возрождаемой культуры симуляции политической лояльности

Не трудно констатировать на каждом из этих этапов этико-политической эволюции России *отсутствие гражданского общества или его пренатальное существование*. Не этим ли объясняются проблемы "несостыковки" опросов общественного мнения и результатов голосований? С кем же российская власть вступает в политические отношения в сегодняшнем электоральном пространстве: с народом, "мафией", с кем-либо еще? И не является ли *состояние этико-политического хаоса* главной характеристикой сегодняшних отношений власти и народа в России?

В этой логике вопрошания возникает принципиальная исследовательская проблема: есть ли сегодня тождество между *выбором народа и выбором избирателей*?

Если нет, то что в таком случае мы имеем в качестве промежуточного элемента между властью и народом вместо гражданского общества?

Если да, то какая типология избирателей будет корректно и адекватно отражать этико-политическую *композицию* постсоветского общества?

Насколько приемлемой в последнем случае окажется предлагаемая нами для экспертизы и консультирования типология пост- и несоветского избирателя по критерию *успешной-или-неуспешной адаптации* к "новым социально-экономическим условиям", по критерию ориентации на успех или на избегание успеха?

Обсуждение этих вопросов логически приводит к другому аспекту проблематизации *культурно-политической и этико-политической природы* феномена российского избирателя.

Несколько столетий демократии приучили западных политиков *понимать, предвосхищать, воздействовать* на электоральное поведение своих граждан. Западный избиратель *прозрачен* для политиков и с точки зрения его базовых интересов и ценностей, и даже с точки зрения выражения стереотипов устойчивого электорального поведения.

Российский же избиратель по-прежнему остается "вещью в себе" и, разумеется, "вещью для себя" российской политики переходного периода. Политическая и интеллектуальная элиты настроены к избирателю с подчас нескрываемым подозрением и даже некоторой враждебностью. Вряд ли это объяснимо только *страхом* политической элиты перед электоральной *непредсказуемостью* россиян.

Значительная (подавляющая?) часть сегодняшней элиты заинтересована как в том, чтобы *сохранить* "культуру" симуляции политической лояльности, так и в том, чтобы эта культура отныне стала *отрефлексированной позицией избирателя, его сознательным этико-политическим выбором*.

По большому счету избиратель *оказывает* нужным политику лишь в определенные моменты политических конфликтов. Либо - для *подтверждения легитимных прав* тех, кто уже находится у власти (в те редкие случаи, когда власть не страшится инициировать референдумы), либо - тех, кто к ней только еще подступает (к примеру, ожидания политических побед оппонентами власти на парламентских и президентских выборах).

Отсюда - логика рефлексии властью феномена российского избирателя: *"народ" бывает правым и справедливым только тогда, когда подтверждает чьи-либо легитимные права на власть*. В противном случае, избиратель - "анахроничен", "ущербен", "консервативен", "обманут", "недальновиден" и т.д., и т.п.

Соответственно, интерес российских политиков к феномену пост- и несоветского избирателя возникает лишь тогда, когда от него "с трепетом" ожидается нелицеприятный или даже опасный для власти электоральный выбор. В этом смысле *российская* власть куда больше заинтересована в познании феномена российского избирателя, чем ее зарубежные коллеги, уже привыкшие к периодической смене властной легитимности.

От исследователя же (начиная от экспертов в области изучения "общественного мнения" и кончая политологами "высокого полета") каждый раз ожидается некое "чудо" предвидения. И несмотря на несчетное число уроков, которые избиратель преподнес и Власти, и Экспертизе, *вновь* наступает момент, когда политическое око Власти обращается к исследователям за прогнозами, советами и консультациями. Вновь ожидая "чуда"?

Неявность "духа" российского народа усиливает убежденность политиков в фатальном отрыве избирателя от времени и подспудно порождает сомнение в его электоральной рациональности. "Избиратель - аффективен!" - модный политический диагноз. Кстати, а как уйти от аффекта, если постоянно акцентируется: "Выборы либо состоятся, либо их отменяют!"

Но действительно ли поведение российского избирателя совершенно - или по преимуществу - *непредсказуемо*? Действительно ли *мера эмоциональности и взвешенности* электорального выбора россиян не поддается измерению средствами социологической и политологической науки? Действительно ли российский избиратель по своей ценностной, мировоззренческой и политико-культурной композиции остается по-прежнему "вещью в себе" и *не поддается экспертному "взвешиванию"*?

Нам представляется, что и *исследовательский скепсис* в отношении "духа" российского избирателя, и *авантюризм манипуляторских настроений* некоторой части российских политиков могут быть преодолены только в процессе диалога Власти и Общества об *идеалах, ценностях и правилах честной игры* политики российской модернизации.

Приглашая авторов Вестника к сотрудничеству, редколлегия предложила им провести *экспертизу* феномена современного российского избирателя с точки зрения:

- *социокультурной природы участия российского избирателя в политическом процессе современной России и феноменологии его идейно-нравственного становления,*

- *мировоззренческих и социальных предпосылок генезиса электоральной культуры в России, духовно-нравственных "исканий" россиян и моделей их электорального поведения,*

- *ценностных оснований электорального выбора и электоральных предпочтений россиян, потенциала идеологического и воспитательного воздействия российской Власти, включая и "четвертую власть" - СМИ, на стереотипы электорального поведения.*

Продолжая практику программирования заказов авторам Вестника, позволяющую реализовать метод консультативного опроса экспертов, редколлегия публикует в рамках предисловия основную часть программы проекта, проблемных вопросов и

рабочих гипотез, стимулирующих экспертизу и консультирование конкретных авторов, - каждый из них получил свой заказ в виде инвариантной части (ее основное содержание представлено в первой части этого предисловия) и персональной части анкеты.

Все чаще в печати и обыденном общении людей встречается понятие "электорат" - латинизированная подмена более привычного для русского уха слова "избиратели". При том, что смысл этого понятия кажется предельно прозрачным, совершенно непроясненной остается та социокультурная реальность, которую это понятие выражает, то есть - прибегая к лингвистической фразеологии - *не ясен референт*. Понятийная туманность, в свою очередь, рикошетом возвращается к исходному понятию "народ". Таким образом и его референтная природа *также утрачивает четкие очертания*.

Многие десятилетия "российские народы" принимали пассивное участие в той *симуляционной игре* большевиков, которая называлась "демократическими выборами". Складывается впечатление, что не только борьба с космополитизмом, но и отсутствие самой электоральной реальности препятствовали языковой популярности этого латинизированного понятия. В той симуляционной реальности выборов "народ" и "избиратели" выступали *синонимами* ("избиратель" был своего рода "мундиром" из сказки Андерсона, который с периодичностью раз в четыре года надевал "весь советский народ" для участия в "самых демократических выборах в мире").

Сегодня "электоральный мундир" начинает приобретать разные *фасоны, цвета, размеры, покррой и даже модные стили*. И потому начинает казаться, что "народ" и "электорат" - это уже далеко не одно и то же. Не одно и то же не только потому, что электоральным правом надделено не все население страны, и даже не потому, что "электоральное качество" является исторически преходящим состоянием народа.

Проблема заключается прежде всего в том, что мы - *и свидетели, и составная часть иного народа*, рождение которого становится возможным именно благодаря *иной* электоральной реальности. Старая формула "народ безмолвствует" утрачивает свою онтологичность, а посему свою онтологичность утрачивает и "старый" народ. *Словом, благодаря "электорату" появляется новая реальность - "народ"*.

При этом, разумеется, переходное состояние российского общества накладывает свой отпечаток и на этот процесс. Трудно в этой связи противостоять исследовательскому искушению и не предположить, что в сегодняшней России *онтологичны два "народа" и один "электорат"*. Однако эта гипотеза вынуждает к

более серьезному понятийному и витальному различению "народа" и "электората"...

Российские традиции электорального соучастия граждан в политическом процессе, очевидно, вещь достаточно специфическая (разумеется, в сравнении с электоральными традициями западных демократий). С *формальной* точки зрения трудно отрицать факт наличия в "советский период" регулярных национальных выборов (*внешне* обустроенных вполне в соответствии с универсальными демократическими легальными нормами). *Фактическая* же сторона этих выборов - вне всякой критики. Дореволюционный опыт участия в выборах, в свою очередь, был не очень продолжительным, да и историческая память о нем вряд ли сохранилась. В этой связи можно сформулировать две противостоящие друг другу исследовательские гипотезы:

- исторических традиций электорального поведения как таковых в России нет, а сегодня лишь "закладывается" фундамент того, что в будущем можно будет назвать *российской электоральной культурой*;

- как бы ни относиться к специфическим электоральным практикам советского и позднесоветского ("горбачевского") периодов, в них все же просматривается - на архетипическом уровне - примечательный набор тех политико-культурных закономерностей, которые можно было бы именовать *российскими архетипами электорального поведения*.

Первая гипотеза, на наш взгляд, не дает ровным счетом никаких возможностей для текущих анализов и прогнозов, предполагающих знание исторических норм электорального поведения россиян. Вторая - придает уверенность в том, что сам предмет нашей рефлексии - "российский избиратель" - есть, по сути, *феномен культурно-исторический*...

В исследовательской литературе существует предельно широкий разброс мнений по вопросу о том, *когда* электоральное большинство совершает свой окончательный электоральный выбор. Да, многим политикам хотелось бы думать, что большинство избирателей делает свой выбор чаще всего задолго до появления на избирательном участке. Да, многие социологи и политологи предпринимают многочисленные попытки подкрепить это желание с помощью всевозможных научных "технологий". Однако *валидно доказать*, что электоральное большинство совершает свой окончательный выбор *до*

"соприкосновения" с электоральной урной или не совершает его, вряд ли когда-либо и кому-либо удастся.

И в этой *непознанности* "тайнства" электорального выбора, по всей видимости, заключается весь *смысл* демократического обустройства жизненного мира людей. *Электоральная урна* при этом является уникальным сосредоточением всего исторического опыта человечества. Урна, при всей кажущейся светскости, в концентрированном виде выражает *коллективное бессознательное*.

Она воспринимается как: *материализованный терминал* электоральных раздумий и колебаний (урна в этом смысле есть "Рубикон" демократического волеизъявления - вернуть опущенный бюллетень невозможно); "святая святых" *честности и конфиденциальности* волеизъявления (урне доверия больше, чем любым конкретным персонам, не важно при этом кто и как *post factum* вскрывает избирательные урны); *жертвенный алтарь*, на котором по воле простого большинства караются "грешники" и возносятся на престол "праведники" (урна выступает своего рода сосудом высшего суда над "смертными политиками"); *чистилище* для всего политического сообщества (урна выступает высшим нравственным авторитетом в ситуации любого политического конфликта); *капище нравственного очищения* для избирателя (урна компенсирует отчужденность человека от политики, сохраняя ощущение справедливости и компенсационной эффективности формулы "сказал и тем самым облегчил душу") и т.п.

Несложно обнаружить, что в приведенном выше списке находят свое выражение наиболее архаичные сакральные культы, ритуалы, верования и предрассудки. Контакт с урной - *магический* момент для избирателя, при том, что далеко не всегда он испытывает от этого контакта *магический трепет и очищение...*

Все чаще лидеры политического процесса сегодняшней России апеллируют к *массовым ожиданиям* россиян. Осторожно и постепенно в "котел" предвыборной схватки вбрасываются все новые идеологические "козыри". Вспомним хотя бы идеи "социальной ориентированности" реформы, российской "державности", "реанимации Союза", "антинатовские" идеи и т.д. При этом лидеры политического процесса активно занимают не столько идеологическим творчеством, сколько скорее *эксплуатацией тех "народных ожиданий"*, которые, как им кажется, на исходе предвыборного марафона могут дать большее число сторонников.

Но ведь именно в гуще "народных ожиданий" рождаются и весьма специфические социокультурные и духовно-нрав-

ственные "монстры", идеологические мутанты постсоветского времени?! Разумеется, в культурно стабильном (или хотя бы устойчивом, уравновешенном) обществе подобные мутанты вряд ли продержались бы длительное время, тем более - обрели бы широкую народную популярность (по крайней мере, по причине своей бессмысленности или фундаментальной противоречивости).

Не является ли одним из таких "мутантов" идеология "народного" капитализма? Не рискованно ли уже само скрещивание настроений и реальных практик патернализма (причем - советского образца) - и либеральных интенций свободного предпринимательства?

Электоральная культура, как, впрочем, и любая другая социально значимая сфера культуры демократического общества, раскрывается через "обязанности" и "права". Выражаясь языком "контракта", - через "обязанности и права" договаривающихся сторон, сторон социального контракта свободных индивидов и государства. Электоральное право в этой связке - ясное и недвусмысленно трактуемое понятие. Сложнее дело обстоит, как кажется, со вторым понятием. А еще более запутанной и амбивалентной кажется сама их связка. Электоральные обязанности, очевидно, можно толковать по-разному: и как формальные (обязанности участия, корректного и правильного заполнения бюллетеней и т.п.); и как содержательные обязанности, касающиеся характера самого электорального выбора, а корректнее - обязанности, по сути, совершаемого выбора; и под другим углом зрения, например, как этические, легальные, политические и т.п. обязанности.

Являются ли электоральные обязанности предельным выражением "категорического императива" Канта, воплощенным в практическом разуме свободного политического субъекта демократического общества (кодекс внутреннего политического долга), - со всей определенностью сказать трудно. Не потому ли рыночное общество формируется сегодня в России с большими проблемами, что отсутствует кодекс нравственной обязанности индивида участвовать в рыночной экономике (общепринятый тезис о символической сути рыночной морали)? Не потому ли слишком вяло формируется демократическое общество, что в массовом сознании отсутствует категорический императив электорального субъекта, субъекта, осознавшего свой внутренний долг и обязанность участия в электоральном процессе.

В характеристике проблемной ситуации, составляющей инвариантную для всех авторов часть анкеты, предложено концептуальное - *теоретико-эмпирическое* - разведение понятий- "народ" и "избиратель".

С точки зрения здравого смысла это может показаться некоторой нелепостью. Однако, если под "народом" понимать генеральную социокультурную совокупность народонаселения страны, а под "избирателем" - совокупность "рядовых политических субъектов", то подобное разведение обретает некоторый *экспериментальный смысл*: социологическая типологизация "народа" в этом эксперименте вряд ли будет совпадать с типологизацией "избирателя".

В то же время несложно предположить, что исследователи разных видов дисциплинарного знания по-разному "услышат" предложение о подобном разведении понятий: одни - *дихотомичность* рациональных и аффективных *мотивов* социального действия; другие - *неадекватность* процесса *принятия решений* одних и тех же субъектов социального действия, вовлеченных в разные жизненные ситуации; третьи - простое *ролевое отличие*; четвертые - *трансидентичность* субъектов повседневного жизненного мира; пятые - *способность* (или *неспособность*) индивидов *руководствоваться* разными ценностными системами и т.д.

Можно было бы продолжать, но сейчас важнее понять, как проблема (не)тождественности "народа" и "избирателя" видится эксперту в области изучения общественного мнения, которому *каждодневно приходится сталкиваться с гносеологической неадекватностью понятий "народ" и "избиратель"*.

В современной российской социологии (демоскопии), как кажется, наметились две методологические тенденции *оценки эффективности опросов общественного мнения в ходе избирательных кампаний*. Несколько упрощая дихотомичность обеих тенденций, постараемся схематично изложить их основное содержание.

Первая тенденция. Современное российское общество социально и культурно не структурировано. Поэтому социологу, конструирующему репрезентативные выборки, никогда не создать модели (объекта), которая хотя бы приблизительно отражала хаос, царящий в массовом сознании и массовых настроениях россиян. Отсюда следует неутешительный вывод: результаты опросов общественного мнения весьма отдаленно напоминают то, что реально происходит в головах людей и

отражается в их действиях (в первую очередь, в их электоральном поведении и в выражении их электоральных предпочтений).

Вторая тенденция. Российское общество в ближайшее время вряд ли обретет "желанную" для социолога структурированность, но этот пессимистичный прогноз на самом деле означает лишь то, что одни только *традиционные* подходы к опросам общественного мнения дают весьма искаженную картину состояния массового сознания. Поиск же "новых" точек зрения в демократических замерах в конечном счете *может* дать вполне осязаемый эффект, - результаты опросов будут все корректнее и адекватнее отражать динамику массового сознания и массовых настроений.

Таким образом (если отвлечься от крайне незначительного числа "продвинутых" центров изучения общественного мнения), обе тенденции оставляют феномен российского избирателя как бы "*сокрытым*" от исследований социологов. Запрос на познание феномена российского избирателя, идущий как из общества, так и из политического пространства, вынужденно остается не подкрепленным встречными - валидными и адекватными - социологическими предложениями?

Неудивительно, что феномен "российского избирателя" интерпретируется по-разному, причем не только исследователями от разных научных дисциплин, но и представителями разных профессиональных субкультур сегодняшнего российского общества.

Чаще всего в восприятии этого феномена "*людьми Дела*" обнаруживается несколько примечательных духовно-нравственных закономерностей: об "избирателе" говорится как о "массе"; "избиратель", как понятие, почти всегда содержит в себе дополнительные оценочные коннотации; "избиратель" чаще понимается как генеральная совокупность враждебного "людям Дела" населения, при этом собственно "люди Дела" как бы исключаются из корпуса "избирателей" (впрочем, предприниматели, как правило, не принимают вообще участия в выборах); интенционально "люди Дела" грезят о сохранении демократии и свобод, но без "российских избирателей".

Разумеется, это описание восприятия "людьми Дела" сегодняшнего российского электората условно и не претендует на объективность, а тем более на полноту. Тем не менее отметим, что в подобном отношении к электорату, во-первых, нет ничего *специфически российского*. Западные предприниматели толкуют о своей демократии и своих "национальных" избирательных корпусах в той же моральности. Во-вторых, не случайна у предпринимателей сильная тяга к умеренному

авторитаризму и даже к просвещенной диктатуре, то есть к *рыночной свободе без тягостных процедур демократических выборов*.

Очевидно, что политический выбор, в который поставлена сегодня страна, самым прямым образом скажется на дальнейшей судьбе российского предпринимательства. И, напротив, от того, как будут развиваться взаимоотношения предпринимателей и избирателей, в значительной степени зависит выбор конкретного *идеологического сценария*, по которому будут разыгрываться "кандидатские" *стратегии* и конечная президентская *"схватка"*.

В исследовательской литературе нередко используется *теоретико-социологическая метафора* о двух исторических путях модернизации. О первом пути: процесс осовременивания начинается в обществе, и постепенно общество создает "под себя", для своих целей государство, - так возник проект "нация-государство", так исторически оформились большинство западных демократий. О втором: процесс осовременивания начинается в государстве, "сверху", и государство постепенно создает "удобное для себя" (под себя) общество, - так исторически осовременивались Китай и Россия, если брать классические примеры этого инварианта модернизации (этакратические "государства-общества").

Можно не принимать этой метафоры, но трудно по существу возразить на тезис о том, что российское общество осовременивалось таким образом, чтобы быть *более удобным, более операциональным, более инструментальным* для государства, то есть на тезис о *подчиненности общества государству*. Сегодня Россия предпринимает попытку изменения этого соотношения в пользу общества. Уже само участие общества в демократических процедурах и зависимость государства от этих процедур могут рассматриваться в качестве первого шага на этом пути.

Однако, как кажется, сегодняшняя политическая реформа в России, если и не обречена на неудачу, то, по крайней мере, наталкивается на *два трудно преодолимых препятствия*, а именно: России не войти дважды "в одну и ту же реку", то есть, будучи модернизированной по одному - этакратическому - сценарному проекту, она вряд ли сможет ре-модернизироваться по другому; российское общество настолько свыклось с ситуацией подчиненности государству, настолько эта подчиненность вошла "в плоть и кровь" россиян, что общество вряд ли будет способно встать в позу "антигосударственничества" (как хотели бы того либералы), без чего, по существу, не изменится

модернизационное соотношение между обществом и государством.

Из всего этого возникает один принципиальный вопрос: каким образом и во имя каких целей российскому обществу необходимо "обороняться" от государства (мы сознательно не употребляем в данной связи понятия "власть", поскольку оно может серьезно запутать эти рассуждения).

В современном публичном дискурсе несложно обнаружить несколько *принципиальных* - и в то же время не очень расхожих - тезисов о "новой" роли СМИ в политико-электоральных процессах современных обществ, особенно так называемого "переходного" (к демократии?!) типа. Приведем лишь некоторые - наиболее значимые для предмета экспертизы - *тезисы*:

- в условиях кризиса института политических партий в современном мире *функции и роль "партии"* начинает обретать *корпорация* национальных (а подчас и интернациональных) СМИ;

- современные общества не "придумали" пока еще более мощного и эффективного канала политико-культурного *воздействия на массовое сознание*, чем СМИ, в особенности - телевидение (сегодняшние войны и революции проходят "по телевизору");

- власть любого современного общества (не только российского!) ведет своего рода *"крестный поход против СМИ"*, пытаясь урезать их в свободе, правах и в равноправном статусе *субъекта не только гражданского общества, но и собственно политической власти*.

Последняя выборная кампания в России достаточно отчетливо показала всю полноту и масштабность воздействия СМИ на российского избирателя. Однако влияние СМИ на избирателя, как кажется, неоднозначно (как с точки зрения их *новой* - "корпоративной" - роли, так и с точки зрения способов концептуализации места СМИ в отношениях власти и общества) и вряд ли может быть исследовано лишь "оценочно" (сильное/слабое воздействие, позитивное/негативное влияние и т.п.)...

Рефлексия прошедшей парламентской избирательной кампании приводит некоторых аналитиков - социологов, политологов, социопсихологов - к ряду примечательных выводов относительно электоральной культуры в сегодняшней России: несмотря на *кажущуюся* случайность электорального выбора рядовых граждан, *на самом деле* фундаментальный выбор - уча-

ствие или неучастие, тип политических предпочтений - был сделан задолго до выборов; несмотря на *кажущуюся* неосновательность электоральных предпочтений, *на самом деле* фундаментальные "политические аудитории" сформированы относительно устойчиво, а их социальные составы определены; несмотря на *кажущуюся* аполитичность электорального участия россиян, *на самом деле* в основе их электорального поведения лежат сугубо политические мотивы; наконец, несмотря на *кажущееся* "исчезновение" из политического пространства идеологического фактора, *на самом деле* именно противостояние идеологий предопределило исход выборов.

Список исследовательских гипотез относительно результатов прошедших выборов можно было бы продолжить, но уже приведенных гипотез достаточно, чтобы сделать два предлагаемых на экспертизу вывода: во-первых, *российское общество продемонстрировало высокий уровень политической структурированности*; во-вторых, *российский избиратель продемонстрировал высокий уровень идеологизированности*.

При этом, разумеется, проявились разные идеологии, многообразие типов солидарности, да и сама структурированность общества вряд ли может быть выражена традиционными понятиями или средствами...

Политику свойственно *инструментальное отношение* к избирателю, и наивно предъявлять ему в этой связи какие-либо претензии, особенно - претензии морализаторского свойства. Избиратель для политика демократического толка - единственно легитимный *механизм* обретения (достижения и удержания) власти. Естественно отсюда его желание понять природу феномена избирателя и умело этим знанием распорядиться. Естественно отсюда его желание манипулировать, управлять и контролировать весь совокупный электоральный процесс.

По мере того, как в стране укрепляется *тенденция выборности*, политики все больше вооружаются *навыками ориентации* в электоральном пространстве, *навыками* эффективного воздействия на массовое сознание, не говоря уж о познании самой "науки" выборов. Если подразумевать под *электоральной культурой двусторонний процесс* - освоение политиками принципов, технологии и методологии избирательного процесса и освоение избирателями азов социополитической и легальной ориентации в электоральном пространстве, то *слабее всего заметна эволюция* именно во второй составляющей электоральной культуры России.

Что касается политиков, то у них очевидно стремление к освоению "нового" знания и навыков. Ситуация с российским избирателем иная. Предлагаем для экспертизы две взаимо-

связанные *гипотезы*: российский избиратель *практически безоружен* перед манипуляторским мастерством политиков; российский избиратель *практически безразличен* к манипуляторским наклонностям политиков...

Редколлегия

**Метафизика успеха:
РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ
КАК ЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Л. А. Аннинский

РОДНАЯ КАША

**(что такое “российский народ” и
чем он отличается от “электората”?)**

*Разделяю ли я чувство различности понятий "народ" и "электорат"? Если "да", то каким образом провел бы между ними дефиниционную границу? Если "нет", то как бы обосновал их **метафизическую** тождественность?*

Это как смешать манку с гречкой, а потом искать дефиниционную границу.

Метафизическое измерение есть в данной паре только у понятия "народ". Это измерение затем и существует, чтобы обозначить то смутное, неопределимое и неизмеримое, что превышает и сбивает все ясные, определимые и измеримые ("физические") характеристики, которые можно дать сумме индивидов, живущих в данном месте в данную эпоху. "Физически" - такое-то количество особей, такое-то их распределение по возрастам, полам, профессиям, конфессиям, национальностям и прочим стратам, поддающимся и измерению, и даже прогнозированию. Скажем: молодежь склонна к радикализму; верующие не доверяют атеистам; шахтеры поддерживают коммунистов и т.д. Это все - "физика".

Метафизика включается на совершенно ином уровне реальности и рефлексии. Как правило - в критической ситуации, когда встает вопрос о жизни или гибели данной физической суммы индивидов ("населения") или о перерождении этого "населения" в какое-то другое "население". Тогда говорят: "народ".

В 1612 году население вдрызг раздробилось от Смуты, но когда поляки и шведы подвели "сумму индивидов" к критической черте, - ватага вооружившихся нижегородцев (где этнической эрзи-мокши было едва ли намного меньше, чем славян, но это неважно) под водительством потомка варягов (то есть тех же шведов, но это тоже неважно) пошла бить пришельцев-оккупантов, и тотчас обнаружился в этой сумме - "народ".

Потом "народ" обнаружился в 1812 году при посредстве Наполеона, что почувствовал и увековечил Лев Толстой.

Потом "народ" *не* обнаружил себя в 1914-ом, а обнаружили себя классы, партии и прочие его части. Пришлось "народу" обнаружиться уже на грани физического и нравственного распада, причем под измененным именем: "советский народ", и это *метафизическое* "тело" спасло себя от гибели в 1941 году, в момент очередного "исторического испытания".

Определить, что это такое - "народ", вряд ли возможно, как невозможно "удержать плазму в стенках": она держится усилием энергии, "скручивается" вокруг невидимой оси, вызываемая разрядом тока, и существует ровно столько, сколько живет разряд - мгновение ("историческое мгновение").

Синонимов "народу", строго говоря, нет, потому что это понятие ситуационное: духовное, религиозное, энергетическое. Но есть предикаты. Их два. Или народ "един". Или он "гибнет": разваливается, раскалывается, разбегается. Потом из "этнографического материала" собирается (сбегается, сплавляется, выковыивается), а лучше сказать: рождается другой "народ".

"Физические" характеристики применимы не к "народу", а лишь к тому материалу, из которого народ рождается и в который превращается при гибели или распаде. "Народ" - чистая метафизика.

"Электорат" же - чистая физика, даже математика. Это одно из материальных измерений, работающих именно при ламинарном, невозмущенном состоянии объекта, когда стрессы не выходят за пределы "правил игры", а страсти реализуются в условносимволических действиях (поставить закорючку на бумажке и бросить в ящик). Поведение людей в этом действии настолько хорошо предсказывается, что предвыборные прогнозы являются родом занятий для огромного количества специалистов от политологов и социологов до экстрасенсов и юмористов.

Иными словами, "народ" и "электорат" - понятия настолько несовпадающие в бытийном замысле, что не то что о метафизической их тождественности, но и о соизмеримости говорить трудно. "Народ" - это ответ на онтологический вопрос: быть или не быть? "Электорат" - это ответ на феноменологический вопрос: как быть, чтобы достичь таких-то и таких-то прояснившихся бытийных целей.

Впрочем, тогда это уже не цели, а задачи. Цели - это все-таки метафизика. Но когда цели в тумане, то и задачи могут играть роль ориентиров: чтобы продержаться.

Иногда имитация помогает не забыть, какова в принципе реальность.

Каким видится сегодняшнее примеривание российским народом "электорального мундира"? Каким образом меняется идентичность российского народа в "новом мундире"?

"Идентичность народа" - это все та же метафизика, а что касается примерки мундира, то народ наш его и при Сталине периодически примерял.

Вы скажете: так это как раз и была имитация! - и будете правы. Разумеется, имитация. И отнюдь не только для того, чтобы между двумя мировыми войнами, а потом в ожидании третьей, - не потерять привычки к выборам (для нормальной жизни и нормальной "физики"), а прежде всего для того, чтобы вышибить, выбить, вытеснить из сознания людей всякий намек на реальность выбора. Ибо вопрос стоял именно "метафизически": о жизни и гибели народа (Кто кого! Или добежим, или сомнут! Все для фронта, все для победы!). Это даже не мундир был - шинель солдатская.

Сегодня, пожалуй, и впрямь "мундир".

И сегодня законен вопрос: зачем мы в него рядимся? А что, вопрос о народе уже не встает? И решено, что "советского народа" все равно нет, а "русский народ" все равно есть, и стало быть, надо решать конкретные задачи по жизнеобеспечению?

Тогда вопрос, в сущности, такой: какие задачи? Раз выжили, - то: как накормить всех? Как жить дальше?

То есть речь о *содержании* понятия.

Но разве с *объемом* понятия уже все ясно? Нельзя же уточнять то и другое разом. Определите объем - тогда высветится содержание. Или: определите содержание - очертится и объем.

Вы объем знаете?

Скажем: все в пределах того, что осталось у нас после Беловежского развала.

А - миллионы русских, оставшихся "за пределами"? Они что, согласятся быть вне "русского народа"? Оставшись за пределами "российского электората", будут голосовать за Кравчука или Кучму как ни в чем не бывало? А если чеченцы или татары откажутся посылать депутатов в Москву, тем самым продемонстрировав желание выйти из объема "российского электората" (из объема "советского" они вышиблены беловежской демократической затрещиной, а в объем "русский" не входят "по определению" и не хотят, и не захотят)?

Так что же мы выбираем?

При Советской власти - мы ничего не выбирали. Но было ясно, *что* не выбирали. Мы не выбирали то, что уже все равно имели по роковому ходу событий: тоталитарное единство. Мы его подтверждали фактом невыборов (то есть мнимых, бле-зирных, имитированных выборов).

Тогда давайте сообразим, *что* мы потеряли с утратой Советской власти и Советского Союза.

Мы утратили тотально-казарменную власть и распустили военный союз. В этом смысле разница между Российской Им-

перией и Советским Союзом непринципиальна: империя - дело в принципе военное. То есть: извне - "неприступная крепость", изнутри - "тюрьма народов", "казарма", "лагерь". Причина появления империи - не та или иная тоталитарная идея ("Третий Рим", "Третий Интернационал" и т.д.), а инстинктивная готовность "народа" (или "народов") сплотиться перед лицом внешней опасности. Это выбор меньшего зла.

Все остальные "выборы" - следствие.

"Русские" - типично имперский народ, появившийся в результате объединения, смешения и слияния разных племен, наций, народностей, ни один из которых не может считаться коренным.

Иначе говоря, русские - не первоэлемент России, а ее скрепа. Великороссы - да, один из первоэлементов, но - наряду с десятками прочих. Это - этнически. Если же говорить о первоэлементах культурных и общественных, то один из них - язык, русский язык, данный России славянами; но и это только *один* из первоэлементов. Тип государства у нас - не славянский, а ордынский, то есть, можно сказать, татаро-монгольский. Мистицизм же и загадочность души, которой так гордятся русские, - скорее финского или германского происхождения.

А от славян что же, только язык? Нет, еще и эмоциональная подвижность, податливость, импульсивность, переимчивость. Вообще чувствительность сердца. Что, между прочим, во многом определило когда-то *выбор* православия в качестве религии.

Новый "электоральный мундир" к тому, тысячелетней давности, историческому выбору имеет такое же отношение, как надевший только что мундир наездник к лошади Пржевальского.

Пришелся ли "к лицу" российскому народу "электоральный мундир"? Как прошли "примерка" и "первая носка"? Привыкнет ли российский народ к обновке? Не откажется ли от "мундира", если он ему не "идет", не по нему пошит? Кстати: кем и как "пошит" сам мундир?"

Привыкаем. Привыкнем. Не откажемся, *если* мировая история не навяжет нам очередную геополитическую драку за выживание. Это ведь очень большая роскошь - "четырёххвостка", игральные и игрище с возможностью каждые несколько лет делать властям "козу", причем совершенно безнаказанно. То есть пойти и "назло" Горбачеву проголосовать за Ельцина, а потом опять пойти и "назло" Ельцину проголосовать за Жириновского. Это надо очень уж ничего не бояться. Огромная страна: "от моего голоса ни черта не изменится" - можно голосовать, как левая нога хочет. Или - правая, в зависимости от того, с какой встал.

Кто эту систему придумал, то есть "кем и как пошит мундир", - это ничего не меняет. Древние греки пряли, англичане ткали, французы кроили, американцы тачали - и все *для себя, на свою нужду*. А мы донашиваем, изнашиваем, обнашиваем. Как обносили когда-то по себе марксизм, а до того - ордынский порядок, а до того - варяжский. Обносим и теперь - евро-американский. Раз уж по холодной войне так вышло: или нам голыми прозябать, или в "их мундир" лезть. Погода-то геополитическая неустойчива. Цели вековые посбились: как жить, с кем, в каком составе, а главное: зачем жить так, зачем не иначе?

Положим, и из тумана кое-что проступает. Но неутешительное. Фронты встают. С юга - исламский: уже и "линия раздела" видна. Еще чудо, что казахи и киргизы с нами остаются. С запада (юго-запада) - чудо обратное: Украина откололась. Стало быть, с Центральной Европой нам не быть: там немцы в XXI веке будут всех сплачивать, и украинцам туда, к ним - счастливого пути (чуть не сказал: скатертью дорога). Севернее - до самой Балтики - грань традиционная, без чудес: белорусы - сюда, поляки - туда. Северо-восток, по традиции же, - тыл стратегический. А на Дальнем Востоке все силовые линии могут заново вычертиться, в зависимости от взаимоотношения американцев и японцев. Но не от нас.

А что же от нас?

Считай, ничего. Сохраниться надо. Сохранить силы. Будет давление - будет и противодействие. Но это тюрьма, казарма, лагерь. И никакого электорального рая. Счастье трудных дорог, борьба и гибель за правое дело. То есть, по-настоящему, за левое.

Если же продержится геополитическое равновесие, - тогда будем усердно голосовать. За кого и как - зависит опять-таки от ситуации. На кругу казачьем сроду голосуют - за атамана, который завтра поведет тебя умирать или побеждать. А тут - голосуй за "Президента Федерации", который от тебя - за две тысячи верст. Разница.

Примеряли мы этот новый мундир - как бы в шутку. Шесть лет назад впервые выбирали реально: между Ельциным, Рыжковым, Тулеевым - как между футбольными командами: кто за кого болеет. Что-то вроде игры. А все-таки озирались: нет ли подвоха?

Оказалось: нет подвоха. Никто никого по результатам выборов в кутузку не потащил.

Ну тогда - гуляй, братцы! Раз безопасно, то - мундир на выворот, ноги в рукава! Даешь ЛДПР, так их всех растак: и "коммуняк", и "демократов"!

Погуляли. Обновили. Попривыкли к обновке.

Как носить будем? Да как всегда. Как вывалялись, так и очистимся. Разносим, а куда идти в обновке - на ходу решим.

Вариантов немного. Юрий Кузнецов говорит: два. Либо на край света, либо за угол. Но он же говорит: край света у нас - за каждым углом.

Могу ли я как бы "со стороны" поглядеть на российский народ в новом мундире?

Отчего же, могу.

Стоит народ в мундире и соображает, кто из ораторов ему люб, кто нелюб. Ораторы говорят одно и то же: даешь великую Россию! И каждый уверяет, что именно он эту великую Россию - "даст". И каждый повторяет магические слова: порядок, справедливость, нерушимость, единство, развитие. И знает, как это все обеспечить.

Есть, конечно, и нюансы. Один говорит: идем на Запад, другой: идем на Северо-Восток, а третий *на Юг* хочет броситься. Или так: один говорит, что надо осчастливить всех - и тем самым каждого, другой говорит, что надо осчастливить каждого - и тем самым всех (спор, между прочим, старый).

Конечно, тут много театральной экзальтации. Который хочет дружить с Западом, на самом деле получит с Запада ровно столько "дружбы", сколько Запад сочтет для себя выгодным, и ни цента больше. На Северо-Восток перемещать Россию тоже никто добром не станет: вагон-заков не хватит. Тот, который *на Юг* обещал пойти, никуда не пойдет, потому что идти нечем, да и не впустят его "на юг". Все останемся на месте и будем жить, "как бабки жили", то есть как *нам* велено, а не Западу-Югу-Востоку.

И делать выбранные нами лидеры будут не то, что обещают, и не то, что "хотели бы", а то, что нужно, точнее: то, что возможно. Будь они правые, левые или какие-нибудь "третьи".

Как?! А коренная разница между демократией и коммунизмом?! Давно выветрилась. Для войны - годится, а для мирного житья - чистая символика.

Но ведь принципы несовместимы! Социальные гарантии - или риск предприимчивости? Кормить сразу всех или кормить сначала сильных, а уж они - всех? Это же непримиримо, несовместимо!

Примиримо. Совместимо. Как Америка совмещает республиканцев (которые предпочитают кормить сильных) и демократов (которые пекутся о слабых: меньшинствах и маргиналах). Как Англия совмещает (чередует) лейбористов у руля и консерваторов. Как вся Европа - социалистов и консерваторов. Конкретных форм - бесчисленное множество, а принцип взаимодействия один: сочетание, чередование, взаимоупор того и другого.

Горе России не в том, что в ней есть правые и левые. Горе в том, что левые хотят извести правых, а правые - левых. И

потому всякие очередные выборы объявляются непременно судьбоносными.

Не хочу судьбоносных выборов. Одного хочу: чтобы очередные выборы не оказались *последними*.

Если уж по западному фасону мундир, так на западе, между прочим, не так уж велика разница между правыми - левыми. Налоги чуть больше, чуть меньше; инвестиции туда, инвестиции сюда, - и можно *спокойно* выбирать: то ли сначала забор строить, потом пивную, то ли сначала пивную, потом забор. Но и то, и другое построят.

А если тут судьбоносное, то это, извините, не забор, а окоп, минное поле: драка, война. Это опять: "быть или не быть". Чья возьмет. И тогда "электоральный мундир" выбрасываем и надеваем шинельки и бушлаты.

Так что же сейчас происходит в России - если "как бы со стороны поглядеть"?

Происходит вживание в образ. Актеры и зрители переживают по-станиславскому: "верю - не верю". Выступают кандидаты. Один говорит: я демократ. Другой: я коммунист. Третий: я либерал. Физиономии же у всех - совершенно однотипные, родные. И обещают, в сущности, одно и то же: единство, развитие, порядок, справедливость, нерушимость. А если говорят о быстрых путях к этим целям, - то врут, и тоже почти одинаково.

Народ чувствует, что они врут, но чувствует и другое: там, где они говорят дело, то и *делать* будут приблизительно одно и то же. То есть то, что нужно и можно, иначе - как-то. Народ все это знает, слушает и присматривается. "Выбирает".

Зачем слушает, к чему присматривается?

А чья будка роднее. А кто посимпатичнее. "Программы", "платформы" - это все так, вполуха слушает, это дело темное, крючкотворное. А вот кто родной, - это важно. Того и выберет.

Есть в этом хоть какой-то рациональный смысл? Как ни странно, есть. Случись что - никто ни в "программы", ни в "платформы" не заглянет, о них и не вспомнят. А вопрос встанет очень понятный: вы выбирали тех, кто родней? Ну, так и хлебайте!

И по-русски всем миром продолжим расхлебывать. И, надеюсь, расхлебаем.

В.И.Бакитановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов
ПРИНЦИПЫ ВОЛИ В ЭТИКЕ ИЗБИРАТЕЛЯ

Today we choose faces.
Р.Желязны

Как возможна этика избирателя?

Избиратель - довольно странная фигура на политической сцене. Она каким-то образом принимает участие в политике, оказывается - пусть и мимолетно - вовлеченной в политические игры. Но вместе с тем избиратель не является ни профессиональным политиком, ни даже политиком-любителем. В славную эпоху торжества всеобщего избирательного права корпус избирателей стал почти совпадать по массовости с понятием "народ", с той его частью у нас в России, которой уже минуло 18 лет. Однако любые суждения об этом корпусе наверняка окажутся столь же расплывчатыми и малосодержательными, как и суждения о народе в его целостности. Избиратель прописан в политике в качестве едва заметной фигуры, заурядной пешки с неопределенными свойствами. Но вот приходит пора выборов, и он становится "халифом на час". От его воли, помноженной, правда, на множество аналогичных волей, до определенной степени зависит чуть ли не судьба партий, движений, программ, лозунгов, лидеров, функционеров, соискателей на занятие каких-то публичных должностей. И тогда-то, в предверии Страшного суда подсчета голосов, перед избирателем начинают заискивать, с ним готовы сюсюкать, всячески улаживать. Все это, видимо, и дало веский повод известной исследовательнице-политологу Ханне Арендт для парадоксального высказывания об особой "власти безвластных".

Итак, избиратель - странная фигура. Еще более удивительно явление, которое можно обозначить как "этика избирателя". Если с предназначением "политической этики" дело более или менее ясно (она служит нравственным регулятором деятельности политиков, всех и всяческих), то с "этикой избирателя" до ясности далеко.

Во-первых, являясь, казалось бы, специфической (скорее всего - отраслевой) частью политической этики, фактически она призвана воодушевлять и нормировать поведение тех, кто политиками себя как раз и не считают, да и не являются ими по существу своих обычных занятий.

Во-вторых, что это за этика в таком, так сказать, краткосрочном исполнении? Ведь в роли избирателя человек оказывается как бы в редкой и недолгой политической "командировке", откуда чуть ли не мгновенно возвращается к своему обычному ролевому репертуару, к формам неполитической деятельности.

В-третьих, что это за этика, которая не сфокусирована на чем-то определенном, скажем, на какой-то стороне общественной жизни, виде деятельности, типе профессионального труда, на месте в той или иной организации, а не на столь эфемерном как акт голосования?

В-четвертых, разве годится по каким-то основаниям считать одного избирателя "добрым", "хорошим" и потому делающим "правильный выбор", тогда как другого полагать "злым", "плохим", стало быть, совершающим "неправильный выбор"?

И вообще, нельзя ли, рассуждая о поведении избирателя (на предвыборном митинге, собрании избирателей, избирательном участке при совершении таинства выбора, в кабине для голосования, при участии в процедуре отзыва депутата и т.п.), вообще обойтись без оценивания его действий с помощью средств морали?

Мы думаем, что обойтись без этого никак нельзя. Хотя, разумеется, не следует примитивно распределять избирателей по биполярному моральному коду.

Здравый смысл подсказывает, что при желании как-то предварительно обозначить предметную область этики избирателя можно сформулировать две, на первый взгляд как будто совершенно незатейливые, максимы, принципы воли, которые между тем имеют очевидно моральный характер и подкрепляются моральными оценками (скорее - самооценками), сопровождаются одобряющими или осуждающими санкциями. Это, *во-первых*, требование исполнить гражданскую обязанность, приняв участие в выборах, и, *во-вторых*, осуществить данную миссию не формально, а свободно и ответственно.

Если этика политиков требует прежде всего их верности профессиональному призванию и честности (и она так трудно им дается!), то этика избирателя в первую очередь требует ответственного поведения и политической активности. И если поведение избирателя в полной мере отвечает этим требованиям, то его можно считать "идеальным избирателем". Выдвижение еще ряда требований морального плана скорее всего окажется лишь детализацией этих двух максим.

Но достаточно ли обозначения только двух максим, чтобы претенциозно говорить об особой "этике"? Нет ли в этом случае избыточной щедрости, даже если речь идет не о фундаментальной, а о прикладной этике? Впрочем, две названные максимы только кажутся простенькими. В связи с ними

можно говорить об особом и обширном нормативно-мотивационном комплексе.

В самом деле, этика избирателя, например, предусматривает моральное одобрение такого выбора, как абстиненция. Разумеется, далеко не в любом случае. Отказ от участия в процедуре выборов может быть свидетельством как безответственности (наплевательское отношение к гражданским обязанностям, общая недисциплинированность, дезертирство от якобы всегда "грязной" политики, от выборной "клоаки" и иные мотивы), так и свидетельством разумности, гражданской зрелости избирателя. Императив такой зрелости - "без меня!", его мотивация - в отсутствии удовлетворительной альтернативы; в том, что ниже критической отметки упало общественное доверие к власти, или по каким-то другим причинам предлагаемый ущербной избирательной системой выбор, в сущности, аморален. Абстиненция является здесь именно *зрелым* выбором, ибо требует известного мужества: ведь далеко не всякие обязанности являются моральным долгом человека, и различить их предстоит ему самому.

Анонимная ответственность

Что, спрашивается, побуждает избирателя включаться в предвыборные кампании, какая сила влечет его в воскресный - как правило - день отправляться на избирательный участок, чтобы "отдать" свой голос?

Может быть, могучая сила традиции (и тогда есть смысл даже говорить о "голосовательном инстинкте" как стойкой привычке)? Или, скажем, желание поучаствовать в праздничном мероприятии (организаторы выборов стремятся использовать все преимущества политического процесса как привлекательного зрелища)? Но тогда его действия имеют весьма отдаленное отношение к морали и, значит, в его поступках не обнаруживается "ни грана этики". Иное дело, если он побуждаем чувством долга или интересом, который осознается в различных - утилитарных и неутилитарных - ракурсах и не является таким уж антагонистом долга (как, бывает, его интерпретируют).

Как известно, и явка, и неявка на избирательный участок официально фиксируются. Но то, за кого (или за что) избиратель проголосует, лишено персональной маркировки. И тогда мы уже имеем дело не с *анонимной ответственностью*. В этом случае совесть избирателя оказывается не просто лучшим, но и единственным контролером его поступков и, безусловно, осмысливается как моральный феномен, образующий основной нерв этики избирателя.

Такую ответственность нельзя понять вне контекста свободы и автономии человека и гражданина, его священного

права на собственное мнение и на его публичное (пусть даже в форме тайного голосования) высказывание путем выборной преференции. Ее нельзя понять вне суверенного права гражданина соучаствовать в управлении обществом, государством, его отдельными территориями и управленческими звеньями.

Очевидно, что участие в политической жизни может быть и неинституциональным и осуществляться вне избирательного процесса. Формы такого участия порой кажутся весьма привлекательными благодаря своей чувственной наглядности и непосредственности (участие в демонстрациях, пикетировании, погромах, баррикадных боях и в других видах социального протеста). Во всяком случае - по сравнению с маловыразительным и скучным походом на избирательный участок, с чуть ли не механически-однообразным опусканием бюллетеней в урну. Однако неинституциональные формы социального действия чреватые и деструктивными последствиями, имеют весьма отдаленное отношение к управлению общественными делами, к обдуманному, ответственному и рациональному выбору, - участника акции здесь подчиняют стихии толпы или слабоорганизованного множества, ограничивают свободу его решения, отдают во власть законам слепого подражания, порождают в его психике различные смещения и фрустрации.

Обратимся еще раз к ситуации абстиненции. Почему избиратель сплошь и рядом предпочитает уклониться от своего гражданского долга, позабыв даже и о собственных интересах, почему отмалчивается голос политической совести? Прежде всего - из-за ощущения собственного бессилия: что значит единственный голос (он, как напоминает поэтическая строка - "тоньше писка")?! Невозможность на точных аптекарских весах "взвесить" свой голос в массе других голосов, чтобы понять его значение (в большой массе он тонет, утрачивает выразительность), порождает ощущение бессмысленности всей избирательной процедуры, провоцирует безразличие к акту голосования ("и без меня такого-то изберут или же не изберут"). Или - того хуже - рождает расположенность "продать" свой голос, благо отыскался бы на него покупатель.

Индифферентность избирателя порождается, далее, неверием в то, что своим голосованием он способен каким-то образом повлиять на политику, власть. Такое отчуждение - явление не простое. В нем просматривается не только слабость и неустойчивость нравственной мотивации избирателя, но и разочарование в демократических институтах в целом, ощущение фиктивности "власти" избирателя, о силе которой ему так сладко напевают политические витии.

Речь идет о кризисе доверия к институтам представительной конкурентной демократии, порождающем интерес к новым формам идентитарной, прямой демократии, без сложной

избирательной процедуры. Речь идет о кризисе доверия к домогающимся мандатов политическим партиям классического типа с их программами, уставами, формальным членством и соответствующей дисциплиной, к окаменелым механизмам инвентии полномочий, делегирования депутатам и избираемым должностным лицам права выражать и отстаивать интересы избирателей.

И это ситуация отнюдь не сугубо российская, а мировая. В ряде стран она оборачивается "бунтом избирателей", знаменитым "голосованием ногами", выражается в усиливающемся сомнении в разумности продажной "машины для голосования" (даже когда она автоматизирована) и в напряженных - хотя, в основном, стихийных и пока не очень продуктивных - поисках новых каналов взаимодействия граждан с властью. Но в странах с молодой демократией, таких, как Россия, эта ситуация дает о себе знать с особой силой. Гордиевым узлом она завязывает политическое отчуждение избирателей от власти и моральное отчуждение от других лиц и ценностей. И, к сожалению, даже верность повелениям этики избирателя не способна разрешить названный кризис, разве что смягчить его проявления и тяжесть восприятия, создавая тем самым некоторые предпосылки для грядущего выхода современной политической системы из состояния кризиса.

Этос российского избирателя

Характеристика этоса предполагает анализ определенным образом структурированного объекта. Избиратели - не гомогенная масса, подобно толпе или публике, бесструктурным множествам с рыхлыми, разгерметизированными границами. Такими избиратели представляются разве что при подсчете бюллетеней, - все социальные, культурные и нравственные спецификации здесь уже стерты, утратили свою значимость и остаются одни лишь сухие и бесстрастные столбцы цифр, диаграммы и графики.

Можно бесконечно разнообразить способы структурирования избирательного корпуса: социология и политология в обилии предоставляют необходимый для подобных операций инструментарий. Ни в коей мере не преуменьшая его значимости, поспешим заметить, что нас - в связи с избранной темой - привлекает возможность отдать предпочтение иному - моральному - подходу. Мораль - материя исключительно тонкая, едва ли не эфемерная (хотя на редкость существенная), и классификационные признаки, которыми бойко оперируют социология и политология, здесь неизбежно становятся расплывчатыми, произвольными, зыбкими, с трудом поддающимися эмпирической проверке. Исследователю, работающему

в "моральном измерении", предстоит отыскивать надежные способы понижения риска субъективности до уровня, оставляющего его в пределах "осторожного дерзания".

В этом случае для структурирования многоликого, пестрого, противоречивого избирательного корпуса на типологические группы или слои, притом несовпадающие ни с какими цензовыми и социокультурными общностями как источниками регулятивной активности, предпочтительно идти по проторенной дорожке не блестящего свежестью и элегантностью вертикального разделения. При этом нельзя считать псевдообщности людей, образующиеся по избирательным округам, естественными социотерриториальными общностями, впрочем, - нельзя не признать некоторых черт подобия между ними.

По этому методу выделяют, во-первых, тех, кто относится к духовной элите общества, составляет его "образованное сословие". Интеллектуально и нравственно наиболее развитых избирателей можно было бы обозначить как интеллигенцию - в традиционном русском смысле этого понятия. Те, кого охватывает данная номинация, голосуют, как правило, ответственно, со знанием дела. Они отдают себе отчет в том, чего хотят, они свободны от большинства социально-психологических предрассудков (но, впрочем, не от всех) и от влияния расхожих мифов. Они способны, будь в том необходимость, идти против течения в своих избирательских предпочтениях.

Вполне отчетливо осознавая опасность идеализации этого слоя, заметим и нечто иное: высокая планка культуры и нравственности для "допуска" в данный слой не означает, разумеется, будто все, оказавшиеся в нем, голосуют единообразно, за одни и те же политические программы и партии, за одних и тех же баллотирующихся политиков. Такая планка лишь свидетельствует об известном единообразии самого отношения к акту голосования, что вовсе не является форс-мажорным препятствием для политического плюрализма. Мотивы ангажмента способны быть самыми различными, политические предпочтения и вкусы могут оказаться даже причудливыми, экзотическими. Однако сам акт выбора соответствует духу и нормам этики избирателя.

Но при всем этом диапазон морального выбора имеет ясно очерченные границы: существует фильтр, некая диафрагма, которая не пропускает в сознание избирателя данного слоя мутные потоки манипулятивного давления, обеспечивая тем самым отрефлексированность предпочтений. За пределами выбора остаются политические скандалисты, беспардонные демагоги, поборники агрессивности, массивного применения насилия как средства достижения политических целей, всякие группировки экстремистского толка: для такого избирателя приемлемы все партийные флаги, кроме пиратских.

Добавим к сказанному, что не сам по себе правовой статус придает избирателю положительные нравственные качества, сумму добродетелей, предопределяющих зрелость, ответственность, а временами - и мужественность поведения. Эти качества и добродетели образуются до и вне такого статуса и только проявляются в электоральном акте. В ходе избирательных кампаний, в длительном опыте пребывания в статусе избирателя эти качества определенным образом укрепляются и конкретизируются на политическом поле деятельности.

Во-вторых, выделяют наиболее обширный слой среднестатистических избирателей, который можно было бы обозначить как "обыватели" (не придавая этому выражению уничижительного смысла), как "молчаливое большинство" или - следуя за самоназванием - как "простых людей". Сюда относятся все те, к кому применимо определение "рядовых" политической деятельности. Вопреки нередко встречающимся в политической риторике наших дней инвективам в адрес агентов такой деятельности, в массе своей они обладают качествами порядочности, разумности, ответственности, воплощая некий условный *этический стандарт* поведения в данном обществе и в данное время. Возможно, к ним в первую очередь применимо понятие "средний класс" со всеми его атрибутивными признаками и с учетом тенденций, задерживающих его консолидацию в России. В целом - это все те, у кого нет устойчивой идиосинкразии к правилам и оценкам этики избирателя: только в таком измерении можно согласиться со смыслом латинской поговорки о том, что глас народа - глас божий!

Однако не о "похвальном слове" данному слою избирателей и не о наивной, не подлежащей опытной проверке, вере в его разумность и добровольное согласие сейчас речь, не о лубочной картинке так называемой народной нравственности. Да, политическая этика не может не ценить всеобщего избирательного права как морально-правовой основы современной цивилизации, как-то третировать или просто преуменьшать ее значение в жизни цивилизации. Но она не обязывает к коленопреклоненности по отношению к какому-либо слою избирателей, пусть даже самому массовому. Наоборот - было бы непростительной слепотой не отдавать себе трезвого отчета в том, что "простые люди" в роли избирателей ведут себя отнюдь не всегда достойным образом, достаточно последовательно, ответственно и непременно порядочно.

Воплощая реликты установок патриархально-подданнической политической культуры, они не располагают устойчивым иммунитетом к некоторым особенно "сильным" формам манипулятивного воздействия, применяемого для мобилизации электората, нередко оказываются легкой добычей всевозможных политических авантюристов. В определенные периоды политической жизни фигура избирателя ("Господин

Великий избиратель", а не только "Великий потребитель") становится наиболее обласканной (отчасти такое отношение, надо заметить, допускают и даже предполагают правила игры в представительную демократию). И политические циники сверх всякой меры расшаркиваются перед этой фигурой, беззащитно ей льстят - и в то же самое время лгут, с ней заигрывают, ведут себя запанибрата, ханжески взывают к ее отнюдь не возвышенным интересам, часто прибегают к подкупам и соображениям. Когда оказывается выгодным, ей и угрожают, а временами на нее чуть ли не покрикивают.

Избирателю, оказавшемуся в эпицентре воздействий как контагиозных, так и дистанционных, нелегко отличить проталкиваемое в его сознание содержание манипуляций от подлинно нравственного отношения политиков к своим избирателям. Такие политики апеллируют к достоинству и долгу избирателя и в этом смысле, разумеется, оставаясь крайне заинтересованными в их поддержке, уклоняются от не знающей сдержанности гонки за голосами. Эти политики проявляют, так сказать, "бескорыстное стяжательство" или "незаинтересованный интерес" (по выражению Э.Геллнера), так как нуждаются не просто в лишнем бюллетене в свою поддержку, а в укреплении достоинства и усилении чувства ответственности "подателей голоса", что обещает избирательское сочувствие в стратегической перспективе.

Почему происходит "грехопадение" избирателя второго типа? И как тогда быть с упомянутым выше этическим стандартом? Грехопадение это случается, *во-первых*, потому, что все люди, независимо от уровня их духовного развития, обладают амбивалентными антропологическими характеристиками (пресловутый "полуангел-полузверь"). Природа человека позволяет ему балансировать, - смещаясь то в одну, то в другую сторону, делая это то изящно, то грубо, - между нравственно положительным и отрицательным как в поведении, так и в образе мыслей. Подчас - довольно длительный срок. И даже в критические моменты исторической бифуркации общественного развития (знаменитое и, увы, верное "esse homo").

Во-вторых, именно в поведении "молчаливого большинства", в действиях обывателя, сильнее всего проявляются и проще всего обнаруживаются пагубные синдромы XX века - конформизм и приспособленчество, стадность и стремление безопасности ради укрыться в "середине" от пронзительных ветров, непрерывно дующих из нашей, еще малопривлекательной, социальной реальности.

В таком поведении "молчаливого большинства" нередко можно выявить и зафиксировать процессы инволюции нравов, снижение уровня моральной свободы, ослабление готовности к самостоятельному нахождению должностного до уровня обычая - с его четко прописанным императивом "поступай как

все!". Наверно, на такой основе и складывается электоральное "болото", склонное откладывать свой выбор вплоть до последней минуты, до кабины для голосования, потому что так и не смогло выяснить: как же собираются поступить эти самые "все". Понятно, что такая инволюция нравов "работает" против этики избирателя, ее требований и ценностей.

Каковы объективные причины феномена "болота"? Трудности противостояния глубоко эшелонированным процессам отчуждения, массовизации и утраты самоидентификации. Нарастающая сложность общественной жизни. Непрерывно усиливающаяся мощь манипулятивных механизмов и многое другое. Что, конечно, лишь объясняет, но никак не может оправдать приспособительство и уклонение от ответственности. В то же время нам не хотелось бы оказаться в фарватере тех оценочных суждений (а идут они и справа, и слева), которые обвиняют представительную демократию в непомерной зависимости власти и судеб страны от "капризов", от колебаний настроений избирателя, которого они при этом считают существом ленивым, тупым, равнодушным, несамостоятельным.

Перейдем теперь к завершающей - третьей - типологической группе. Она охватывает тех, чье поведение в каких-то отношениях "не дотягивает" до планки этического стандарта. Притом не спорадически, а систематически. В поведении такого типа избирателей трудно обнаружить последовательность и минимально необходимую взвешенность. Вряд ли им знакомы муки рационального выбора, его бремя и радости. Они обладают неразвитым политическим сознанием, оперируют довольно примитивными представлениями о свойствах политики, ее механизмах и "правилах игры". Они особенно подвержены импульсивным или экзальтированным реакциям на события как на обозреваемой издали политической сцене, ставшей теперь столь приближенной для восприятия с помощью СМИ, так и на реалии повседневности. Потому в их оценках людей и событий напрасно ждать справедливости. Естественно, что такие реакции и оценки отодвигают в бесконечность процесс усвоения норм этики избирателя.

Избиратели из этого слоя практически безоружны перед воздействием политических демагогов и манипулятивной интервенцией в их сознание и тем более в "подкорку". При случае они готовы приторговывать своим суверенным избирательским правом, своими голосами и, в свою очередь, легко поддаются воздействию всевозможных предвыборных трюков и провокаций. Избирательный выбор они не считают серьезным занятием, нередко приравнивая политический процесс к чему-то подобному "наперсточному" и им аналогичным играм. Для описания этой политически инфантильной публики можно применить обозначающий термин "люмпен-избиратели". Волонтеры в данные группы черпаются из всех структурных

образований общества, но в первую очередь - из числа выпавших из структур, из тех, кто образует социальный маргинализ современности, из людей "социального дна", деструктивно ориентированных, испытывающих комплексы неполноценности, обладающих, по Э.Фромму, жизнеотрицательной энергией.

Но "люмпен-избиратели" - равноправные участники политического процесса и потому не заслуживают одних только черных красок. Они не лишены и некоторых положительных упований, неясных надежд покинуть "придонный слой". И не просто за счет только собственных усилий, которые даются им с большим трудом, но и при поддержке со стороны властей и общественности. Поэтому неуместны такие презрительно-высокомерные оценочные квалификации как "обезумевшая избирательная чернь", "нравственно-политическая голытьба" и т.п. Тем более, когда социальный снобизм простирается на пострадавшие от нынешних реформ обширные слои избирателей, ощутивших всю несправедливость распределения тягот реформ, избирателей, часть которых до предела раздражена непомерно высокой социальной ценой реформирования, а другая - просто впала в политическую прострацию.

Общая оценка этоса российского избирателя

Попытаемся предложить общую и по необходимости сжатую характеристику этоса современного российского избирателя. Воспользуемся для этого некоторыми выводами известной книги "Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-ых годов" (М., 1993), которые просто не успели устареть за истекшие годы и вполне применимы к так называемому "постсоветскому человеку".

Авторы этой книги подчеркивают *духовно-нравственную неопределенность* советского человека (выражение принадлежит критику Л.Аннинскому). Ее истоки восходят к досоветской и советской истории страны, и их обсуждение увело бы нас далеко от темы. Речь идет о "чуде" сосуществования индивидуализма с коллективизмом в одной - почти мифистической - душе. И эти начала нельзя рассматривать как в принципе несовместимые, ориентация на личный интерес и успех вполне согласуется со стратегией сотрудничества, кооперативности, социального партнерства, если, конечно, названные начала не смещаются на крайние позиции (аутизм, отъединенность, казарменный коллективизм и т.п.). Сосуществования не в том смысле, что ничто человеческое той душе не чуждо, и не в духе архаического коллективно-бессознательного (К.Юнг) с вытекающим отсюда непреодолимым расколом сознания всякой личности, а в том, что не произошло сближения и синтеза данных начал.

К тому же эта духовно-нравственная неопределенность плохо отрефлектирована, и сами избиратели не отдают себе отчета в том, как уживаются в их сознании и поведении столь различные начала, символы, речевые практики. Самоидентифицируя себя как людей ординарных, "простых", исповедуя и другие подобные мифы о самих себе, они - отмечают социологи - с помощью этих мифов минимизируют ответственность перед самими собой, перед ближними и, тем более, перед дальними в нашем слишком сложном мире, где необычайно трудно уяснить, сделать прозрачной такую ответственность. Это позволяет избирателям легитимизировать себя как людей, избегающих крайностей, хотя в действительности они как раз склонны к ним.

Поведение избирателя в каком-то отношении вполне рационально (причем и целерационально, т.е. направлено на динамично изменяемые личные интересы, и в то же время ценностно-рационально, ориентировано на максимизацию общественного блага), а в другом - все еще традиционнно. "Абсолюты" традиций идут войной на "абсолюты рациональности", - один "идеал" схватывается в единоборстве с другим. Не развитыми оказываются промежуточные звенья, стабилизаторы духовной жизни. Есть "высшая" и есть "профанная" мораль, но нет, точнее - не развита, так сказать, "срединная" мораль. И это самым непосредственным образом отражается на отношении к ценностям этики избирателя, которая не предполагает безусловного достижения уровня "высшей" морали, но и не позволяет довольствоваться "профанной".

Этос российского избирателя, как и в целом этос постсоветского человека, характеризуют постоянные колебания аксиологического маятника, всевозможные шараханья, рывки, то прорывы, то откаты не только в масштабах всей страны, но и в моральном сознании отдельного человека. Проявляется это в состоянии нравственных качеств, в движении от неистового активизма - к пассивности, от эгоцентризма - к жертвенности, от энтузиазма - к апатии, от покорности властям, судьбе, общине, коллективу - к слепому бунтарству против них, от легковерия, наивности и доверчивости - к неразборчивому негативизму, от святости - к греховности, от высокого - к низкому, от готовности трудиться до седьмого пота (в чем, полагал В.Ключевский, нет равных русскому человеку) - к длительным приступам меланхолии, хандры, затяжного безделья.

В истории российского этоса в целом, несомненно, обнаруживается дефицит умеренности, равномерности трудовой и общественной активности, дают о себе знать постоянные нарушения меры. Россия - страна крайностей, и это обстоятельство поставляет без перебоя сюжеты как для нашей трагедии, так и для нашей же сатиры. Такое свойство этоса особенно сказывалось в Смутные времена, к которым без колебаний можно отнести и современную эпоху. Мы продолжаем

сегодня испытывать острый дефицит на умеренные формы индивидуализма и солидаризма (коммунализма), на счастливое сочетание "умения быть самим собой" и одновременно ощущать себя частью широкой общности, что, в свою очередь, влияет на электоральное поведение.

В своих предпочтениях избиратель, опьяненный свободой выбора, невиданного с весны 1917 года, мечется между одной крайностью и ее противоположностью, суживая возможности диалога между ними даже на уровне внутриличностной коммуникации. Мы имеем в виду не колебания между ценностями демолиберализма и органицизма в собственном политическом выборе, а само отношение избирателя к акту выбора (хотя, если брать долговременные тенденции, надо сказать, что потребительский индивидуализм, бюрократический рационализм управления, десинкретизация ценностей при возникновении специализированных подсистем со своими собственными регулятивными средствами, типа профессиональной морали, в целом подрывают позиции традиционалистского коммунализма и патернализма).

От ответственности анонимной к ответственности персональной

Обращаясь к истокам ответственности избирателя, нельзя не поставить два наводящих вопроса: собственно говоря, ответственности "за что?" и, естественно, "перед кем?"

Вполне можно довольствоваться банальными ответами на эти отнюдь не банальные вопросы. Такие облегченные ответы выводят на ответственность перед политико-правовыми инстанциями (в ряде стран, например, конституционное право даже обязывает избирателей принимать участие в голосовании под угрозой штрафных санкций) или перед какими-то группами лиц и организаций - партиями, единомышленниками, "людьми своего круга", коллегами, корпорантами и т.п. Это по части "перед кем?" А по части "за что?" каждый заинтересованный располагает подсчитанными итогами голосования с вытекающими из них политическими и иными последствиями, в которых косвенно отпечатался и выбор, совершенный каждым отдельным избирателем.

Если ограничиться ответами такого рода, то наши вопросы так и останутся разлученными друг от друга. И ответственность оказывается растворенной в океане массовости актов голосования, она если не исчезла в анонимности, то значительно ослабла и в результате едва лишь отличима от безответственности, от плотного, непроницаемого безразличия к самим обретенным и скалькулированным итогам. А ведь избиратель никоим образом не подотчетен каким-то лицам и инстанциям (нечто вроде варианта политического иммунитета).

Более того, его голосование само может быть истолковано как своеобразная форма требования отчетной ответственности политиков и партий перед избирателем.

Между тем неутоленная потребность предложить более взвешенный ответ на вопросы об истоках ответственности неизбежно переводит обсуждение на несколько *метафизический* лад. В сжатом виде этот ответ может прозвучать следующим образом. Избиратель - как и все мы, грешные, ответственен перед самим собой, перед собственной совестью ("перед кем?") за смысл своей жизни, за реализацию жизненного призвания ("за что?"). Через совесть - вопреки ее одномерному истолкованию в вульгарно-социологическом духе - человек вообще в том числе и в роли избирателя (это - фрагмент его ролевого предназначения как гражданина) трансцендирует из своего наличного бытия, отвлекаясь от его, бытия, непосредственных запросов и импульсов, выводя тем самым в сферу надличностного. И там, только там, преодолевая собственную глухоту и немоту, настойчиво вопрошая, он - с помощью понимающего знания либо воображения, обращаясь за помощью к рефлексии или даже молитве, - обнаруживает подлинные истоки собственной ответственности.

К такому открытию чего-то большего и высокого, чем он сам, избиратель приходит в ходе напряженной внутриличностной коммуникации, в процессе перманентного диалога с самим собой. Со своей проснувшейся душой, как сказали бы прежде. В таком диалоге выясняются не те или иные мнения по конкретным вопросам жизни (народа, группы, организации, других лиц, лидеров, движений и т.п.), не добрая или дурная молва, не всевозможные слухи, а выявляется ответ на вопрос вопросов: "что я есть?" и "чем должен быть?".

Ответы такого ранга, а стало быть, и вытекающая из них ответственность, могут быть сакрализованными (в современном мире - не без известной иронии) или секуляризованными, независимо от того, полагаем ли мы такую позицию просто вытесненной стыдливой религиозностью или же квалифицируем ее как прагматику, как свободомыслящий скептицизм, или они, наконец, могут быть результатом компромисса между этими позициями в случае их рутинизации. И здесь - вопреки надеждам на всесилие рациональных выкладок - трудно надеяться на исчерпывающую ясность ответов (тем более - в ситуации дефицита информации и времени, невозможности учесть отдаленные последствия выбора, но все же производить выбор подлежит не по произволу случая, не по правилам жребия, а по совести, у которой - как известно - всегда обнаруживаются свои резоны), подобно тому, как обстоит дело тогда, когда мы жаждем допытаться до самого подлинного понимания терминальных понятий, которыми столь охотно пользуемся, - разве что мы в силах только подозревать, догадываться об их корнях и

предельных значениях. Мобилизуя при этом все познавательные ресурсы, вплоть до возможностей своего бессознательного.

Приведем в данной связи впечатляющую метафору австрийского психолога Виктора Франкла. Актер, стоящий на подмостках, замечает психолог, не видит тех, перед кем играет; его ослепляет свет софитов и рамп, а зрительный зал погружен в кромешную темноту. Тем не менее актер знает, что там, в темном зале, сидят зрители, что он играет перед кем-то. "Точно так же обстоит дело с человеком: выступая на подмостках жизни и ослепленный сверкающей на переднем плане повседневностью, он все же мудростью своего сердца всякий раз угадывает присутствие великого, хоть и незримого наблюдателя, перед которым он отвечает за требуемое от него осуществление его личного конкретного смысла жизни" [1]. Не из такого ли понимания ответственности исходит старинное и для многих странное осознание своей вины (*mea culpa*) и совсем древняя "метанойя": "несовершенство мира есть лишь результат моего несовершенства"?

Но при чем тут деятельность избирателя, какое все это имеет отношение к мимолетному акту голосования или даже к более длительному периоду предвыборных схваток? Переведем сравнения на холодный язык политической прозы. И тотчас вопрос: не такое ли осознание собственной вины влечет граждан-избирателей к самокритике, от которой так хотелось бы ускользнуть, укрывшись в анонимности своей ответственности? И кому такое не удастся - к счастью ли или к несчастью, сказать трудно, - тот побуждается к раскаянию за произведенный выбор или за самоустранение от него: мы не отвергли негодных политиков, депутатов, президентов, губернаторов, мэров (хотя при демократической системе выборов и имели подобную возможность), вот и обрели - по расхожему суждению - таких правителей, которых заслуживаем. Нельзя творить из избирателей неких агнцев божьих, которых ведут на заклание зловерные политики.

Ведь это не кто-то и не где-то, а именно мы не смогли устоять перед посулами политиканов-зазывал и крикливыми обещаниями демагогов. Мы не смогли (случись такое) противостоять проявлениям истериозности, массовым психозам, чем попользовались циничные политики.

Разве не мы не смогли заставить себя вникнуть в предвыборные программы и речи кандидатов на избираемые должности, готовых перед выборами пресмыкаться у ног избирателей, чтобы после мгновенно позабыть о тех, кому подражались верно служить?

Это мы не пожелали разобраться в политической ситуации, в которой очутилась страна?

Кого же теперь винить?!

И вряд ли надолго принесет успокоение обычная оппортунистическая идея-душегрейка: "что единица способна сделать?!". Хотя, с другой стороны, надо признать, что выбор в пользу взвешенной, разумной, ответственной позиции сам по себе еще не дает никаких гарантий на успех, тем более - на конечный успех, когда, наконец-то, можно будет отправить в отставку разумность, мужество, ответственность.

Груз вины облегчается разве только признанием генетических изъянов самой процедуры избрания властей, о чем уже шла речь выше. Делегирование полномочий всегда сопряжено с "покупкой" доверителями на шумном и "диком" политическом рынке соответствующего лица, на лбу которого не написано о качестве данного товара: шанс оказаться обманутым исключительно велик. Но, как писал П.Бурдьё, "индивиды, находящиеся в изолированном и безгласном состоянии, не имеющие ни способности, ни власти, чтобы заставить слушать себя и быть услышанными, оказываются перед выбором: либо безмолвствовать, либо доверить другим право говорить от своего имени" [2].

И вообще человек живет не для того, чтобы быть избирателем и гадать, за кого ему проголосовать на очередных выборах. У него есть другие заботы, дела, привязанности, он не заиклен на политику, хотя некоторые выборы и имеют судьбоносное значение для осуществимости устремлений избирателя, его забот, дел, привязанностей и даже жизни "рядового" от политики.

И еще один момент: ответственность власти резонирует только с ответственностью поведения избирателя.

Пора сделать самый важный вывод из всего сказанного: никакая самая что ни есть совершенная демократическая избирательная система не дает надежных гарантий от манипулирования волей граждан-избирателей со стороны поликратов, *если* при этом избиратели не обладают развитым гражданским сознанием и сами не обеспечивают себя *этической защитой* от манипулятивного давления.

Только защищенное от духовной интервенции сознание позволяет преобразовать количественную, формальную, так называемую "шумпетерианскую", демократию в демократию качественную (по выражению К.Ясперса), помогает уйти от "горизонтального" измерения политики, чтобы перейти к альтиметрическому ее измерению (когда голоса не только подсчитываются, но и взвешиваются). Только тогда возможна наиболее чутко учитывающая этнокультурный контекст политика.

И еще одно завершающее соображение. Дело организации этической защиты, преодоления аполитичности избирателей, увеличения уровня политической партиципации не может быть всецело доверено не только одним политическим элитам, но даже и одним культурным элитам общества: оно

вменяется в обязанность *всем* гражданам-избирателям. Дело это относится к разряду таких, которые никто за них не способен сделать.

Именно в этом смысле есть достаточные основания говорить об ответственности и об этике избирателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франкл В. Человек в поисках смысла.- М.,1990, с.128.
2. Бурдые П. Социология политики. - М., 1993, с.239.

В. Г. Иваницкий
РУССКИЙ ВЫБОР КАК АРХЕТИП И АЛГОРИТМ

*"Изберу себе слугу
Царя-Бога на кругу."
(Из сектантских песнопений)*

1

Что такое выбор не совсем ясно. Онтология понятия выбор вообще не слишком разработана. Конфигурации архетипов выбора и выборов (чего-либо, кого-либо) в коллективном сознании могут очень сильно варьировать. Они могут совпадать и не совпадать с современными представлениями, - но действовать во время реального выбора будут именно они, как бы ни выглядел закон о выборах. Оценка конечного результата проведенной государством общенародной процедуры, судя по всему, также будет базироваться на этих синкретических моделях. И тут, если воспользоваться афоризмом Витгенштейна, понимание будет лишь частным случаем непонимания.

Не менее сложно обстоит дело с многомерным понятием демократии, которую, однако, жестко связывают, а иногда и отождествляют с выборами. Б.Ельцин (речь в Екатеринбурге в связи с объявлением своего решения об участии в выборах) так и сказал, что выборы - гарантия демократии. Обыватель между тем может думать про демократию другое. Для кого она - режим обворовывания народа и беспредел (и она есть), для кого - отсутствие войны в стране и благоденствие граждан (тогда ее нет), для кого - право собственности, защита прав человека и правовое государство (тогда мы лишь на пути к ней). А для иных она - прямое народоправство с правом насилия большинства по отношению к меньшинству (к сожалению, и тут мы на пути к "демократии"). Кто-то без затей связывает понятие демократии с отсутствием привилегий у чиновников и депутатов; кому-то она видится как ликвидация имущественной пропасти между гражданами. Наконец, можно представить и такое мнение: это право менять строй, идеологию, название и государственную символику страны по волеизъявлению простого большинства на данный момент времени, при этом выбор ничем не должен ограничиваться, иначе какой же это свободный выбор? И так далее.

Допустим, что Ельцин не имел в виду ничего подобного. Ну и что тогда? Предполагается, что все россияне знают, что такое выборы в современном демократическом государстве.

Говоря "выборы", мы молчаливо предполагаем, что: 1) эта процедура регулярна и проводится по возможности одинаково; 2) право голоса "справедливо" распределено по всему обществу; 3) выбирается именно победитель, а не тот, кто должен быть отвергнут; 4) выбор производится из числа претендентов, превышающего единицу; 5) лицо, являющееся "результатом" окончательного подсчета голосов, - именно то лицо, которое вправе осуществлять верховную власть, и это обязаны признать и те, кто голосовал за иных кандидатов, и те, кто вовсе не воспользовался своим правом голоса; 6) если соблюдены все условия честной игры, результат выборов нельзя отменить; 7) нельзя голосовать более одного раза; 8) нельзя голосовать более чем за одного кандидата... Но и это еще не все. К числу молчаливых допущений относятся важнейшие условия: должен быть Закон о выборах, в котором прописаны все возможные коллизии, а сам Закон обязан удовлетворять неким условиям - например, не быть в противоречии с Конституцией (если она есть) или с общими правовыми нормами данной страны.

И все равно: сказанное относится к не упомянутому как надводная часть айсберга к подводной. Предположим на секунду, что все кандидаты (их больше одного) на самом деле принадлежат к одной могущественной партии. Казалось бы, все требования соблюдены? Но мы интуитивно понимаем, что такие выборы не демократичны. Следовательно, приходится признать, что подразумевалось еще и то, что кандидаты должны представлять альтернативные общественные сферы, по крайней мере на стадии от выдвижения до 1-го тура голосования. И так далее. У каждой элементарной составляющей сложносочиненного целого, легитимность и святость которого должны быть, дабы успешно функционировать, вне сомнений, имеются свои нелинейные возмущения и парадоксы. Далеко не тривиально, например, что неотъемлемое право каждого голосовать сочетается с правом того же гражданина совершенно игнорировать судьбоносную процедуру, то есть, по сути, по собственной воле лишить себя голоса.

Каждый пункт-условие - сложная дилемма, выработанная или преодоленная веками исторического развития. Нет никакой уверенности, что коллективное сознание избирателя адекватно вышеописанной процессуальности, вытекающей из сциентистской картины мира нового времени и базирующейся на фундаментальных категориях - числе и свободном распределении вероятностей.

* Под этим углом зрения многозначительно сходство возражений против избирательной системы Запада (равного, всеобщего, тайного голосования) у левых и правых "фундаменталов" - от Каддафи ("Зеленая Книга") до Солженицына ("Как нам обустроить Россию"). Им вторят их антагонисты, классики

В отличие от рационального мышления мир подсознательных (архетипических) моделей поведения и оценок - очень жесткая, "душная" вселенная, в которой мало степеней свободы. Любой каузальный миф устроен как готовая изложница для паранойи. Глубинные слои психики отвечают на стимул не количественно, а качественно - квантовым, разовым переходом с "позиции" на "позицию", - бывает, на диаметрально противоположную: русская история свидетель. В особенности такой механизм актуализируется при выборе высшей власти в персонифицированном виде. Предстоящие президентские выборы тем более перегружены значением, что наблюдатели связывают с их исходом судьбу всей страны, для подавляющего числа тех, кто придет на избирательные участки, выборы приобретут характер не простого выбора президента, но всей идеологии, стоящей за конкретным лицом, а еще шире - строя: говоря обобщенно, выбора *веры*.

2

Примечательно: первообраз выбора веры, равно как и первовыборы славянами власти себе, присутствуют в русской летописной традиции и освящены ее авторитетом (см. [3], Лето 6493-6494 и 6370). Вопреки расхожему мнению, это отнюдь не уникально российские прецеденты, а в их основе - уходящие в глубокую тьму архаики базовые фольклорные модели, приобретающие под пером просвещенного летописца вид рельефных законченных рассказов. Сии-то базовые фольклорные модели нас интересуют более всего. Ими и займемся.

анархизма. Кропоткин: "Так что, когда мы воображаем, что сделали большой шаг вперед, вводя у себя, например, суд присяжных, - мы в действительности только возвращаемся к учреждению так называемых "варваров" [1]. По мнению Бакунина, если народоправие институционализируется, то оно неизбежно отчуждается от гражданского общества и становится изощренной формой классового господства. Парламентская республика представляется ему мнимым государством "мнимой народной воли, будто бы выраженной мнимыми представителями в мнимо-народных собраниях" [2]. Безусловно верно здесь только то, что древние примитивные "демократии", уже не имея почти ничего общего с современной, тем не менее дали ей имя и все еще считаются ее пращурами. Однако, как говорится, кому милее поп, кому - попадья.

Например, полный аналог "призвания варягов" можно отыскать в "Днях Арабов" [4].

Герой фольклорного повествования в ситуации выбора. Нарушать или не нарушать родительский запрет покидать дом? Напоить изнемогающего от жажды Кащея Бессмертного или нет? Воздержаться от шага, за которым - полная неизвестность относительно последствий или - была-не-была, "чему быть, того не миновать"? Илья Муромец на перепутье трех дорог читает древнюю надпись на камне. Какую дорогу выбрать?

Как вообще совершается выбор в архетипических фольклорных ситуациях? Мысль о том, что выбор одного варианта равносителен реальной потере всех остальных, делает выбор на самом деле невозможным. Р.Фрост дал глубоко почувствовать это в своей стихотворной притче "Неизбранная дорога" ("The Road Not Taken"), присовокупив к ней лукавый старческий комментарий: "You have to be careful of that; it's a tricky poem, very tricky" [5]. Не исключено, что "very tricky poem" - отклик на знаменитое место трактата раннего А.Бергсона, где в главе "Свобода воли" как раз возникает чертёж развилки. Бергсон утверждает, что выбор в случае выбора не происходит: не существует такой точки, в которой варианты представляются равно привлекательными, - выбор делается до выбора. Геометрическая иллюзия входит в противоречие с идеей длительности, время же необратимо [6]. Свобода и единичность акта выбора коренится в метафизике категории времени, геометризация задачи с иллюзией обратимости времени необходимо приводит к жесточайшему психологическому детерминизму.

Но в том и дело, что архаическое сознание "не прочло" Бергсона. Это, конечно, не значит, что время в сказочно-фольклорном хронотопе и соответствующем ему слое сознания обратимо. Все проще: оно стоит. Оно еще заморожено: "Стояла вечность на дворе". Каждый отрезок времени еще не ощущается как уникальный и, похоже, выбор не мыслится как процесс, происходящий в реальном времени, где каждая секунда - бифуркация, ответственность и выбор. Именно поэтому все варианты кажутся лежащими в одной плоскости и равно доступными: попробовав один, можно вернуться к пропущенному. Отсюда два важных следствия: наиболее архаический алгоритм выбора - перебор, т.е. фактически выбираются все варианты разом; при этом последовательность

* Носители такого сознания - от авторов "челобитных" XVI в. (Адашева, Пересветова, попа Сильвестра) до прожектеров-утопистов, идеологов XVIII-XX вв. - склонны видеть в истории не ряд рекуррентных состояний, каждое из которых необратимое следствие предыдущих, но "свободный", зависящий от воли Суверена (царя, народа) процесс выбора, выработки, "изобретения" наилучшего общественного устройства.

выборов, чтобы начаться, должна иметь какое-то извне идущее побудительное условие, толчок. Именно поэтому так сильно тяготение к жребию. Тут корни пассивного восприятия судьбы и фатализма. Жеребьевка долгое время была единственным прапредком избирательства. Алгоритм перебора - сам по себе объяснение, почему все ошибки непременно будут совершены, а Система, на радость Паркинсону и Питеру, из всех вариантов выберет худший. Богатырь попробует все дороги - и, наконец, роковую.

Второе следствие не столь очевидно. Система-вне-времени необходимо будет оценивать как наилучшее такое решение, что объединяет все альтернативные варианты в один-единственный. Очень характерная российская черта в принятии решений: тянуть до последнего (нотабене: время - не ценность), а затем из 2-х, 3-х, 7-ми предложенных альтернативных программ (вариантов урегулирования) сплетается один, именно потому и не воплотимый в жизнь, что совмещает в себе "лучшие" (жаль только, неконгруэнтные) черты всех.

Н.В.Гоголем подмечены обе особенности, оба тяготения: "Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича - я бы тогда тотчас бы решилась. А теперь поди подумай! просто голова даже стала болеть. Я думаю, лучше всего кинуть жребий. Положиться во всем на волю божию: кто выкинется, тот и муж" [7]. Идеал совмещает в себе все. А в случае, если кандидат не идеал?

Просвечивает отчетливое желание избежать необходимости окончательного выбора, страх неотменности решения, боязнь возможной вины... Выбор по случайному знаку - первый путь такого избегания. Стечение обстоятельств, ставшее судьбой (комплекс Татьяны Лариной), - актуально работающая модель коллективного бессознательного с древних времен по сей день. Зевс в "Илиаде", решая участь Гектора и Ахилла, бросает жребий. По жребию Садко был принесен в жертву морю. По жребию назначались должности в примитивных демократиях. Наш современник, заявляющий: мне все равно, кто станет президентом, я фаталист. Женщина, подчеркнувшая в избирательном бюллетене понравившуюся эмблему, счастливое для себя число... Геродот (кн.III) сообщает, что Дарий, сын Гистаспа, был выбран царем по лошадиному ржанию. Здесь не обошлось без своих хитростей, но об этом позже. Выбор Христом апостолов был для них также полной неожиданностью, а стал судьбой. Разнообразные практики гаданий и вопрошания оракулов - попытки "исключить" случайность решения, оперевшись на нее самое. Другой беспомощный путь избежать окончательности уникального выбора - закливание механизма перебора, когда Система, нация, государство тщетно пытаются

выбить какой-то 3-й звук на выключателе из 2-х кнопок, шарахаясь из одной крайности в другую.

3

До сих пор шла речь о выборе из какого-то набора вариантов. Однако откуда берутся сами варианты? Кто выбирает, из чего нам выбирать? Сам спектр выбора считается данным. Проблемы - как выдвигаются объекты выбора, каков механизм выдвижения и как он может влиять на результат последующего выбора - не выделяются как отдельные и относятся все к тому же нерасчлененному "выбору". Иными словами, понятия выдвижения вариантов и выбор из вариантов не разводятся. Мирской сход выбрал сельского старосту, он был назван, все с этим согласились. Сход собрался, поговорили и оставили того же на новый срок. Все это - "выборы". Может быть. Не в названии дело. Однако выдвижение заслоняет, исключает или подменяет собственно выбор (пример - советские псевдовыборы; методы предоставления слова, "избрания" Президиума на собраниях, съездах). Зазор между первым и вторым открывает возможности для манипулирования, наша неспособность "почувствовать разницу" усугубляет такое положение.

В российском архетипе выборов власти удельный вес выдвижения поражающе велик по сравнению с выборностью. При этом одно принималось за другое, одно вытесняло другое непосредственно в самом процессе "голосования". Варианты, из которых предлагалось выбирать, для массы выборщиков были данностью. Всеобщие, равные, тайные как второй этап - могут и ничего не решать, лишь утверждая результат выдвижения варианта, служа ему легитимной ширмой. (Вот за что интуитивно ухватился Бакунин. Может быть, против этого выступает Солженицын, когда ратует за "земский" принцип и выборы снизу, а не сверху? Но, зажмурясь, пойти в другую сторону - не лучше.)

Вероятно, единственная процедура, где выборность и выдвижение совпадают без антагонизма - остракизм. Выборы наоборот - редуцированный реликт козла отпущения, жертвы - чуть ли не первый пример организованного волеизъявления, взявшего на вооружение счет. Современные выборы - эдакий избирательный аналог переписи населения - унаследовали от остракизма модель подсчета предметов-меток с именами. Не исключено, что алгоритм остракизма аукнулся через века в России. Неоднократно отмечалась живучесть привычки россиян предпочитать выбору лучшего - отторжение того, что не

* Ср. интернациональный сказочный сюжет, в частности, - русскую сказку "Звери в яме" [8].

нравится: мы голосуем не "за", а "против". И обеспечить высокую электоральную активность у нас помогает именно негативная интенция: страх перед худшим, возмущение, протест.

4

Неверно, что в России потому не сложился архетип выборов, что она фактически не знала избирательного права. Избирательного права действительно не было. А выборы были. Свообразные. Города изгоняли и призывали себе князей, выбирали посадников. Разбойники - главарей, бунтовщики - предводителей. Казачество на кругу - атаманов, запорожцы "выкликали" бунчужного голову. У старообрядцев, особенно "беспоповцев", выборность пастыря была нормой. Патриарх, между прочим, тоже не назначался, по крайней мере, некоторое время... С некоторых пор дворяне избирали уездных и губернских предводителей. Мировые судьи и посредники были выборными. Случалось, выбирала Русь и царей, - молчу уже о воеводах народных ополчений и сельских старостах. Какие-то традиции были наработаны, и упорство, с каким механизм передачи цепляется за них, способно озадачить. Выбор "кормщика/-цы" и ритуал клятвы на верность в хлыстовских "кораблях" (название организации верующих) аж до начала XIX в. сохраняют черты сходства с ритуалом варягов и наших поморов русского Севера, избиравших себе кормщика-командира, капитана настоящего корабля, "лоды".

Так что да, выбирали... Весь вопрос - как. С начала перестройки 10 лет. Ни за 10, ни за 100 лет архетипы не складываются: их родина глубокая архаика. Но что-то было. Демократией подобные процедуры не пахли, разве что

* Особенно рельефны примеры с награждениями. Так, по Статутам разных лет, Орден Св.Георгия имел Думу, куда входили все награжденные данным орденом лица, Дума имела право представлять к этой награде; особо отмечалось, что "ни порода, ни предшествующие заслуги не дают права на орден" [9]. В русско-турецкую войну 1877-78 гг. в Кавказскую казачью бригаду, вспоминает Воейков, "было прислано на сотню по 4 креста. Сотенные командиры собрали сотни и объявили им, чтобы они сами выбрали достойных. По голосам выбрали достойных больше, чем крестов. Тогда выбранных казаков поставили в ряд, а сотня пошла справа по одному сзади их, и каждый бросал свою папаху тому, которого находил достойным. Это была, так сказать, закрытая баллотировка. Потом сочли у каждого папаху, и у кого оказалось больше, тем и выдали кресты. Казаки качали счастливых товарищей и долго не могли угомониться" [10].

примитивной, стихийной. А вот неколебимыми правилами, твердыми, как неписаный воровской "закон", жестко диктовавшими, когда, кого и как выдвигать-выбирать, - очень даже.

Помимо упомянутых, к основным свойствам традиционного алгоритма относится также убеждение в иррегулярности, экстраординарности и окончательности выбора. Его нужно делать раз. И, если все в порядке, зачем повторять? (И даже - если не в порядке.) Выбор веры, царя, - если свершился, то навечно. С этого момента любые средства укрепления избранного пути хороши. Новые порядки утверждаются огнем и мечом. Парадокс: старую веру, династию, порядки отстаивают столь же фанатично, причем по той же причине. И еще одно: правильность должна подтверждаться особым признаком - "подсказкой". "Царские знаки" на теле... Всенародное сомнение (царьде "неправильный"), - явления из этого круга.

Остаются открытыми два вопроса. Первый. За власть (и насколько укорененную) или против власти какой тип процедур? Второй. Кого желают выбирать россияне - лучшего, на голубу превосходящего их или такого же, как они? Общего правила нет даже по отношению к "локальным" выборам. Каждый раз решением является уникальное сочетание многих факторов. И фаза истории.

5

Вернемся к базовому архетипу выбора, совершающегося в интимный момент, когда имидж встает в томящуюся по нему лунку, женская или мужская часть "Я" и/или коллективного бессознательного страны делает выбор? Ответ поначалу однозначен: женская. Гипотеза о том, что царь в России - Муж, а страна - Жена, превращается сегодня в гипертрофированное общее место предвыборной публицистики. Сие может радовать

* Мне уже приходилось касаться мифологемы "Священного Брака" (см. Вестник "Этика успеха", вып. 6, 1995). Там на с.60 старославянская цитата из "Слова о полку..." приобрела совершенно неузнаваемый вид. Привожу ее теперь в переложении В.Стеллецкого. "На седьмом веке Трояновом кинул Всеслав жребий о девице, ему *любой*". Значение: Всеслав прикидывает, где бы ему покняжить, т.е. "девица" - это княжество, город. Еще деталь. Д.Лихачев комментирует: "Решившись воспользоваться в 1068 г. восстанием киевлян, чтобы взойти на киевский стол, Всеслав действительно играл своей судьбой - "кинул жребий" [11]. Сравним: Цезарь, перейдя Рубикон: "Alea jacta est" - жребий брошен! А если в слове "любая" передвигать ударение, взаимная связь "омонимов" обнажит ментальную модель свободного выбора.

культуролога, но вообще-то настораживает. Конечно, архетипы брака и выбора теснейшим образом связаны. Ассоциативный ряд уподоблений: PR-агентства, имиджмейкеры и СМИ - свахи; команда претендента - "дружки" (шаферы); средства, потраченные партией на избирательную кампанию - выкуп; партии - сверхмногочисленная родоплеменная родня, вопящая "Горько!" - кто громче крикнет, тот и поцелует неподкупную Царевну Несмеяну. "Голосовать" - это ведь горлом брать, а "выбирать" происходит от "брать" (в том числе и замуж). Разумеется, в ходу и типичные брачные посулы, обещания - "Будет в золоте ходить", "Да мы ее не обидим...", обращенные к стране.

Смех смехом, - а вот какая из исторически сложившихся моделей "брака" будет актуальнее к данному моменту? Ведь их много. Скажем, похищение-увоз или нормальное сватовство, смотрины плюс сговор? Силовой вариант захвата власти с нарушением закона или...?

Фольклорно-сказочные сценарии магического брака предлагают герою как минимум два законных пути: когда выбирает он и когда выбирают его. И то, и другое - испытания из разряда "трудных загадок", неисполнимых задач. Нужно или угадать свою единственную из 12-ти одинаковых красавиц без примет, или допрыгнуть на коне до самого верха высоченной башни и поцеловать дочь Старого Царя. Первое труднее. Второе понятнее: открытое соревнование, приглашающие желаннее со всей земли. Мифы разных народов солидарны в этом пункте: претенденты должны были натянуть тугий лук, победить в конских ристаниях...: в любом случае - это состязание на силу, ловкость, сметливость и, не в последнюю очередь, везение. Что ж, нынешним кандидатом тоже нужно "допрыгнуть до планки".

Такой сценарий можно условно назвать мужским. А первый? Тот "конкурс красоты", где в роли героя сказки не претендент на должность царя, а как раз избиратель, перед чьим взором проходит нескончаемая череда претендентов? Схожесть их личин, их риторики может (о)казаться весьма высокой. Чем не 12 (30, 300) сказочных красавиц? Претендентам, - вместе завоевателям любви и доказывающим свою потенцию, - приходится совмещать обе - и мужскую, и женскую - роли. Предвыборная стратегия и имидж будут определяться тем, какую из "половинок" маски кандидат сочтет более выигрышной: агрессивную или умиротворяющую, кем захочет предстать перед публикой: немногословным таранящим танком или лисой,

* Во всех обществах возрастной брачный ценз был связан с цензом гражданской правомочности, в т.ч. с правом голоса члена мужского сообщества. Архетип "Брак" некогда был тождествен архетипу "Выбор/-ы".

приятной во всех отношениях. Совмещения, впрочем, не избежать: кто уклонится от амбивалентности, проиграет.

"Конкурс красоты" вовсе не исключительно принадлежит сказочной области. В русской истории ментальные скелеты обрастают плотью. Взять царские смотрины невест, выливавшиеся в культовое событие всероссийского масштаба. Красавиц везли со всей страны, закулисные интриги родов и борьба друг с другом были чудовищны. Но вот что любопытно: отбор шел в несколько туров, а условия осмотра намеренно унифицировались. От невест требовалась статуарная недвижность, долженствующая, видимо, олицетворять "незаинтересованность", "честность", - словом, чтобы обошлось без обмана и колдовства.

Трудно отделаться от сказочных параллелей. Как мы знаем, без помощи самой Царевны герой сделать выбор не может, в загадках ее отца он не силен. Самое трудное - вот это последнее задание: выбрать. Чем выбор больше, тем в большей степени он затруднен. Способность героя выбрать скована: нужен живой расколдовывающий знак. Царевна подсказывает тайную приметку, по которой герой может ее узнать. Родинка на щеке, подмигивание, мушка, вьющаяся почему-то возле только одной из многих... Так в русских народных сказках, а в жизни? Предоставим слово писателю: "К ночи назначает царь осмотр девушек... В день назначенный не дают ни покрыва, ни сорочки, комнату истопив еще жарче... велено спать, как положили - сохрани Боже шевельнуться при смотринах! Царь оглядывал будто бы спящую девицу во всех статьях... Дошло дело и до Натальи: царь вошел, как входил к другим, девки со свечами осветили красавицу. И неизвестно, что было бы, если бы не случилось, что Наташенька нарушила запрет открывать глаза... в одном глазке сделала маленькую щелочку, едва дрогнувши веком (...) Дальше известно: стала Наталья Нарышкина русской царицей" [13]. Тайный знак, особая примета, какая-нибудь живая хитрость обязательно входят в архетип непредвзятого выбора.

Иисус брал в апостолы первых встречных, - а все они оказались его земляками, уроженцами Галилеи, один Иуда Искариот из Иудеи.

Славянские племена, по легенде, призвали хорошо известных им варягов, тех самых, каких незадолго перед тем изгнали [3, с.16].

Князь Владимир непредвзято выбирал веру, но и к его сердцу была тайная дорожка, не считая пресловутого "пития". "Если бы был дурен закон греческий, - говорили ему ближние со-

* Слабое эхо: полузабытый фильм "Семь невест ефрейтора Збруева". Процедуру же выводили из византийских обычаев, где та сохранила формы "суда Париса" [12].

ветники, - то бабка твоя Ольга не приняла бы его; а она была мудрее всех людей" [14].

Что же касается Дария Гистаспа, тому повезло со сметливым конюхом, который подстроил ловкий фокус, заставив коня Дария заржать первым [15].

Предвыборная борьба, завоевание любви масс и построение имиджа кандидата, а главное, взаимодействие его с архетипами избирателя - не до конца рациональные действия. Здесь оружием могут стать не только доводы, обращенные к здравому смыслу, рассудку, но и "мифологические жесты", "подмигивания" и "тайные знаки". Цель - в установлении мгновенной двусторонней связи, в поиске тайного пути к душе избирателя. А разговоры иногда даже мешают. Характерный пассаж из классика политологии: "Макиавеллисты считают... что успеха достигают главным образом те, у кого хорошо подвешен язык. При всей своей банальности этот тезис не всегда оправдывается. Есть страны, где краснобайство вызывает настроенное отношение, где "косноязычие" в силу особого местного снобизма кажется предпочтительнее" [16]. "Тайного знака" не подашь, если не ошибешься в ударении, но это мелочь. Кивок способен быть много масштабнее.

6

Таковы традиционные стереотипы выбора. Какое отношение имеют они к современному избирателю РФ? Думается, очень большое. Они тем в большей мере выходят на первый план, чем в большей степени налицо стресс и экзальтация, чем большие ценности поставлены на карту. Эмоциональная накачка заставляет массовое сознание обращаться к сакральным моделям, игнорируя рациональность, что подталкивает к манихейскому пониманию противостояния сил. А это может входить в тактику предвыборной игры какой-нибудь из сторон.

Принципиальный вопрос "кто выбирает?" может ведь решаться и несколько иначе - неожиданнее. В свое время истинный свой выбор сделала часть советского госаппарата, поставив даже не на Россию против СССР, а просто на Ельцина против Горбачева. В отличие от простого избирателя (какой с него спрос) эти "выборщики" отлично знают, что вполне ответственны за свой выбор. Недоумения по поводу метаморфоз Ельцина могут иметь прозрачную подоплеку: непонимание, что на Бориса Николаевича теперь монопольное право у тех, кто его действительно выбрал. И, парадоксальным русским образом, их право выбрать (один-единственный раз навсегда) все еще способно привести к потере страной права выбора.

Выбор электората и выбор народа не совпадают и не совпадут. Разве что там и тогда, где и когда слово "народ"

потеряет специфическую сакральность, вызывающую трепет. Пока же - и это заметно - демократы-либералы, дети эпохи НТР, способные (но зачем-то решившиеся) действовать исключительно на рациональном поле, шаг за шагом проигрывают своим наглухо замифологизированным соперникам. Кто бы ни победил, лето 96-го года обнажит проигрыш Россией рациональной картины мира. Надолго ли? Хотелось бы ошибиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. - М., 1990, с.406.
2. Там же, с.584.
3. ПСРЛ Т.38 (Повесть Временных Лет) - Радзивилловская летопись. - Л., 1989.
4. Дни Арабов. - В кн.: Арабская старина. - М., 1983, с.100.
5. Фрост Р. Стихи. - М., 1986, с. 136, 402-403.
6. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. - Собр.соч. в 4 томах, т.1. - М., 1992, с.126-128.
7. Гоголь Н.В. Женитьба. - Собр.соч. в 7 томах, т.IV. - М., 1985, с.121.
8. Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. В 3 томах, т.1. - М., 1985, с. 41-43.
9. Лубченков Ю.А. За службу и храбрость. - Встречи с историей. Вып. 3. - М., 1990, с.155.
10. Там же, с.157.
11. Злато Слово. - Век XII. - М., 1986, с.439.
12. Диль Ш. Византийские портреты. - М., 1994, с.96-97.
13. Осоргин М. Сивцев Вражек. - Роман. Повесть. Рассказы. - М., 1990, с.539-540.
14. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.1. - История России с древнейших времен. Т.1-2. - М., 1988, с.173
15. Геродот. История. В 9 книгах. - М., 1993, с.166-167.
16. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. - М., 1993, с.110.

О. Т. Вите
ИЗБИРАТЕЛИ - ВРАГИ НАРОДА?
(Размышления об адекватности электорального поведения и факторах, на ее уровень влияющих)

Как бы ни складывались взаимоотношения гражданского общества и государства, именно граждане - организованные в гражданское общество - формируют для себя государство (например, с помощью выборов), даже если иногда создается обратное впечатление. В то же время функция государства состоит в *легитимном насилии* по отношению к *сформировавшим это государство гражданам*¹. Легитимность государства и есть согласие граждан с принуждением (насилием), посредством угрозы и применения которого государство обеспечивает выполнение субъектами гражданского общества (физическими и юридическими лицами) взятых на себя друг перед другом обязательств. На практике государство редко ограничивается *контролем* за их выполнением, но в том или ином объеме берет на себя и часть этих обязательств. Например, образует государственный сектор в экономике. Соответственно, возрастает и объем дополнительных обязательств граждан перед государством, вытекающих из необходимости обеспечить его требуемыми ресурсами (доходами).

Существуют два способа *добровольного* (т.е. легитимного) изъятия этих ресурсов у граждан: налоги и доходы от хозяйственной деятельности государства. Последний способ, к слову сказать, отличается от первого двумя характерными особенностями:

- обложению подвергаются только доходы от "внешней" собственности, но не заработная плата (доход от собственности на свои личные способности);

- изымаются доходы от собственности не отдельных конкретных лиц, но *всех граждан государства без исключения*.

При такой форме коллективной собственности отдельный "гражданин-собственник" не имеет каких-либо юридически закрепленных за ним прав собственности, а потому лишен законной возможности вносить в них изменения: передавать их

¹ В этом вопросе, как известно, взгляды В.Ленина и М.Вебера полностью совпадают.

другому лицу или, напротив, расширять их за счет других лиц². Ущерб, наносимый гражданам налогообложением доходов от такой их собственности, не имеет, стало быть, для каждого отдельного лица какой-либо определенной меры, не может быть количественно оценен. Изымаемая таким образом часть вообще не ощущается как *вычет* из доходов (как расход, убыток), а связь между уменьшившимися доходами граждан и появившимися неведь откуда средствами у государства остается невидимой.

Более того: обратный возврат гражданину этих средств в виде тех или иных социальных благ принимает видимость уже чистой благотворительности, эффективность которой (издержки на единицу даруемого социального блага) получателю совершенно безразлична. Поэтому госсобственность (в отличие от налогов) никогда не обсуждается как проблема целесообразности перераспределения через государственный бюджет средств самих граждан, но только как проблема конкурентоспособности производства на внешнем рынке, качества и дороговизны производимых государством товаров и услуг для внутреннего потребителя.

Что предлагается избирателю на выборах в качестве альтернативных политических платформ для будущего государства? Различные системы распределения взаимных обязательств между гражданами и государством. Это распределение сводится (отвлекаясь от проблем, связанных с существованием других государств) к следующему.

А. Государственные обязательства могут быть разбиты на три группы:

- установить более или менее непротиворечивую систему правил, в соответствии с которыми граждане (физические и юридические лица) заключают между собой договоры, влекущие за собой их обязательства друг перед другом, а также правила выполнения этих обязательств;

- организовать систему насилия, обеспечивающую неукоснительное выполнение установленных правил, а также поддерживать государственную монополию на это насилие;

- осуществить *замещение* - в определенных объеме и составе - обязательств граждан друг перед другом прямыми государственными обязательствами.

Б. Обязательства граждан сводятся к одному:

² Насколько эффективна такая форма коллективной собственности, насколько эти граждане-собственники в состоянии контролировать своих "менеджеров" - от главы государства до руководителей конкретных предприятий, в каких случаях такая форма собственности есть меньшее из зол, - все эти вопросы не относятся к теме данной статьи.

- обеспечить государство необходимыми для его деятельности ресурсами за счет части доходов этих граждан.

Участвуя в строительстве *государства* посредством выборов, т.е. обеспечивая победу одному из вариантов распределения взаимных обязательств между гражданским обществом и государством, избиратель, разумеется, может в той или иной мере *навредить* себе как члену *гражданского общества*. Опыт всех без исключения демократий подтверждает это теоретически очевидное предположение. Вопрос именно в "*мере*": результаты российских голосований многих наводят на мысль о совершенной неадекватности нашего избирателя. Попытаемся разобраться.

Едва ли не самый распространенный путь рассуждений о неадекватности поведения российского избирателя - противопоставление рациональных и эмоциональных (иррациональных) мотивов электорального поведения. Однако такой путь - самообман, ибо один лишь *перевод* проблемы на язык других терминов вовсе не означает *решения* проблемы.

Эмоциональная мотивация отнюдь не противоположна рациональной. Во-первых, всякая рациональность предполагает явную или неявную систему аксиом, за рамками которой *автоматически* превращается в иррациональность. Во-вторых, нарушение логики в рассуждениях (в рамках принятых аксиом) вызывает - с той же "роковой" автоматичностью - сильнейшую эмоциональную реакцию слушателя - позитивную (если рассказывается анекдот) или негативную (если речь идет о деле не шуточном).

Выбор системы аксиом к проблеме рационального с ними обращения не имеет ровным счетом никакого отношения. Собственно, обвинения избирателя в иррациональности его мотиваций есть не что иное, как обвинения в "неправильном" выборе исходной системы аксиом. А потому подобные обвинения, выдвигаемые исключительно людьми, претендующими на высокоразвитую способность логически мыслить, доказывают лишь обратное: абсолютную неспособность к рациональному анализу самой проблемы рациональности.

Ощущение иррациональности поведения избирателя возникает как раз в силу несовпадения систем аксиом, предлагаемых ему агитатором какой-либо партии, с одной стороны, и привычных для избирателя - с другой. В этом случае самые что ни на есть рациональнейшие построения сторон могут вести к логически остро обоснованным, но диаметрально противоположным выводам. Однако с таким же успехом это несовпадение и избиратель, со своей стороны, может интерпретировать как иррациональность рассуждений (и, соответственно, ожиданий) данного агитатора.

Во избежание недоразумений следует пояснить употребление терминов "агитация", "пропаганда" и т.п. В рамках

настоящей статьи этими терминами будут обозначаться любые слова (любой текст), которые так или иначе могут повлиять на электоральное поведение. Всякая информация может передаваться от человека к человеку в двух формах: *побудительной* (приказ, совет, просьба, запрещение, разрешение в отношении тех или иных действий) и *констатирующей* (изложение фактов, относящихся к каким-либо условиям этих действий или к их возможным результатам). Склонить к определенному голосованию можно при помощи слов "голосуй за Явлинского", можно - честным признанием: "я - за Явлинского", а можно - негативной (и правдивой, о лжи речь не идет вообще) информацией о других кандидатах. С этой точки зрения даже самая наиобъективнейшая информация есть пропаганда (только в *форме...* наиобъективнейшей информации).

Строго говоря, восприятие избирателем партийной агитации и пропаганды к вопросу о рациональности вообще не имеет отношения. Оно не имеет отношения даже к вопросу о правдивости пропаганды (или, скажем, к вопросу о правдивости информации).

Каждый нормальный человек защищен от воздействия на себя *слов* других людей (их устной и письменной речи) с помощью фильтра или барьера недоверия³. Не имея человек такой защиты, ему бы пришлось менять свое мнение и даже свое поведение после каждого столкновения с речью другого человека⁴. "Слушать - значит повиноваться" - гласит восточная пословица.

Другими словами, самая первая реакция на *любые* слова *любого* другого человека (если не было *предварительной* подготовки к их восприятию) - отторжение. Недоверие психологически первично. Доверие к словам - это отказ от исходного недоверия, препятствующего их автоматическому *принятию к исполнению*. Поэтому лояльность к словам других людей ("умение слушать" в европейском значении) не дается человеку от рождения, но требует обучения - обучения более сложным и изощренным, чем примитивное "даже слушать не желаю", способам защиты, способам проверки чужих слов на возможный ущерб от принятия их к исполнению.

³ Проблемы, связанные с воздействием человеческой речи и защиты от него, в историко-психологическом контексте разработаны почти забытым сегодня советским историком и социальным психологом Б.Ф.Поршневым в 50-60 годах.

⁴ Эта проблема разработана в знаменитых "Тюремных тетрадах" А.Граммши, как раз на материале партийной агитации и пропаганды.

Как бы ни был логичен и рационален текст, пропускаемый через фильтр недоверия, пропускная способность самого фильтра есть исключительно проблема *эмоциональной* реакции на текст. Включая эмоциональную реакцию на степень его рациональности.

Несть числа способам, позволяющим ослабить и даже совсем отключить барьер недоверия. От замены терминов (незнакомая терминология не вызывает доверие) до замены самого говорящего или пишущего (очевидно, что сегодня слова Никиты Михалкова "про жизнь" столкнутся с меньшим недоверием, чем *те же самые* слова, произнесенные, скажем, Павлом Грачевым).

Конечный или итоговый уровень доверия к тексту определяется сложением результатов *всех* его проверок по *каждому* из возможных критериев оценки потенциальной "вредности" этого текста в случае отключения барьера недоверия. И проверка текста на логичность, на рациональность - лишь одна из великого множества других "проверок". А потому, выдержав проверку на логичность, текст может все равно оказаться заблокированным, не пропущенным через фильтр недоверия, в случае, если проверку по другим критериям пройти не смог.

Таким образом, вопрос о способности избирателя к восприятию рациональных аргументов пропагандиста сводится к двум вопросам:

- осуществляет ли вообще избиратель проверку предлагаемых ему текстов (аргументов) на предмет их рациональности (логичности) или он проявляет полное безразличие к этой стороне предвыборной пропаганды, ограничиваясь ее проверкой по другим критериям?

- если он все-таки осуществляет контроль рациональности, то достаточно ли квалифицированно, способен ли отличить рациональные рассуждения от иррациональных или все путает?

В предлагаемой статье⁵ я попытаюсь обосновать два утверждения:

- российский избиратель высоко ценит рациональность аргументов и очень не любит нарушения правил логики;

- российский избиратель вполне в состоянии отличить рациональные рассуждения от иррациональных.

⁵ Настоящая статья, к слову сказать, в качестве *предлагаемого читателю текста* так же претендует на прохождение его (читателя) эмоциональной проверки на уровень содержащейся в ней "вредности", но рассчитывает проскочить барьер недоверия, главным образом, по критерию рациональности. На большее автор не смеет претендовать.

Итак, законопослушный гражданин, идущий к избирательной урне, вынужден оценить предложенные ему варианты распределения взаимных обязательств между гражданами и государством и выбрать один из них.

Конечная адекватность электорального поведения определяется *тремя* факторами или, точнее, складывается из адекватности *представлений избирателя* по каждому из трех следующих вопросов:

- выгоды для себя (и своей семьи) той или иной системы взаимных обязательств между гражданами и государством;
- общим характере взаимоотношений между гражданами и государством;
- своей личной роли в формировании государства гражданским обществом.

Наиболее популярной публицистической реакцией на результаты выборов является обвинение избирателя в неадекватности его представлений, относящихся к *первому* и *третьему* вопросам. С одной стороны, ставится под сомнение способность избирателя оценить последствия (для себя и своей семьи) победы на выборах той или иной системы распределения обязательств между государством и гражданским обществом. С другой - гражданская ответственность избирателя, понимание им важности его собственного голоса, без участия которого общая работа гражданского общества по строительству государства терпит непоправимый ущерб.

Что касается представлений по *второму* вопросу, то их, как правило, не обсуждают вовсе. И напрасно. Все дело именно в них, в представлениях о характере взаимоотношений между гражданским обществом и государством. Демократический публицист формулирует свои представления из книжек (очень хороших) и существующих в его голове моделей "цивилизованных стран", тогда как обыватель - из повседневного опыта собственной жизни последних десятилетий, даже в том случае, когда для *описания* своих представлений обыватель использует терминологию, заимствованную им у демократического публициста. В контексте устных и письменных размышлений по *первому* и *третьему* вопросам эти представления в значительной (если не преобладающей) части имеют статус *аксиом*, т.е. "очевидных", не обсуждаемых, по определению, утверждений.

Сталкиваясь со "странным" поведением избирателя, демократический публицист вовсе не берет на себя труд *обсудить* "не обсуждаемые" аксиомы, сравнить свою и избирателя системы аксиом, а затем, помогая последнему вывести их из тьмы "очевидного" на свет критического обсуждения, получить шанс *найти общий язык*. Вместо этой трудной и *рискованной* (а вдруг собственные взгляды пересматривать придется!?) работы демократический публицист

склонен обвинить обывателя в неспособности из этих, закрытых для обсуждения, "очевидностей" делать рациональные умозаключения! Это обвинение строится на двух основаниях: на таком же, как и обывателя, неумении анализировать привычные "очевидности" (хотя, в отличие от обывателя, демократический публицист свою склонность к анализу считает признаком принадлежности к интеллектуальной элите) и на восхитительной убежденности, что простой обыватель обязан принимать на веру те же глупости, в какие верит и сам просвещенный публицист, но ни в коем случае не другие.

Однако анализ представлений простого обывателя о взаимоотношениях государства и гражданского общества мог бы показать демократическому публицисту, что опирающийся на них строго рациональный подход к обсуждению первого и третьего вопросов электоральной адекватности с "роковой" необходимостью побуждает исключительно к тому голосованию, которое демократическому публицисту кажется верхом неадекватности и иррациональности. К этому анализу теперь следует перейти.

Для того, чтобы понять особенности "советского" восприятия взаимоотношений государства и гражданского общества, необходимо обратить внимание на две специфические особенности социальной жизни в России (СССР), которые сильнее всего повлияли не только на реальный характер рассматриваемых взаимоотношений, но и на их восприятие.

⁶ Следует напомнить, что ходячее представление об отсутствии гражданского общества в *тоталитарном* СССР не соответствует действительности. Во-первых, как бы ни был ограничен круг допускаемой государством активности граждан, была *семья* и межсемейные связи ("знакомства"). Никакой не контролируемой государством *организованной* активности граждан не допускалось ни в экономической (за исключением, быть может, таких временных образований, как бригады "шабашников", на которые в последние десятилетия Советской власти смотрели сквозь пальцы), ни - тем более - в политической сферах. Однако сама КПСС фактически выполняла не только роль высшего института государства, но и роль единственной организации гражданского общества (вместе с многочисленными контролируемыми ею "дочерними" организациями). Одним из важнейших условий существования режима было сохранение в известных границах этой раздвоенности, позволяющей КПСС как организации гражданского общества защищать граждан от себя же как государственного института. Поэтому с крушением КПСС гражданин потерял не только прежнюю государственную машину, но и систему организаций, где он традиционно искал - а порой и находил! - от этой машины защиту. Отсюда и противоречивость поисков модернизации роли КПСС: то ли усиливать контроль гражданского общества за государством (т.е.

Речь идет о разделении правового пространства общества на сферы действия писанного и обычного права (права обычая), а также о разделении информационного пространства (или пространства "речевых сообщений", если угодно - "пространства гласности") на сферы, допускающие и не допускающие публичность, открытость обсуждения.

Сфера, регулируемая *обычным правом*, приобрела в последние десятилетия огромные масштабы и фактически стала преобладать, доминировать над сферой, регулируемой *писанным правом*⁷. Разделение правового пространства на две эти сферы существует в любом современном обществе. Однако многолетнее (на протяжении жизни одного-двух поколений) доминирование обычного права при сохранении писанного практически неизменно есть исключительно советский феномен, который не мог не вызвать фундаментальные сдвиги во всей общественной жизни, глубочайшую трансформацию легитимного порядка.

С одной стороны, нормы обычного права нуждались в самостоятельной легитимности и могли ее приобрести только в том случае, если они коренным образом отличались от норм писанного права, взаимно исключали друг друга⁸. Бурно развивающаяся последние десятилетия сфера частной жизни, *семейной экономики*, а также сфера "проявления предпримчивости" хозяйственными руководителями, во многом подготовившие советского человека - и в качестве потребителя, и в качестве производителя - к рыночным реформам, регулировались преимущественно нормами обычного права и в

парткомов над администрацией), то ли выводить государственные органы из-под монопольного руководства одной партии ("вся власть Советам!").

⁷ Например, к концу брежневской эпохи, по некоторым оценкам, до 2/3 общего объема распределения ресурсов осуществлялось в рамках так называемой "административной торговли" по обычному праву, а не с помощью плановых процедур по писанному праву.

Например, определение прав собственности граждан на "общенародное достояние" (директора - на завод или колхоз, рабочего - на использования оборудования для своего "частного" производства, на долю продукции завода и т.п.), закрепившееся в советских пословицах типа "тащи с завода каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость", - происходило на основе обычного права и вопиющим образом противоречило нормам права писанного.

соответствии с нормами писанного права были, в лучшем случае, *полузаконными*⁹.

С другой стороны - такая "параллельная" легитимация обычного права могла происходить только в целях сохранения и укрепления писанно-правовых регуляторов, оказавшихся в тисках жесточайшего кризиса в условиях послевоенного "соревнования двух систем". И сколько-нибудь существенный пересмотр писанного права, и сохранение жесткого контроля за его соблюдением - в одинаковой мере грозили стремительной гибелью всему коммунистическому режиму. Оставалось одно: использовать инициативу граждан, прорывающую рамки писанного права и формирующую нормы права обычного, для повышения стремительно падающей эффективности той деятельности, которая регулируется писанным правом. Административный или бюрократический рынок приобрел легитимность именно в качестве средства повышения результативности осуществления плановых процедур.

Однако сосуществование двух легитимностей, носящих взаимоисключающий характер, предполагает возникновение и упрочение особого феномена - *легитимности самой этой взаимоисключающей раздвоенности норм*. Другими словами, общество должно было признать такую раздвоенность норм *особой нормой*¹⁰.

Столкновение противоречащих друг другу правил создавало широкое поле для произвола. Поведение человека в огромном числе случаев могло быть оценено исходя из двух диаметрально противоположных систем норм - на усмотрение "оценщика". И это могло иметь более или менее серьезные последствия в зависимости от того, кто им оказывался: представитель гражданского общества (сосед, приятель) или государства (начальник или, скажем, милиционер). Здесь превосходная почва для двух, отчасти дополняющих друг друга, явлений - донос и

⁹ Сама философия семейной экономики эпохи застоя, выраженная крылатой фразой - *"хочешь жить - умей вертеться"*, едва ли не преследовалась по закону. Чем рисковал хозяйственный руководитель, решившись на проявление предприимчивости даже исключительно на пользу государства, описано в публицистике множество раз.

¹⁰ Сегодняшние трудности сближения двух систем норм коренятся именно здесь. Инстинктивно, по привычке общество стремится не к их сближению, а к восстановлению разрушенного звена: введению несколько измененных норм писанного права при сохранении легитимности их несовпадения с правом обычая. Другими словами, человек хочет сохранить обычное право потихоньку и в меру подворовывать на родном предприятии, но одновременно - сохранить и писанное право, преследующее такое поведение. Иначе меры не будут знать...

взятка. Первое - применяется, главным образом, для того, чтобы помешать чужому успеху, второе - чтобы помочь собственному. Первое - указывает на перевес писанного права, второе - обычного. Тот факт, что второе явление стало абсолютно преобладающим в последние десятилетия, говорит о глубочайшей внутренней трансформации общества, произошедшей с ним за время коммунистического господства.

Взятка в условиях легитимной раздвоенности правового пространства становится естественным и жизненно необходимым смягчающим средством, позволяющим хоть как-то сводить несопоставимые нормы к одному измерению - к *всеобщему эквиваленту*. Однако превращение такой вещи, как *единая для всех и защищаемая государством норма*, в предмет частной сделки обещает немалые трудности для становления полноценной рыночной экономики, которая нуждается как раз в гарантированно-нерыночном характере норм, в соответствии с которыми заключаются рыночные сделки.

Таким образом, легитимация раздвоенности жизненных порядков не приводила к сближению противоречащих друг другу правил, не разрешала возникающих здесь коллизий, но, придавая легитимность *произволу*, помогала смириться с ним, приспособиться к нему, выжить в психологически невыносимой обстановке. Однако одной легитимности сосуществования двух взаимоисключающих систем правил жизни, обладающих собственной и независимой друг от друга легитимностью, явно недостаточно, чтобы длительное время удерживать общественный организм от саморазрушения: укрепляющаяся легитимность обычно-правовых порядков неумолимо подрывала легитимность порядков писанно-правовых, грозила их крушением. Поэтому существовал еще один механизм, блокирующий (до поры, до времени) угрозу запуска цепной реакции в этом ядерном котле.

Деформированное соотношение двух сфер, составляющих правовое пространство, компенсировалось "уравновешивающей" деформацией пространства, которое выше было названо информационным. Разделение последнего на сферу, доступную для публичного обсуждения и сферу, закрытую для него, то есть допускающую лишь частное обсуждение, можно в том или ином виде обнаружить в любом современном обществе. Однако и здесь СССР успел показать себя совершенно уникальным образованием. Стало общим местом при описании тоталитаризма указывать на закрытость для обсуждения многих тем, на различия, если позволительно будет выразиться, дискурса частных кухонных бесед¹¹ от дискурса публичных

¹¹ Нельзя не помянуть добрым словом Н.С.Хрущева: именно с бурного строительства "хрущоб" и началось переселение городских жителей в отдельные квартиры, что

выступлений на собраниях и "активах". Однако самое важное здесь - две вещи. Как табуированность публичного обсуждения определенных практик соотносилась с их принадлежностью к одной из двух сфер правового регулирования - и как различие публичного и частного дискурсов поддерживало равновесие "треугольника легитимностей (обычного и писанного права, а также их сосуществования).

Все, что подпадало под действие писанно-правовых регуляторов, допускалось и к публичному, и к частному обсуждению. Хотя в рамках публичного дискурса и существовали определенные ограничения. Недостатки функционирования партийно-государственной системы по нормам писанного права можно было обсуждать, но в меру. Мера эта определялась, естественно, внутри партийно-государственной системы исходя из одного важнейшего критерия: легитимности норм писанного права (т.е. существованию самой системы) обсуждение не должно угрожать.

Дискурс частного обсуждения практик, регулируемых писанным правом, допускал и даже поощрял сомнения, угрожающие его легитимности.

Все, что подпадало под действие обычно-правовых регуляторов в рамках публичного дискурса, было табуировано. Точнее, соответствующие практики допускались к публичному обсуждению исключительно с точки зрения норм писанного права, т.е. в качестве незаконных (как примеры "отдельных недостатков") и *лишенных легитимности*. Перевес обычного права в практической жизни компенсировался табуированностью публичного обсуждения реальной практики его применения.

Таким образом, весь тот гигантский прирост разнообразия социальной жизни, который общество получило в последние десятилетия и который регулировался, главным образом, обычным правом, в сферу публичного обсуждения допускался не иначе, как в виде, например, проблемы "усиления борьбы с оставшимися (и непрерывно нарастающими) пережитками капитализма". Собственно, вся система публичных мероприятий - так называемых "открытых партийных собраний", "партхозактивов", встреч с представителями различных социально-профессиональных групп, а также митингов и демонстраций - служила цели поддержания легитимности писанного права (как *единственной* системы регулирования) посредством распространения ответственности за принимаемые КПСС решения *на всех граждан*. Даже роль *Советов* (всех уровней) сводилась, по существу, к решению этой задачи.

создало физические условия для частной жизни вообще и для бесед на кухнях - в частности.

Дискурс частного обсуждения¹² был открыт для обычно-правовых практик и в его рамках в качестве источника легитимности этих практик оказывались пороки практик писанно-правовых, т.е. как раз те сомнения, которые легитимности последних и угрожали. Другими словами, легитимность регулирования обычным правом не была, строго говоря, *независимой* от легитимности писанно-правового регулирования. Более того, именно эта зависимость ограниченной легитимности обычного права от ограниченной нелегитимности права писанного и обеспечивала формирование легитимности их сосуществования, была ее главным источником.

Таким образом, в рамках публичного дискурса существовали лишь легитимные писанно-правовые порядки и отдельные случаи нарушения этих порядков, тогда как в рамках частного дискурса существовало *все*: писанно-правовые порядки с сомнительной легитимностью, обусловленные этим обычно-правовые порядки с вынужденной (и, можно сказать, временной - до восстановления полноценной легитимности писанного права после его исправления) легитимностью, а также легитимный произвол сосуществования взаимоисключающих легитимных порядков. Следовательно, вся тяжесть формирования легитимности раздвоенности правового пространства лежала на частных обсуждениях.

Не следует сводить проблему закрытости обычно-правовой жизни для публичного обсуждения к внешнему запрету под угрозой репрессий. Запрет этот был вполне легитимен: он был фундаментальным условием легитимности самой этой жизни.

Исходя из указанных особенностей формирования "треугольника легитимностей" и выстраиваются исходные аксиомы рассуждений избирателя накануне выборов. Перечислим некоторые из них.

1. Поскольку реальная жизнь табуирована для публичного обсуждения, то всякое публичное мероприятие, включая *социологические опросы и даже выборы*, не самое подходящее место для рассказа о ней и для учета ее обстоятельств.

Например, при совершении пенсионером такого регулируемого писанным правом действия, как голосование (за коммунистов), не место ("не логично") вспоминать о небольших достижениях частной жизни внука, регулируемой исключительно обычным правом (доходы от торговли поддержанными

¹² Следует иметь в виду, что дискуссия между членами Политбюро на их частной "кухне" есть именно *частная* беседа (между главными организаторами публичных обсуждений), а вовсе не публичное обсуждение.

импортными автомобилями, которую коммунисты могут и прикрыть)¹³.

2. Уровень реальной жизни, где действуют не-писанные правила и которая табуирована для публичного обсуждения, всегда ниже, чем уровень жизни, достижимый при строгом следовании нормам писанного права, о котором только и приличествует говорить публично.

Рыночная реформа вынуждена была сближать нормы "писанной" и "обычной" жизни, включая сближение цен, *написанных* в магазинных ценниках и *не-писанных* цен черного рынка, т.е. реально привести к росту номинальных цен. В сознании обывателя, придерживающегося аксиомы N1, это означает не единственно возможное *сближение* норм "писанной" и "обычной" жизни, а понижение всей "вилки": *не-писанная* жизнь, очевидно, будет еще хуже! И это устроили вместо того, чтобы, напротив, поднять реальную жизнь до уровня стандартов, заявленных в публичных выступлениях прежнего режима?! Ведь коммунистов только для того и прогнали, чтобы наконец получить все то, что они *публично* обещали...

3. Зарплата (и пенсия), слабо зависящая от частных усилий, принадлежит к публично обсуждаемым вещам; доходы от предпринимательской деятельности запрещены для такого обсуждения и являются исключительно результатом частной инициативы¹⁴. Если первая упала, а вторые выросли, то обсуждать будем исключительно неприятный факт падения зарплаты, а что сверх того - это мое частное дело и никого не касается, ни коммунистов, ни их противников.

4. Легитимность произвола выше легитимности любых правил - как писанных, так и обычных. Временность любых правил и вечность произвола делают сегодняшний рубль многократно весомей завтрашнего. Инфляция лишь дополнительно укрепляет эту незыблемую аксиому. Отсюда рациональный расчет: коммунисты придут и попытаются сделать две вещи - увеличить зарплату и прикрыть все вольности, позволяющие мне иметь кое-что сверх нее (и даже ее превосходящее). Однако первое им наверняка удастся легко и быстро, а второе - вряд ли. Так что *первое время* в сумме, вероятнее всего, получится больше. Это несколько более продвинутый вариант аксиомы N1.

¹³ То, что деятельность внука в результате реформ уже стала регулируемой (в значительной мере) *писанным правом*, не превратилось в повседневную практику *для его деда*. Впрочем, и для внука это превращение не вполне завершено...

¹⁴ Это различие очень точно передается известным пожеланием: "чтоб жить тебе на одну зарплату".

5. Эффективность государственной благотворительности (все социальные блага и, отчасти, даже зарплата) мне безразлична. С моими частными доходами (здесь расчет издержек и прибылей меня очень даже интересует) государственная благотворительность никак не связана. Кто обещает остановить рост цен и одновременно повысить объем бесплатных социальных благ, тот и есть лучший президент. Откуда он возьмет на это деньги - его проблема, пусть хоть с помощью восстановления собственности. Мне хуже не будет, поскольку извлекать дополнительные частные доходы с родного госпредприятия умеет не только директор.

6. Свобода и демократия - хорошо, а порядок (даже в виде более или менее предсказуемого "легитимного произвола") - лучше. Отсутствие первых все-таки не мешало мне проявлять частную инициативу в рамках семейной экономики. А в поворот коммунизма от 70-х к 30-м кто же поверит?

Список подобных аксиом можно продолжать. Естественный процесс их скрытого переосмысления идет, несмотря на отсутствие действенной помощи со стороны образованной публики. Насколько далеко зашел - невозможно измерить никаким инструментом (как раз в силу указанных выше причин), кроме проверки голосованием (т.е. практическим результатом). Существенно ускорить его за оставшееся до выборов время вряд ли удастся.

Итак: совпадает ли народ России и ее электорат?

Приведенный анализ позволяет утверждать, что голосует, причем вполне рационально, все-таки народ. Но народ *вчерашний*. Российский народ уже живет по-новому, но осознает эту жизнь - и, стало быть, принимает осмысленные решения на выборах - по-старому, в старой системе аксиом. Однако если внимательно посмотреть, как демократический публицист отстаивает свои социально-профессиональные интересы, то придется признать, что и он, несмотря на свои претензии считаться интеллектуальной элитой, придерживается *той же самой* устаревшей системы аксиом, но с одним важным исключением: он верит в то, что свобода и демократия важнее порядка, и в то, что поворот к 30-м годам возможен.

На мой взгляд, эта аксиома, отвергаемая демократическим публицистом, является как раз *единственной* из приведенного списка, которую не следовало бы лишать статуса аксиомы.

О. В. Давыдов
ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ УРНА

Надо сразу предупредить: я всего лишь хочу рассказать несколько мифов. Но эти мифы не выдумки, а реальные основания нашей обычной повседневности. Такого рода мифы лучше не разрушать, во-первых, их и нельзя разрушить, а во-вторых, будучи потревоженными, они могут принести много неприятностей. Разумней всего их просто иметь в виду и, может быть, иногда аккуратно использовать в политологических выкладках.

Миф о народе

Считается, выборы - это общенародное волеизъявление. Когда мы в день выборов приходим на избирательный участок, мы совместными усилиями создаем свое общее будущее. Именно в этот день каждый из нас (в большей степени, чем в иное время) ощущает себя частицей единого целого, которое принято называть народом. Однако, что это такое - народ? С чем (или во что) конкретно соединяемся мы, опуская в избирательную урну листочек бумаги, содержащий наше, по-видимому, индивидуальное мнение?

В наше время народ редко мыслится как нечто, имеющее мистическую природу. И все же следы первобытно-сакрального представления о нем можно найти в обиходе современной политической культуры. Для того, чтобы их обнаружить, достаточно вспомнить такие навязшие в зубах выражения, как: "народ сделал свой выбор", "народ ждет наших решений", "народ видит все", "ничего не скрывать от народа", "народ нас не поймет", "народ хочет знать", "надо посоветоваться с народом", "народ не станет мириться с этим" и так далее. В этих выражениях народ мыслится как некое целостное существо (впрочем, это не всегда отчетливо осознается), обладающее определенными желаниями, волей, характером. Правда, эти и многие другие подобного рода словосочетания все-таки кажутся более характерными для доперестроечной политической системы, но они и сегодня все еще в ходу. Более того, по мере приближения к выборам их все чаще можно услышать от политических деятелей.

Что же, собственно, за существо такое - народ? Судя по заклинаниям наших политиков, в нем есть нечто демоническое. Но если даже отвлечься от этих заклинаний, то все-таки можно заметить, что по своим характеристическим признакам он очень напоминает верховных божеств классических теократий. Вот,

например, как описывает Торкильд Якобсен (известный знаток цивилизаций древнего востока) Месопотамскую теократию: "Большинство земель месопотамского города-государства были храмовыми землями. Соответственно этому большинство жителей зарабатывали себе на жизнь в качестве издольщиков, сервов или слугителей богов... Для жителей Месопотамии город-государство действительно был поместьем или, скорее, имел поместье в качестве своей основы. Этим основным поместьем, главным храмом с его землями, владел и управлял бог города, самолично издававший все важнейшие распоряжения. Для выполнения этих приказаний бог города имел в своем подчинении обширный штат божественных и человеческих слуг". Человеческие работники бога "были организованы в группы под присмотром человеческих же надзирателей, образуя иерархию, на вершине которой стоял высочайший человеческий слуга бога, энси, управляющий поместьем бога и его городом-государством. Энси полагалось поддерживать установленный порядок в храме бога, испрашивать совета у бога и выполнять любое специальное приказание, которое богу будет угодно отдать".

Не правда ли, это описание поразительным образом напоминает советскую политическую систему. В основе ее стоял, как все помнят, божественный Народ, которому принадлежала и земля и все остальное в стране. А Народу служили многочисленные слуги, которые, будучи профессионалами, составляли партийный аппарат во главе с главным слугой народа и идеологии, генеральным секретарем (энси). Оставляя в стороне множество других поразительных совпадений, обратим внимание только на то, что и в Месопотамии, и в советской *народной теократии* энси (генсек) общался с богом *непосредственно*, без всякого рода специальных демократических механизмов (то, что называлось выборами в доперестроечном Советском Союзе, было несущественной формальностью, прикрывающей реальное, то есть - мифологическое положение дел).

Разумеется, эта, просуществовавшая у нас около семидесяти лет, народная теократия не вытекает непосредственно из государственного устройства дореволюционной России, но и не возникла на пустом месте. Подлинной основой ее является любезная всякому русскому сердцу община, то есть социально-экономическое устройство, приблизительно сходное с описанным выше месопотамским (не случайно, изучая именно русскую общину, Маркс открыл свой знаменитый "азиатский способ производства"). В каждой конкретной русской общине (как и в каждом месопотамском городишке) можно было бы обнаружить свое особое божество. Описания этих общинных божеств и радений, с ними связанных, можно найти у русских писателей, изучавших народ (особенно яркие, на мой взгляд, - у Златовратского). Но общинное божество можно вывести и чисто

логически - из устройства самой общины. Формально его можно определить как *личность* самой этой конкретной общины. Ведь это так естественно, - поскольку хозяином земли является не каждый отдельный человек, а вся община, мир, взятый как отдельная личность. Экономической реальностью оказывается не индивид, а все тот же мир (народ этой общины). Он же - и юридическое лицо перед общегосударственным законом, внутри же общины действует обычное право. То есть реальна община, а член ее достаточно призрачен, - он только слуга всенародной общинной личности, мирского божества. Описывая мирской сход, Златовратский (человек, настроенный, безусловно, позитивистски) описывает буквально какую-то массовую истерию с мистическим оттенком: "В минуты своего апогея сход делается просто открытой взаимной исповедью и взаимным разоблачением. В эти же минуты, когда, по-видимому, частные интересы каждого достигают высшей степени напряжения, в свою очередь, общественные интересы и справедливость достигают высшей степени контроля".

Такова система "всенародного обсуждения" (имеющего очень мало общего с процедурой референдума), а также и выборов на сходах крестьянской общины. Революция распространила принцип функционирования малой общины (к тому моменту почти умиравшей) на все государство, - это и стало называться Советами. Герберт Уэллс, описывавший работу Петроградского Совета (и отмечавший, что это устройство нежизнеспособно), изобразил его приблизительно так же, как Златовратский - мирской сход. Такая прямая демократия, может быть, и годилась для маленькой деревеньки, но для функционирования общины огромных размеров необходим специальный аппарат (иерархия человеческих надзирателей, проводивших генеральную линию бога Народа), который и был создан большевиками (крестьяне их, кстати, путали с большевиками - авторитетами общины). Позднее это распространение общинного принципа на все государство стало излагаться в виде мифа о "социалистическом выборе".

Миф о сознательном выборе

Как-то раз, уже на излете своего президентства, отбиваясь от наседавших на него оппонентов, Михаил Горбачев обмолвился замечательной фразой: "Мой дед сделал социалистический выбор". "Независимая газета", помнится, в связи с этим съязвила: "Мы не можем с этим не считаться". Шутки шутками, но ведь во фразе бывшего президента заключена интереснейшая мифология. Фактически он говорит об *изготовлении* "социалистического выбора". Конечно, можно не придавать никакого значения тому, что как бы само собой "прет ребром из толщи языка". Но так мы никогда не поймем не только

конкретных политических терзаний человека, чей дед сделал "социалистический выбор", но и того, какая мифологическая история с ним приключилась.

Согласно преданию, предки некоторых людей, выдвинувших новые великие идеи, были скульпторами. Например, отец Сократа был ваятелем, создателем каменных идолов. А сам Сократ создал новую идеологию (детали ее здесь не важны). У Сократа было много духовных детей, сократиков, взаимоотношения которых весьма драматичны. Пример из другой культуры: Фарра, отец Авраама, занимался изготовлением идолов. Сам Авраам над этим смеялся, бил палкой отцовских идолов, а потом ушел из Ура Халдейского (одного из месопотамских городов) и создал новую религию. Своего сына (то есть внука Фарры, сделавшего много идолов) он готов был принести в жертву по наущению своего Бога, искушавшего его.

Михаила Сергеевича, внука того самого Горбачева (деда), который сделал социалистический выбор (или, как имя собственное, Социалистический Выбор), тоже в 91-м году чуть не принесли в жертву (как Исаака). Или даже принесли - идеологические догматики из поколения отцов Михаила Сергеевича (возраст здесь не имеет значения, поскольку речь идет не о физических отцах, а о носителях идеологии развитого социализма). Не стоит здесь называть имена и расставлять акценты, - и так все ясно. Но стоит добавить: дети Горбачева (внука) - это две ветви власти, которые передрались (как и дети Исаака) из-за первородства (впрочем, уже заранее проданного Верховным Советом за чечевичную похлебку).

Все-таки замечательно то, что вся эта кумиротворческая мифология полностью сохраняется и сегодня. Причем сохраняется в делах и словах не только каких-нибудь коммунистических мракобесов. Предвыборный слоган рационалистически настроенного Гайдара звучал так: "Сделаем разумный выбор". Чем, спрашивается, этот *вновь создаваемый* Выбор отличается от того, который сделал дед Горбачева? Пожалуй, лишь тем, что в отличие от Социалистического Выбора новый Выбор должен был стать существом Разумным.

Конечно, советская теократическая система строилась на весьма архаическом фундаменте. Миф о божественном властителе в сочетании с мифом о рукотворном происхождении бога - конструкция очень примитивная. Но, как видим, постсоветская демократия недалеко от этого ушла. Голосование для постсоветского человека связано не столько с естественной сменой политических поколений, сколько с сотворением и утверждением новых кумиров, которые вовсе не собираются умирать естественной политической смертью, но - стремятся закрепиться на политическом олимпе навечно. Политик у нас все еще не просто временно исполняющий какие-то административные функции, но существо, связанное с некоторой

единственно истинной идеологией (а точнее - мифологией). Именно в этом смысле он безальтернативен, а не в каком-нибудь рациональном.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что вся эта мифология сохраняется в качестве подосновы даже в самых разумных и цивилизованных формах демократии. Участвуя в современной процедуре (обряде) голосования, мы несем свои требы к алтарю Народа (буквально - к электоральной урне) и отдаем свою жизнь, свое будущее в его власть. В конце концов, так ведь это и замышлялось отцами-основателями современной демократии: "Каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого" (Руссо. "Об общественном договоре"). Все это очень хорошо, но только при таком подходе не может идти речи ни о каком индивидуальном "рациональном выборе", а лишь о выявлении "общей воли", о своеобразной форме гадания (опять первобытный мотив), имеющего целью выяснить таинственную волю божества, - с тем, чтобы в дальнейшем этой воле следовать (так, во всяком случае, обещают). Говоря современным языком, формальная процедура выборов возникла именно как специфический инструмент выявления бессознательных устремлений коллектива, перевода содержаний коллективного бессознательного в сознательную, то есть - доступную для понимания, форму. В этом смысле участия в выборах не могут избежать даже те, кто "голосует ногами", ибо их издаваемый ногами голос прекрасно учитывается в процессе общенародного волеизъявления.

Конечно, всякому нормальному человеку, бросающему свой бюллетень в урну, кажется, что он сознательно отдает свой голос такому-то кандидату, делает "разумный выбор" ради своего блага и блага своих детей. Прекрасно, но только сознательность при выборе нужной фамилии в бюллетене - вовсе необязательна. Более того, идея свободных выборов совсем не предполагает никакого специального учета *сознательных мнений* индивидов (а если бы было иначе, то была бы запрещена, например, оболванивающая пропаганда). Зато в выборах есть нечто более существенное, а именно: учет *бессознательных хотений* коллектива и объективация этих хотений при помощи магической силы ритуала выборов. Результат этого общенародного ритуала мыслится необратимым, ибо - случилось *событие*. Первоначальное значение этого слова - совместное бытие, событие членов рода, при котором является божество (мистическая процедура, полностью соответствующая той, которую описал Златовратский - см. выше - применительно к русской общине), то есть - бог Народ (или просто народ в аспекте соборности) показал, чего он хочет. А мы, люди, сделали свой выбор. Что это фактически

значит? Да то, о чем мы выше много уже говорили и что издревле называлось сотворением кумиров. Но только теперь их делают на избирательном участке при помощи электоральной урны.

Миф о смене политических поколений

В русском языке слово "урна" может обозначать, как минимум, три вещи: мусорный ящик, сосуд для хранения праха и ящик для голосования. То есть слово это может ассоциироваться с отходами, которые надо выбросить, памятью, которую надо сохранить, и выбором, связанным со сменой политических поколений, который - надо сделать. Получается, что электоральная урна - это не просто ящик, в который ты бросаешь бумажку. С мыслью об урне связан целый комплекс фундаментальных идей и, в частности, та древняя идея, согласно которой могила - это не только то, куда уходит все отжившее, но и одновременно - порождающее лоно, откуда выходит все новое. Действительно, могила и порождающее лоно тождественны с точки зрения первобытного коллектива. Можно сказать, что эта грань смерти и порождения как раз и является тем топосом, в котором совершаются основные события жизни коллектива как некоего особого целостного существа.

Мы уже видели, что при всей кажущейся десакрализации сегодняшней жизни мифологические представления сохраняются в нашем повседневном обиходе не только в виде сказок, предрассудков, всякого рода болезненных симптомов и так далее, но и в виде реальной подосновы права и политических процедур. Это естественно, ведь - что бы там ни говорили, а коллективная жизнь не менее реальна, чем жизнь индивидуальная. В некотором смысле жизнь рода даже более реальна, чем жизнь индивида, ибо - мы-то живем недолго, а коллектив продолжает жить после нас. И притом даже после нашей смерти это коллективное существо продолжает жить не без нашего участия, - поскольку, уйдя, мы продолжаем существовать - хотя бы в наших детях. Но и не только в них. Наши поступки, наш выбор, наш голос не исчезают с нашей смертью бесследно, но продолжают звучать (хотя бы как тихое эхо). Ведь народ - это не только ныне живущие, но и все наши предки. Но прежде всего, конечно, те, кто породил нас и создал те формы жизни, в интерьере которых мы как индивидуальные существа комфортно - или не очень - устраиваемся. Эта идея совершенно отчетливо выражается в тех местах Библии, где говорится о патриархах: "и умер, и приложился к народу своему". Но ведь дела и заветы "приложившегося к народу своему" предка остаются и неизбежно учитываются в том едином процессе смертей и рождений, который и есть подоснова жизни народа как мистического тела.

Такова первобытная идеология, на почве которой вырастают современные (в том числе и западные, не только российские) представления о демократии и выборах, что естественно, поскольку смена политических поколений - всего лишь частный случай смены поколений вообще. Выборная демократия, таким образом, это формальный инструмент, при помощи которого осуществляется процесс смены поколений политиков, этокое механическое устройство, приспособленное для утилизации политических трупов, сохранения жизненно важных традиций и порождения новых политических идей (точнее, их носителей). Можно также сказать, что, отправляясь на выборы, мы оказываемся соучастниками таинств роевой коллективной жизни. Мы отдаем свой голос и в этот момент парадоксальным образом исчезаем как индивиды, но становимся частью той неведомой силы, которая называется народ.

С известными мифологическими оговорками можно сказать, что народ обитает внутри электорального ящика. Это тот самый бог, с которым мы соединяемся, отправляясь на избирательный участок. А электоральную урну в таком случае можно истолковать как алтарь этого бога. И именно здесь, на этом алтаре (или внутри него), совершается таинство рождения новых кумиров и гибели старых. Все очень просто. Проблема лишь в том, что, собственно, происходит, - спокойная смена поколений политиков (как в развитых, то есть формально действующих демократиях) или смена поколений богов, идолов, идеологических образований (как все еще наблюдается у нас). Последнее обычно сопровождается катаклизмами. Вспомните хотя бы, как менялись поколения греческих богов.

Поскольку мы недостаточно далеко отошли от мифов советской теократии, постольку и в результате процедуры выборов из электорального ящика у нас появляется не просто один президент или группа депутатов, но - некоторые как бы уже не индивидуальные существа. Не реальные люди, а олицетворения вот этой таинственной роевой жизни народа, такие ходячие метафоры коллективной жизни. Эти существа вроде бы живут среди нас, но это, пожалуй, только видимость (которая даже подчеркивается всякого рода привилегиями). Наши народные избранники все-таки не просто люди, а, скорее, потусторонние фигуры, они ведь в буквальном смысле вышли из урны, могилы, из того таинственного ящика, в котором осуществляется воля народа, и поэтому они стоят ближе к мертвецам первопредкам, чем простые смертные, не прошедшие через процедуру голосования. Как просто люди они, конечно, могут оказаться глупы, смешны и так далее. Но ведь в том-то и дело, что это не просто люди, а, как говорят иногда, отцы нации... Сами не зная того, они играют роль тех первопредков, о которых уже шла речь. И неважно - решают они что-то на своем политическом олимпе или просто орут и

безобразно ссорятся. Важно то, что, разыгрывая некие несвойственные обычным людям роли, эти потусторонние тени наглядно демонстрируют нам те процессы, происходящие в жизни народа, которые, если воспользоваться термином Юнга несколько расширительно, - и есть коллективное бессознательное.

Миф об электоратах

Итак, человек - это индивидуальное существо, выражающее свои индивидуальные личные мнения. Политик, вышедший из избирательной урны, прошедший процедуру голосования, теряет черты индивидуальности. Точнее, эти черты становятся несущественны на фоне делегированных ему полномочий коллектива. "За мной стоят сотни тысяч избирателей", - говорит такой политик. И он прав. Это, конечно, не значит, что он в своих делах и словах действительно выражает реальные мнения этих избирателей и их желания. Но ведь мы здесь и не говорим о реальности, мы говорим об избирательном мифе. А согласно этому мифу, избранный человек выражает мнение народа и совершает поступки от его имени. Он, собственно, и есть этот народ и даже, чаще всего, сам верит в это. Он прислушивается к мнению народа в себе и выражает его, голосуя, произнося речи в Думе, а также - совершая какие-то политические акции. Фактически он стоит на тех же самых мифологических основаниях, что и месопотамский энси (хотя, конечно, сегодня и боги другие, и другие условия жизни, и принципы легитимации несколько изменились).

Впрочем, по сравнению с эпохой советской вавилонии, метафизическая ситуация с выборами все-таки изменилась. Во времена полной народной теократии выборы были воистину всенародные. И явка была практически стопроцентной, и кандидат единственный, и единогласие практически полным. Сегодня, когда за право быть избранным борются много кандидатов и на выборы ходят далеко не все избиратели, ситуация меняется. У каждого кандидата свой электорат, и это подрывает основы народной теократии.

Собственно классический Народ советской теократии оказывается электоратом только Зюганова (или шире - коммунистов). И как раз коммунисты, сохраняя прежние ухватки и прежнюю идеологию (с известными допущениями) и терминологию, имеют право (считая себя наследниками) претендовать на волеизъявление Народа. Скажем совсем брутально: коммунистический электорат - это и есть Народ в вышеобозначенном теократическом смысле. У других партий и претендентов на президентство другие электораты, и они должны называться иначе. Например, электорат Жириновского - это уже не народ, а скажем так - население, атомизированные

индивиду, оторвавшиеся от мистического тела Народа и составляющие нечто аморфное, искусственно объединенное в группу волей и идеями одного демагога. Электорат демократов нечто третье. Это интеллигенты (образованцы), которые имеют некоторое представление о западной демократии - в основном по книжкам и другим идеализированным образцам. Они критически настроены по отношению к Народу. Они думают, стараются сделать разумный сознательный выбор. Что же касается так называемой партии власти, то она опирается на электорат, который расширительно можно назвать номенклатурой. Принцип жизни и устройство этого электората определяется включенностью в некий, может быть, ныне и несуществующий материально список.

Разумеется, я не веду речи об эмпирическом положении дел, а говорю лишь о том, что в результате так называемой демократизации единое тело божественного Народа могло разделиться на несколько образований, в каждом из которых в той или иной степени воспроизводится мифология народной теократии, которую я ранее фрагментарно наметил. Так что у коммунистического народа - свой энси, у либерал-демократов - свой. У номенклатурного электората (народа) в качестве энси естественным образом должно выступить наивысшее должностное лицо. И лишь чистые демократы могут остаться без энси.

Из общемифологических соображений ясно, что разложение единого общенародного тела советских времен должно дать три мифосоциальных страты, приблизительно соответствующих тому, что в свое время описывал Платон под наименованиями *философы, стражи и народ*. Демократы с их Разумным Выбором соответствуют философам, партия власти с ее стремлением управлять - стражам, а жириновцы с их надеждой жить в сытом и пьяном государстве - управляемому народу. Эти три группы, выделившиеся из единого общенародного тела советской теократии, суть реальный результат демократизации, протекающей по мифологическим законам. И эти три группы - зачаток настоящей демократии, которая, возможно, когда-нибудь сформируется в России. С эволюционной точки зрения существует объективная разница (и определенное противостояние) между этими тремя группами как единым целым - с одной стороны, а с другой - коммунистами, базирующимися на все еще не разрушившемся теле ветхого Народа. Вот и получается четыре группы (в эмпирической реальности их тоже четыре, - остальные политические силы лишь примыкают к ним семантически), которые могут вступать во временные союзы или враждовать. Но все это - лишь поверхностная суета повседневности. По-настоящему Реально лишь то, что случится в таинственной глубине электоральной урны, которая - посмотрим на вещи шире - лишь видимым образом находится на том или ином избирательном участке. На

самом-то деле (в своей мистической сути) Электоральная Урна находится где-то на небесах мифологизированного сознания, там, где делается Истинный Выбор, а каждая конкретная урна - ее вещное отражение...

Когда эта мифология перестанет быть актуальной, и ни у кого не будет искушения брать на себя производство Истинного Выбора, мы, быть может, будем жить в демократической стране.

Г. С. Батыгин
РАЦИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ:
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Участие граждан в формировании политической власти является одним из центральных принципов представительной демократии. При этом предполагается, что политический выбор гражданина основан на максимальной компетентности, рациональных мотивах и представлениях о результатах принятых решений. В соответствии с данной концепцией деятельность рационального политика не выходит за рамки осуществления интересов тех, кого он уполномочен представлять в органах власти.

Современные конституционно-демократические режимы сохраняют изначальную внутреннюю напряженность, присущую идеологии Просвещения и великих революций. Одно из таких смысловых напряжений создается утопией как типом мировосприятия и конструирования социального порядка, призванным обеспечить спасение в мирской жизни посредством ее непрерывного совершенствования [1]. Отсюда - отказ от незыблемости социальных порядков, непрерывное обновление власти и противостояние "гражданского общества" им же созданным властным политическим институтам. Философия выборов - это своего рода философия перманентной революции, совершаемой легитимными процедурными средствами. Но участвующая в обновлении власти масса, электорат, тем не менее сохраняет дух революционеров, претендующих на собственное слово в реформировании социальных порядков.

Сама идея представительной демократии содержит существенные ограничения. Одно из них заключается в том, что получивший поддержку электората лидер обладает собственными интересами, а также самостоятельными представлениями об интересах "народа". Теория элит акцентирует независимость "высокого" политического дискурса от его "уличной" рационализации, которая используется лишь на стадии формирования и ротации законодательной и исполнительной власти. Таким образом, сама технология производства власти создает специфическую процедуру вовлечения "народа" в политическую деятельность - время от времени он превращается в "электорат" и участвует в голосовании, будучи, по существу, материалом для манипулирования.

Противоположная доктрина развивается в рамках популистского подхода. В фокусе популистской концепции оказываются локальные гражданские объединения, выражающие интересы различных страт гражданского общества. Партии, до-

бровольные ассоциации, экономические и культурные институты представляют собой "промежуточные арены" политического участия. Они, как предполагается, артикулируют и агрегируют предпочтения потенциального электората, а также и создают каналы первичной политической социализации - специфические техники поведения, нормы и стандарты представительной демократии.

Именно нормативная регуляция участия публики в определении корпуса "представителей" и выработке соответствующих политических ориентиров образует контекст рационального поведения - любые поведенческие "паттерны", не согласующиеся с нормативным контекстом, интерпретируются как девиации. В соответствии с мертоновской классификацией отклонение от стандартов рационального выбора политических представителей интерпретируется либо как недостаток социализации, либо как ретретизм [2]. В последнем случае социальные структуры сами создают условия, при которых нарушение ожиданий представляет "нормальную" реакцию на институциональные регуляторы.

Российский политический ландшафт, казалось бы, содержит немало свидетельств аномальности электорального поведения. В декабре 1995 года около 30% избирателей собирались принять решение, участвовать ли в голосовании и кому отдать свой голос, в последнюю неделю перед выборами. Декларируемые факторы и мотивы голосования (доверие к лидеру, близость интересов, сила партии) мало соответствуют распределению предпочтений - лишь 20% электората полностью поддерживают программы "своей партии" [3].

Однако внешние признаки аномальности не означают нерациональности реакции населения на распределение власти. Возможно, здесь действуют формы представления общественного мнения, свойственные реактивному поведению "избирателей последнего дня", которые осуществляют свой выбор как непосредственный ответ на какой-либо внешний вызов - влияние политического деятеля либо массовой информации [4].

Мы можем считать электоральные предпочтения рациональными в том случае, если они поддаются рациональной реконструкции и могут быть объяснены. Во-первых, предполагается, что люди адекватно воспринимают собственные состояния сознания - мотивы, ценности, установки, "удовлетворенности" - и, например, тот, кто считает себя "демократом", действительно демократ. Самоидентификации, за которыми могут стоять латентные переменные с противоположным вектором, принимаются за реальную картину массового сознания. Во-вторых, если даже люди знают себя и мир, в котором они живут, они должны располагать коммуникативными средствами - системой значений и лексиконом для выражения того, что думают. Рациональный актор, как предполагается,

умеет выразить на доступном ему языке то, что у него на уме. В-третьих, даже если люди знают себя, могут артикулировать знание и выразить его адекватными коммуникативными средствами, они должны быть поняты политическими деятелями - "легитиматорами", формирующими "агенды".

"Высокие" политические концептуализации, как предполагается, выражают интересы народа. Только при этих допущениях возможна рациональная реконструкция политического поведения. Одна из классических реконструкций такого рода - концептуальная схема, разработанная А.Кэмбеллом и соавторами и получившая известность как "мичиганская модель", - основана на переменных, описывающих мотивы поведения потенциальных избирателей на различных этапах принятия решений [5]. Образующиеся в результате "причинные цепочки" могут быть дифференцированы на кратковременные эпизоды - фрагменты рационально интерпретируемых действий. Главная проблема заключается в установлении релевантных переменных: партийных ориентаций, религиозных убеждений, социального статуса, образования, референтных групп, авторитарности либо либеральности психологических установок. Кроме статусных идентификаций модель предусматривает ситуативные переменные, идентифицирующие отношение к политическим лидерам и их программам, представления об актуальных общественных проблемах (агенды) и оценки внутри и внешнеполитической ситуации.

"Мичиганская модель" основана на четырех кластерах переменных:

Статусные характеристики → Политические характеристики идентификации → Отношение к политическим программам и лидерам → Голосование

Таким образом, "мичиганская теория" предполагает, что внутренние психологические установки, определяющие индивидуальные политические предпочтения, формируются предшествующим опытом и взаимодействуют с внешними факторами, в результате воспроизводятся модифицированные представления о расстановке фигур на политической сцене и затем принимается окончательное решение относительно голосования. В более общем виде модель формулируется как последовательная детерминация: "силы" → установки → действия.

Несомненное преимущество "мичиганской модели" - возможность корректной постановки гипотез о типах электорального поведения в зависимости от долговременных факторов и ситуативных обстоятельств. Эта модель может быть дополнена описаниями пропагандистских кампаний и личным влиянием политических лидеров на публику. В любом случае анализ электорального поведения и, в конечном счете, голосования, ведется с помощью структурных уравнений, позволяющих оце-

нить относительную значимость таких переменных, как социальная принадлежность, национальность, образование, конфессия, партийные убеждения, проблемы, вызывающие беспокойство, отношение к лидерам. В совокупности эти переменные и составляют язык рациональной реконструкции электорального поведения. База данных для изучения электорального поведения обеспечивается Исследовательским опросным центром (Survey Research Center), который два раза в год проводит опросы по репрезентативной национальной выборке.

Мичиганская школа политических исследований опирается на традицию, основанную П.Лазарсфельдом и Б.Берельсоном. Ее основной принцип - многоэтапная технология получения данных, позволяющая проверить любую теорию при условии, если она обеспечена системой релевантных переменных. Действительно, мичиганская модель имеет настолько универсальный характер, что единственным способом ее развертывания является спецификация гипотез. Кажется, что дискуссии последних десятилетий не выходят за пределы мичиганской схемы. Заметное место в них занимает вопрос о влиянии "агенды", воспроизводимой в предвыборных программах, на исход голосования. Неоднократно продемонстрировано снижение значимости такого традиционного для политической жизни развитых стран признака, как партийная аффилиация, и наоборот, установлен эффект поляризации электората под воздействием mass-media и гражданских движений.

Моррис Файорайна исследовал проблему формирования представлений о политических партиях и лидерах [6]. Именно партийная аффилиация рассматривалась в качестве наиболее существенного фактора электорального поведения - это убеждение опиралось на относительную стабильность наблюдаемой переменной: только 20% электората меняли свои политические аффилиации на протяжении жизни [7]. Традиционное для американской культуры взаимопроникновение политических и религиозных ценностей обуславливает устойчивость "партийной принадлежности" даже в том случае, когда происходят изменения в статусе, образовании, динамическом стереотипе личности.

Специфическая черта социальной структуры американского общества заключается в том, что динамические изменения в распределении "объективных" статусов совмещаются с консерватизмом в религиозно-политических установках. Иными словами, мичиганская теория предполагает, что принадлежность к церкви формируется еще до того, как она получает рациональное осмысление в картине мира и человек может вразумительно обосновать, почему он выбирает на политическом рынке тот или иной "паттерн". На самом деле, за видимой стабильностью партийных самоидентификаций скрываются

ются исторические прецеденты, символы и стереотипы, образующие не всегда артикулированные, но зато вполне определенные смысловые поля, и избиратель ориентирован в своем выборе преимущественно на направление поиска, задаваемое полями.

Файорайна обнаружил в массовом сознании устойчивую ассоциацию республиканской партии с Великой депрессией начала 20-х годов - стереотип, который продолжает поддерживаться публицистикой на протяжении десятилетий. С другой стороны, успешная экономическая программа республиканца Р.Рейгана служит хорошим импульсом для смены символического контекста и соответствующих партийных идентификаций в электорате [8]. При этом остается несомненным, что политические ориентации избирателей в немалой степени опираются как на непосредственную, так и на ретроспективную оценку партии или движения.

Западная либеральная концепция политического участия основана на индивидуальном волеизъявлении. Процедура, аналогичная голосованию, применяется и в массовых опросах по месту жительства. Влияние социального окружения и институционально оформленных политических ориентаций подобными процедурами, как правило, не учитывается. Типичные параметры, используемые в опросном инструментарии, стереотипны. Это социально-демографические характеристики (возраст, образование, пол, вид занятий), мнения и убеждения, а также предполагаемые индивидуальные электоральные предпочтения. Мотивы выбора остаются в значительной степени неясными, поскольку не учитывается социальное окружение респондентов, в том числе их родственные, соседские и профессиональные связи. Вероятно, среди наиболее значимых переменных, объясняющих электоральные приоритеты, - контекстуальные идентификации. "Ян Ковальский живет в районе Варшавы, где 90% составляют католики" - пример контекстуальной переменной, приводимой в монографии С.Новака [9].

Действительно, решающее воздействие на восприятие политического ландшафта оказывает не партийная идентификация, не ретроспективный опыт и, тем более, не рационально калькулируемые выгоды и потери при различных исходах, а референтные группы, в которых формируется электоральная установка. Позиция "лидеров мнения" оказывается в данном случае решающей релевантной переменной. Отсюда, в частности, следует, что электоральный выбор не является в полной мере рациональным инструментальным действием и несет в себе черты действия традиционного либо аффективного типа. Иначе говоря, избирает не избиратель, а его референтная группа.

Для российской политической ситуации практически реализуемой, по мнению Ю.А.Левады, была и остается

рациональность социально институционализированная, т.е. такая система социальных институтов, которая обеспечивает эффективное разделение властных полномочий, соблюдение прав человека, квалифицированный элитарный отбор, доверие населения к государственным структурам и функционерам [10]. Вероятно, одной из форм организации политического сознания в условиях недоверия к социальным институтам выступает неформальное групповое взаимодействие, которое может обеспечивать традиционалистские способы регуляции электорального поведения, создавая влиятельные референтные группы. Такая тенденция присуща не только посткоммунистической России, но и странам с развитыми демократическими институтами.

В 1986 году Дж.Пауэлл опубликовал данные сравнительного исследования мотивации голосования в США и в одиннадцати европейских странах. Он установил, что интенсивность устной коммуникации по поводу предстоящих выборов существенным образом зависит от образования респондентов и меняется в зависимости от позиции "значимых других" [11]. Давление группы может равным образом вызвать видимое постоянство электоральных приоритетов. Теория индивидуального рационального выбора не учитывает социетальных и структурных переменных и не может быть развита без введения концепции коллективного актора. К этому же выводу ведет и теория социетального выбора К.Эрроу, демонстрируемая парадоксом Кондорсе-Эрроу о нетранзитивности мажоритарного отношения. В соответствии с концепцией Эрроу социальный выбор формируется автономно от индивидуальных предпочтений [12].

Ранняя традиция электоральной социологии была заложена в двух классических исследованиях П.Лазарсфельда и его соавторов: в 1940 году в Эри Коунти (штат Огайо) и в 1948 году в Эльмире (штат Нью-Йорк). П.Лазарсфельд установил, что решающим фактором в индивидуальном выборе является межличностная коммуникация. Колумбийская школа, в отличие от более поздней мичиганской традиции, использовала структурные переменные для описания электоральных решений. На панели из 600 респондентов в Эри Коунти Лазарсфельд показал, что с мая по ноябрь 88% населения сохраняют постоянство в своих решениях о голосовании [13]. Те, кто изменил свои предпочтения, сделали выбор без каких-либо рациональных оснований. Это были те, кто испытывал социальную изоляцию, - они были податливы к внешнему давлению и влиянию пропаганды, тогда как социальная интеграция препятствовала перемене позиции. Низкий уровень социальной интеграции создает существенные предпосылки для демагогического манипулирования массовым сознанием со стороны политических авантюристов.

Открытие, что межличностное общение играет ключевую роль в формировании установок массового сознания, позволило колумбийским исследователям сформулировать "двухэтапную" теорию: воздействие средств пропаганды на индивида опосредуется влиянием лидеров общественного мнения и групповой коммуникацией [14]. Политическая гомогенность религиозных, этнических, профессиональных групп поддерживается благодаря устойчивому личному влиянию политически активных членов этих сообществ. Неформальные "лидеры мнений" выполняют роль своеобразного транслятора массовой информации на индивидуального актора. При этом информация подвергается селекции и смысловой переработке таким образом, что в сферу ее воздействия включаются новые группы и эффект восприятия в значительной степени не совпадает с целевой установкой коммуникатора. Здесь вступают в действие факторы личного доверия, соображения престижа, распределение власти в группах, релевантные для определенной культурно-языковой среды типы коммуникации, в том числе невербальной. Лексикон пропаганды уступает место метафорам - несущим конструкциям политического анекдота, "смутным образам" и неартикулированным недосказанным оценкам. Все это дает возможность говорить о латентных коммуникативных ресурсах, которыми располагает групповое взаимодействие. Кумулятивная мощность этих ресурсов несопоставима с мощностью институциональных средств пропаганды - печати, радио и телевидения.

В Эльмире индивидуальные электоральные предпочтения рассматривались уже в контексте межличностного общения. Процедура эта задача обеспечивалась сбором сведений о трех ближайших друзьях респондента и трех коллегам [15]. В качестве единицы анализа выступали гомогенные "сети", в которых партийные предпочтения группы были относительно устойчивыми. В значительной степени "сети" межличностного общения соответствовали социальной стратификации и их гомогенность усиливалась в старших возрастных группах. Обсуждение политических вопросов в неформальных группах чаще усиливало электоральные установки, чем побуждало избирателя к изменению своей позиции. Что касается лидеров группового мнения, то их коммуникационная активность, как правило, выходила за рамки социальных страт и распространялась на все социально-статусные и возрастные группы [16]. Однако установки "рядовых" избирателей существенным образом зависят от того, в какой степени они интегрированы в первичные коммуникативные группы. Иными словами, люди, включенные в поле межличностной коммуникации и относительно изолированные от влияния потока массовой пропаганды, менее склонны усваивать "паттерны" пропагандистских кампаний чем те, кто не связывает себя групповыми идентификациями и обладает диффузным

самосознанием. Чем более гомогенна группа, чем более недоверчивы ее члены по отношению к чужим, тем менее они подвержены альтернативным политическим влияниям и тем реже меняют свои ориентации.

Элегантное "пространственное" объяснение динамики политических предпочтений предложено в монографии Энтони Даунса [17]. В качестве исходного пункта Даунс принимает неоклассический постулат микроэкономики о совершенной конкуренции. Интерпретируя партии как аналог фирм, борющихся за рынок, Даунс развивает теорию электорального поведения, основанную на анализе конкурентной борьбы за типичного избирателя. Обладая равными стартовыми возможностями и используя одни и те же ресурсы, партии вынуждены избегать крайностей в своих политических программах и стремятся к точке равновесия в политическом пространстве. Избиратели же, следуя собственным интересам, предпочитают те партии, которые в наибольшей степени соответствуют индивидуальным предпочтениям. В этих условиях побеждает центристская партия, ориентирующая свою программу на среднего, типичного избирателя.

Если мичиганская школа исходит из временной последовательности социальных и психологических переменных, то "пространственная" теория Даунса предполагает взвешенный рациональный выбор на политическом рынке. Организатором рынка выступают партии, рекрутирующие своих сторонников непосредственно из контингента потенциальных избирателей. Показано, что в данных обстоятельствах почти половина избирателей тем или иным способом были включены в коммуникацию с партийными организациями. В определенной степени партийные функционеры выполняют роль, аналогичную роли лидеров мнения в неформальной коммуникации (по колумбийской модели голосования). Однако мобилизованному контингенту, с которым имеют дело партийные организации, присуща выраженная политическая идентификация, высокий интерес к "агентам", активное участие в избирательных кампаниях и, при этом, заметная склонность к изменению своей позиции при форсированном пропагандистском давлении - как правило, они ждут событий, которые могут изменить их мнение, и всегда готовы это сделать [18]. В соответствии с теорией Даунса рационально действующий актер включен не только в сферу влияния "фирмы"-партии, но и в другие контексты политического поведения. Эти контексты учитываются при расчете максимальной полезности индивидуальных решений относительно голосования. Трудность применения "пространственных" моделей заключается главным образом в валидации применяемых переменных и объяснении реальных политических процессов, хотя теоретическая элегантность моделей сомнения не вызывает.

Попытки интегрировать теорию рационального политического выбора со структурным подходом предприняты в рамках теории игр, которая исходит из зависимости индивидуального решения от предполагаемых решений других акторов политической сцены. В любом случае имеется много аргументов в пользу того, что анализ политических процессов не сводится к калькуляции индивидуальных предпочтений. Проблема заключается в синтезе микросоциологического подхода с изучением группового взаимодействия. В частности, "групповые" переменные позволяют объяснить некоторые отклонения от ожидаемых "паттернов" голосования - поведение либеральных банкиров, прореспубликански настроенных негров и рабочих, голосующих за партии монополистического капитала [19].

Объяснить это можно тем, что эти люди включены в различные группы и соответствующую сеть перекрестного давления, - векторы их политической мотивации если не противоположны, то ортогональны, а установки амбивалентны. Малооплачиваемые интеллектуалы, юристы-выходцы из бедных семей, внезапно разбогатевшие розничные спекулянты, чиновники, служащие, потерявшие уверенность в завтрашнем дне - такова социальная база маргинального электората, поведение которого непрогнозируемо, ситуативно и настроено на экстремальные события, вносящие в жизнь хоть какую-то определенность.

Политические программы авантюрного и демагогического содержания находят поддержку именно в амбивалентно настроенных контингентах (слоях) населения. Границы страты могут быть очерчены в соответствии с обычными "объективными" критериями, но суть дела заключается, вероятно, в том, что эти люди читают газеты и, как бы сказал автор "Государства", сегодня пьянствуют под звуки флейт, а завтра, наоборот, пьют одну только воду.

Современная российская реальность такова, что электоральные предпочтения формируются преимущественно массовой информацией, ретранслируемой по каналам межличностного общения именно данным типом электората. Здесь вступают в действие иррациональные сочетания надежд на справедливость, истерической экзальтации, ненависти к ближнему и дальнему и, одновременно, заботы о хлебе насущном. Но трезвый расчет и рациональный взгляд на мир возьмут свое. Мечта о всеобщей справедливости может очаровать лишь тех, кто не догадывается о стоящей за ней реальности - тирании. И самая прозаическая из всех политик - демократический капитализм - оказывается гарантом глубочайших человеческих устремлений и надежд. "Мы можем называть это внезапным озарением, парадоксом, иронией, - пишет Бергер. - *Sub specie aeternitatis* мы можем также говорить о благодати" [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Eisenstadt S. The cultural programme of modernity and democracy: Some tensions and problems // Culture, modernity and revolution: Essay in honour of Zygmunt Bauman / Ed. by R.Kilminster and I.Varcoe. London: Routledge, 1995. P.25-41.
2. Merton R. Social theory and social structure. New York: The Free Press, 1968.
3. Левада Ю.А. Пирамида общественного мнения в электоральном "зеркале" // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень / ВЦИОМ, Интерцентр, Академия народного хозяйства. 1996. N 1 (21). С. 15.
4. Там же, с. 17.
5. Campbell A., Converse Ph., Miller W., Stokes D. The American voter. New York: Wiley, 1960; Campbell A., Converse Ph., Miller W., Stokes D. Election and the political order. New York: Wiley, 1964; Campbell A., Converse Ph., Miller W. The Voter desides. Evanstone, Ill.: Row, Peterson, 1954; Knoke D. Political networks: The structural perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
6. Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. New Haven: Yale University Press, 1981.
7. Knoke D. Change and continuity in American politics: The social bases of political parties. Baltimor: Johns Hopkins University Press, 1976. P.110-125.
8. Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. New Haven: Yale University Press, 1981. P.90.
9. Nowak S. The methodology of sociological research. Boston: Reidel, 1980.
10. Левада Ю.А. Пирамида общественного мнения в электоральном "зеркале" // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень / ВЦИОМ, Интерцентр, Академия народного хозяйства. 1996. N 1 (21). С.18.
11. Powell G. American voter turnout in comparative perspective // American Political science review. Vol. 80. 1986. P. 28.
12. Швери Р. Теория рационального выбора // Социологический журнал. 1995. N 2. С.43-57.
13. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The peopleTs choice: How the Vvoter makes up his mind in presidential compigns. New York: Columbia University Press, 1948. P. 66.
14. Katz D., Lazarsfeld P. Personal influence: the part played by people in the flow of mass communication. Glencoe, Ill.: Free press, 1955.

15. Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Voting: A study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago: University of Chicago Press, 1954.
16. Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Op. cit. P.110.
17. Downs A. An economic theory of democracy. New York: Harper & Row, 1957.
18. Clark H., Price R., Stewart M., Krause R. Motivational patterns of and differential participation in a Canadian party: the Ontario liberals // American Journal of Political Science. 1978. Vol. P. 130-151; Schlesinger J. On the theory of party organisation // Journal of politics. 1984. Vol.46. P.369-400.
19. Knoke D. Political networks: The structural perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 42-43.
20. Berger P. The serendity of liberties // The structure of freedom: correlations, causes, and cautions / Ed. by R.Neuhaus. Grand Rapids, Michigan: William B.Eerdmans Publishing Company, 1991. P.17.

**Этос успеха:
РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ И ТРАДИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**А.С. Панарин
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИДЕИ НАРОДНОГО КАПИТАЛИЗМА**

В России издавна, со времен церковной реформы Никона, воспроизводится противостояние двух традиций: официальной письменной, чаще всего отражающей внешний цивилизационный эталон (сначала греко-православный, затем западный - французский, немецкий, сегодня - американский), и устной народной, воспроизводящей чаяния "почвы". Любая мощная идея, проникающая в структуру российского социума, непременно испытывает давление этого раскола двух традиций и под его влиянием зачастую раздваивается, образуя две ипостаси.

Так было в свое время с социалистической и коммунистической идеями. Выделялся народный крестьянский социализм, опирающийся на традицию общины, и доктринальный западнический, опирающийся на марксистскую ортодоксию. Во время гражданской войны в народном сознании возникло противопоставление "большевиков" и "коммунистов", спровоцированное демагогическими уловками новой власти, которая сначала издала, в целях привлечения крестьян на свою сторону, декрет о Земле, а затем - противоположный декрет о "социализации" земли.

Нечто аналогичное происходит сегодня с идеей капитализма. Новый режим сначала предпринял шумную демографическую акцию ваучеризации - превращения всех "трудящихся" в собственников, а под ее прикрытием осуществил номенклатурную "приватизацию", приведшую к неслыханному обнищанию злочастных держателей мелких акций и ваучеров.

Поразительно это сходство казенного социализма и современного казенного капитализма, выступающих в "обманной" форме, - разрушающих народные надежды и потому сообщающих нашей политической истории катастрофический характер. Основной парадокс состоит в том, что народные версии и социализма, и капитализма несравненно более

экономически рациональны, чем казенные, освященные авторитетом "высоких теорий" (в одном случае марксистской школы, во втором - чикагской).

Идея народного социализма состояла в *соединении труда и собственности* не только на путях раздачи земли крестьянам, но и развития различных форм кооперации, производственных союзов, товариществ и т.п. Но высокая теория утверждала, что, с одной стороны, мелкое предпринимательство обречено в эпоху "неуклонной концентрации капитала" и воцарения монополий, с другой - только социализм сможет наследовать цивилизационные достижения крупного монополистического капитализма, одновременно разрешив противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Исторический опыт не только продемонстрировал устойчивость среднего и мелкого предпринимательства, но и ряд их несомненных преимуществ: большая гибкость и учет потребностей потребителя, более низкий средний возраст оборудования и высокая техническая оснащенность, оперативное освоение новых рынков. Крупные корпорации, у которых гирей на ногах висят устаревшие основные фонды, как оказалось, более консервативны и в научно-техническом отношении, и в социальном - в смысле учета потребностей населения и освоения новых рынков. Неоконсервативная волна на Западе была прямо связана с реабилитацией мелкого и среднего предпринимательства как в экономической сфере (возрождение идеи народного капитализма на основе специальных программ), так и в сфере социокультурной (на основе опоры на консервативную мораль "молчаливого" большинства).

Идея соединения труда и собственности близка архетипам народного сознания и его пониманию справедливости. Знаменательно, что в ней находит свое разрешение одна из роковых антиномий европейского разума Нового времени: противоположность демократии свободы и демократии равенства. Здесь равенство стартовых условий и равенство перед рыночным риском в значительной мере удовлетворяет и совесть социалиста, и совесть индивидуалиста. Есть что-то глубоко таинственное в том, что модель, одновременно соответствующая и социальным чаяниям, и нравственной интуиции большинства, и экономической рациональности, уже дважды на протяжении XX в. в России терпит поражение.

Какие силы ополчаются на эту модель?

Во-первых, надо сказать, что архетипы народного сознания в начале XX в. были значительно ближе продуктивному началу вообще, народному капитализму - в частности.

70 лет принудительного патернализма не прошли даром: массовая мораль значительно сдвинулась от продуктивного к перераспределительному принципу, что и подготовило нам

трагикомический феномен потребительской психологии в обществе, где нечего потреблять. Экономическая самостоятельность и самодеятельность, связанные с популярной и сегодня ценностью - "быть самому себе хозяином" (о приверженности ей неизменно свидетельствуют социологические опросы), сопряжены с риском. Этот риск лучше выдерживал традиционный "крепкий хозяин", "кулак", близкий старообрядческой традиции. Его демократия свободы - хозяйство без внешних вмешательств и непрошенных гарантий - была весьма далека от лево-либерального духа эмансипаторства, породившего сексуальную революцию второй половины XX в. и несметную по численности полулюмпенскую "богему". Хозяйственная самостоятельность была связана с социокультурным консерватизмом, с архаикой патриархальной дисциплины. Эта связь, воспроизведенная в странах тихоокеанского региона, во многом объясняет японское, южнокорейское, а завтра, вероятно, и китайское, "чудо".

Здесь мы и подходим к возможности идентифицировать одного из могущественных противников народного капитализма: им является эмансипаторско-гедонистический дух, воплощением которого выступает современная лево-либеральная интеллигенция и тяготеющая к ней массовая городская "полубогема". Учителя раскованности, производители телемечты, фабрики грез и развлечений прекрасно понимают, что несколько угрюмый и замкнутый "трудоголик" народного капитализма не мог бы стать их социальной базой и аудиторией. Таким образом, народный капитализм является маргиналом в системе современной массовой культуры, насаждающей не столько психологию производителей, сколько - раскованных, впечатлительных и авантюрных "потребителей". Не случайно в борьбе с ним ("мелкобуржуазной средой") самым решительным союзником большевиков стал художественный авангард - богема радикалов от искусства и политики одновременно.

Если проанализировать состояние умов нынешнего демократического авангарда, мы заметим ту же упрямую невосприимчивость к повсеместным свидетельствам экономической разрухи, хозяйственных неудач современного режима и то же восхваление "демократии", понятой на языке богемы как вседозволенность в сфере слова. За эту вседозволенность интеллигенция прощает режиму все: разрушение экономики и государства, демагогию и ложь, даже склонность к авантюризму, а то и к прямой диктатуре. В эпоху гражданской войны футуристический авангард тоже готов был оправдать диктатуру, направленную против "косного большинства", лишь бы эта диктатура не препятствовала художественно-революционной богеме проводить свои рискованные духовные эксперименты.

Но у народного капитализма был и есть более серьезный "противник" - так называемый "новый класс" (Джилас). Как и

леворадикальная богема, он тоже духовно связан с пост-традиционалистским духом Нового времени. Этот дух породил две утопии, архетипическим прообразом которых выступают, соответственно, Тилемская область у Рабле и город Солнца у Кампанеллы.

Первая в конечном счете породила контркультурный радикализм, разрушающий нормативную базу цивилизации.

Вторая - технократический радикализм тотальной организации, удушающий любые проявления жизни и инициативы. И если контркультурной богеме народный капитализм ненавистен как источник консервативного в социокультурном смысле пуританства, то технократическим "организаторам" в нем видится бунт стихийного здравого смысла против "высокой теории", дилетантских инициатив - против рациональных предписаний.

Это - с идеологической стороны. А со стороны практической растущая технбюрократия, эксплуатирующая принцип веберовской рациональности в своих корыстных целях, препятствует массовой гражданской самостоятельности (особенно в экономической области), так как боится оказаться ненужной. Технократия и на Западе серьезно угрожала духу капитализма и духу демократии. В экономической сфере она выдвинула теорию менеджерской революции, направленную против "дилетантизма" самостоятельных предпринимателей, в политической - лозунг "республики экспертов", в противовес "дилетантской" и "анархичной" "республике депутатов". Так "индустриальное общество" вступило в конфликт с "демократическим обществом". Понадобилась нешуточная мобилизация демократического потенциала - и духовного и политического, - чтобы если не отбить, то хотя бы ослабить натиск "техноструктуры".

Для того, чтобы оценить политические, а также идеологические и социокультурные шансы народного капитализма в нашей стране, необходим хотя бы беглый анализ его антипода - номенклатурного капитализма. Опыт 90-х годов уже позволяет нам это сделать. Прежде всего бросается в глаза гетерогенный характер номенклатурной буржуазии, сочетающей черты левоавангардной полубогемы с технбюрократическим педантизмом и высокомерным недоверием к народной инициативе и опыту.

Мне уже приходилось анализировать исходные предпосылки августовского переворота 1991 года [1]. Суть его состояла в том, что правящая коммунистическая номенклатура обменяла свой прежний режим на статус новых собственников: социализм заменяется капитализмом, но господствующим классом нового капиталистического общества остаются те же, кто вчера "комиссарствовал" в экономике и культуре. Не случайно наблюдается корреляция: чем более высокими

властными полномочиями обладала та или иная группировка властвующей коммунистической элиты, тем большую долю национального богатства она сегодня присваивает в ходе номенклатурной приватизации.

Роковой особенностью номенклатурного капитализма является его контрпродуктивный характер. Номенклатурная прибыль добывается не в сфере производства и не по законам нормального рынка, обеспечивающего диктат потребителя по отношению к производителям, а в основном в сфере перераспределительных спекуляций готовым продуктом или в сфере фиктивного капитала. Словом, номенклатурный капитализм сочетает гедонистическую контркультуру "прожигателей жизни" с монополистическим диктатом - органическим неприятием свободной конкуренции и здоровой хозяйственной соревновательности.

Получив социальный портрет современных держателей власти - собственности, с одной стороны, оппозиционной им структуры народного капитализма (в данном случае выполняющей роль веберовского "идеального типа", а не социологически улавливаемой реальности) - с другой, можно попытаться построить матрицу электорального поведения основных политических сил, готовящихся к президентским выборам.

Начнем с фаворитов - КПРФ.

В целом, несмотря на все попытки освоить новые реальности века хотя бы на вербальном уровне, эта партия остается в рамках догматической дилеммы: социализм или капитализм. Идея низового, самостоятельного предпринимательства, вытекающая из классического европейского понятия автономного гражданского общества, коммунистам остается глубоко чуждой. Большую роль играет и тот факт, что влиятельный политический спектр постсоветской России образован посредством операций деления: бывший авангард разделился, выделив из своей среды правых либералов, центристов, социал-демократов, коммунистов.

Вся политическая инфраструктура, обеспечивающая влияние, известность, право голоса и участие в решениях, унаследована от коммунистического режима и потому поддерживает преемственность политического класса. Между той частью "товарищей по партии", которая сегодня находится у власти, и той, которая играет роль оппозиционного коммунистического ядра, сохраняется таинственная взаимозависимость, не всегда проговариваемая, но достоверная и политически, и психологически. "Непримиримая" коммунистическая оппозиция на самом деле является последней линией обороны правящего номенклатурного класса, отделяющей его от действительно инородной и враждебной ему низовой стихии. Да и в социально-экономическом плане между номенклатурным

капитализмом и государственно-бюрократическим социализмом, несомненно, больше внутреннего сходства, чем между ними обоими и народным капитализмом гражданско-самодеятельного типа.

Поэтому, если, в самом деле, нынешней номенклатурно-капиталистической элите придется сдавать власть, она могла бы договориться с партией Г.Зюганова, но при условии "заполненного мандата": реставрация на уровне социалистических лозунгов и всей стилизованной инфраструктуры, вплоть до возрожденных райкомов-горкомов, исполкомов и т.п., но при практически полной неприкосновенности новообретенной номенклатурной собственности.

Правда, такой договор между силами социализма и капитализма в ходе "закрытого партийного собрания", куда избиратели, естественно, не могут быть допущены, предполагает нешуточную чистку среди правящей группировки. В случае реставрации коммунисты могут сохранить номенклатурную собственность, но они не могут сохранить дух богемы. Одной из субкультур правящего класса - той, которая наследует традицию болтливости либерализма и богемного эмансипаторства, придется спрятаться в тень. И чем более скрупулезно коммунисты будут выполнять обязательства относительно номенклатурной собственности, тем с большим демонстративным рвением им придется проводить кампанию коммунистического пуританизма и морально-идеологического "оздоровления общества". Либеральная богема потому-то так и нервничает сегодня, потому и призывает к решительному сопротивлению коммунистической реставрации даже ценой отмены выборов, что знает: ею пожертвуют в первую очередь.

Итак, центральное ядро оппозиции - КПРФ противостоит идее народного капитализма не только потому, что к этому обязывает могучая идейная традиция, но и потому, что приятие этой идеи исключило бы саму возможность "эпохального компромисса" между номенклатурным капитализмом и "ортодоксальным" социализмом.

Бесполезно было бы искать сторонников народно-демократического самодеятельного принципа и в социал-демократической части политического спектра. Здесь центральными выступают две идеи, одинаково чуждые этосу народного капитализма: идея регулируемого рынка и идея социальной защищенности. Первая является наследием государственно-монополистической и технократической традиций, враждебных "мелкобуржуазной анархии", вторая - патерналистской традицией, преимущественно адресованной пролетарской "полубогеме", которую крепкие хозяева из народа, умельцы и "трудоголики" всегда презирали.

Достоин упоминания феномен Г.Явлинского. По особенностям своей поведенческой стилистики он значительно ближе к

идеалу американского либерала, чем такие доктринеры либерализма, как Е.Гайдар. Григорий - без отчества его называют без натужности - и в самом деле совершенно чужд отечественной авторитарно-патриархальной традиции. Но у классического либерализма две ипостаси, не во всем симметричные: либерализм как терпимость (открытость) и либерализм как самодеятельность (неподопечность). Судя по программам объединения "Яблоко", порвать с тоталитаризмом во имя *терпимости* гораздо легче, чем во имя гражданской самодеятельности.

Задача экономической программы "Яблока" [2] - выправить перекосы приватизации "по Чубайсу" в духе большей экономической целесообразности (в частности, стимулирование инвестиций) и социальной справедливости. Это прекрасно, но вовсе не указывает еще на смену доминанты экономического поведения в духе действительно массовой экономической самодеятельности американского образца.

Смягчить издержки номенклатурной приватизации и решиться на структурный сдвиг от номенклатурного капитализма к народно-демократическому - это совершенно разные вещи. В современной Америке понятие либерализм утратило значительную часть своего классического содержания и стало синонимом терпимости, доходящей до безвольной всеядности, до попустительства. Как показывает опыт, государственное попустительство не ослабляет монополистические тенденции в экономике, а способствует им, ибо невмешательство власти и закона всегда на руку сильным хищникам. Для честной соревновательности, когда каждый имеет свой шанс, требуется вмешательство закона, правовая неусыпность государства. Не случайно, что для подтверждения жизненности либерального принципа в экономике, связанного с самодеятельностью и соревновательностью, в Америке понадобилась неоконсервативная революция, потеснившая политический и социокультурный либерализм.

Неоконсервативная революция означала реванш низового, народно-демократического сознания над высоколобым Просвещением, выродившимся в декаданс. Симбиозу монополизма и богемы противостоял другой альянс: народной утопии американского Запада и пуританского "морального большинства". Не случайно неоконсервативному повороту в США сопутствует ослабление влияния атлантического побережья - центра леволиберального попустительства - в пользу западного, тихоокеанского (атлантическое побережье для консервативной американской глубинки - то же самое, что "прогнивший центр" для консервативной российской глубинки).

Если следовать этой логике, а она, по-моему, просматривается, то потенциальную нишу народного капитализма надо искать в той части политического спектра,

который олицетворяет некоммунистическую правую оппозицию российских традиционалистов. В разной степени с этим течением можно ассоциировать Конгресс русских общин (Ю.Скоков, А.Лебедь), социал-патриотическое движение "Держава" (А.Руцкой), Национально-республиканская партия (Н.Лысенко), Российское христианско-демократическое движение (В.Аксюциц). В качестве консервативных эти течения, так или иначе, воплощают ностальгический тип сознания, связанный с ощущением *поруганных ценностей*, которые необходимо защищать и возрождать. Однако анализ показывает, что в реестре этих ценностей пока что не значится идея *народной экономической самостоятельности*.

В США это - действительно народная идея, а мелкий (и средний) предприниматель выступает как национальный герой, бросающий вызов большому государству и транснациональным корпорациям. Высоколобая субкультура, в которой доминируют представители леволиберального комплекса, и там - против него. Но ее сарказмы не конвертируются в политику государственного запретительства народного бизнеса, - они в целом выполняют роль компенсаторского фактора, воплощающего мезантиса богемы пуританскому низовому духу.

В целом можно сказать, что народный капитализм и Просвещение находятся в конфликте, и этот конфликт носит всемирно-исторический характер, по-разному проявляясь в различных странах. Две современные ипостаси Просвещения - богемствующий художественный авангард (ныне - постмодерн) и технократическая "рациональность", кажется, по-своему неприемлют народный капитализм. Одна - за жесткий моральный консерватизм, другая - за упрямство "стихийных" инициатив, не считающихся с педантизмом бюрократических рекомендаций. Коммунизм в значительной мере - наследник Просвещения, особенно в части "рационалистического упорядочения" жизни и "борьбы с прошлым".

Постклассическая наука и постмодернистская культура в основном преодолели эту догматику Просвещения, но подобные новации, по существу, прошли мимо нашей постсоветской элиты, сохранившей и антитрадиционалистский нигилизм, и доктринальную самоуверенность устроителей истории по новым чертежам. Она презирает "среду", в особенности если она "туземная", и опыт, в особенности если он низовой. Поэтому и те части политического спектра, которые прямо вышли из правящего коммунистического истеблишмента, и те, которые больше связаны с интеллигентской средой, одинаково далеки от того, чтобы легитимировать народный капитализм в России и бороться за осуществление принципов массовой хозяйственной самостоятельности.

В целом сложился общепартийный консенсус по поводу итогов номенклатурной приватизации: ни одна влиятельная

партия в России сегодня не готова к решительному пересмотру этих итогов, к посягательству на монополию номенклатурного капитала в экономике. Не случайна и та решительность, с какой уничтожались сами предпосылки народного капитализма.

Обвальное обесценение денежных вкладов населения (общая сумма которых в конце 80-х годов равнялась почти половине национального дохода страны), с одной стороны, конфискационная налоговая политика (до 90% от доходов) - с другой, исключают народные накопления как предпосылку массового предпринимательства.

С какой стороны можно ожидать перелома? Ответ, по моему, указывается послевоенным опытом Германии и Японии. В этих странах, испытавших горечь поражения, национал-патриотическая идея конвертировалась в идею *экономического реванша*.

Сегодня номенклатурный капитал в России в целом носит *компрадорский* характер. Он последовательно саботирует меры, направленные и на протекционистскую защиту национальной промышленности, и на укрепление геополитического статуса страны. Этим самым в принципе создается возможность объединения национал-патриотической идеи с идеей антиноменклатурной экономической революции. Демонтаж национального производства и экспансия импорта (в том числе продуктов питания) уже сегодня поставили под угрозу экономическую безопасность страны. Поэтому "борьба за экономику" утрачивает былой "академизм" и постепенно обретает статус общенациональной идеи. Отсюда появляется возможность нетривиальным политическим ходом конвертировать энергию оскорбленного патриотического чувства в энергию антиноменклатурного натиска. Кому суждено сделать этот ход? Думается, потенциальный субъект прячется в недрах какой-нибудь небольшой консервативной партии, не входящей в число фаворитов и своим происхождением не обязанной технологиям стилизованного "патриотизма" и "национализма", сегодня уже апробированным в тайных государственных лабораториях. Общие признаки искомого субъекта:

а) провинциализм - удаленность от разлагающего влияния столичной политической и неполитической богемы;

б) политический "индивидуализм" - несвязанность круговой порукой партийно-номенклатурного истеблишмента;

в) обостренное чувство идентичности, связи с национальной традицией, свободной от официозного стилизаторства.

Во Франции государственное величие восстанавливал "добрый католик и солдат" - генерал де Голль. В США - "убежденный провинциал" и протестант Рейган. Оба имели мужество обращаться к "молчаливому большинству", вопреки сарказмам

"передовой" богемы. Христианин, Солдат, Хозяин - вот, на мой взгляд, слагаемые имиджа будущего президента России.

Я не верю в победительный характер "красной идеи" в России. Только объединившись с белой, державно-патриотической идеей, красная имеет шансы как-то пробиться в будущее. Но и белая идея не самодостаточна. В свое время белые проиграли красным потому, что не проявили должной решительности в крестьянском вопросе и других вопросах, связанных с задачами низовой экономической революции. Необходим, следовательно, "триумvirат": белая идея державности, красная идея "социальной защиты" (без крайностей авторитарного патернализма и технократической заорганизованности) и, наконец, идея народного экономического творчества - демократической самодеятельности в хозяйственной жизни. Последней у нас до сих пор не везло, но без нее "романтика" державности и "романтика" социальной справедливости не смогут получить необходимую дополнительную опору со стороны обеспечивающего повседневность хозяйственного практицизма.

Консервативно-романтическая идея "почвы" должна быть просветлена и рационализирована концепцией "экономической почвы", без чего и пафос великодержавности, и пафос справедливости могут выродиться в очередную демагогию. Народный капитализм как раз и является воплощением здоровой экономической почвы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панарин А.С. Цивилизационный процесс в России: опыт поражения и уроки на завтра. - Знамя, 1992, N 7.
2. Реформы для большинства. Объединение "Яблоко". - М., 1995.

Ю. А. Веденеев, В. В. Смирнов
**РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ И ГОСУДАРСТВО:
МЕЖДУ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ
И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ**

Однажды к известному деятелю афинской демократии Периклу зашел его приятель и политический оппонент Алкивиад и пригласил к гетерам. Перикл отказался, мотивируя необходимостью готовить финансовый отчет афинскому народу. Алкивиад заметил: "Настоящая политика состоит не в том, чтобы давать отчет народу, а в том, чтобы его не давать". Так в афористичной форме была сформулирована альтернативная демократии политическая философия власти.

Судьба обоих государственных мужей общеизвестна. Законопослушный Перикл вошел в историю правовой и политической мысли и благодарную память человечества. Правонарушитель Алкивиад закончил свою политическую карьеру изгнанием из Афин.

Таким образом, уже примерно две с половиной тысячи лет тому назад была задана, обнаружена и осмыслена в терминах прав и обязанностей ситуация гражданского ответственного выбора в ее далеко не сиюминутных политических и социокультурных последствиях.

1. Движение к демократической избирательной системе в Российской Федерации протекает в острой борьбе различных точек зрения, позиций и лежащих в их основе корпоративных интересов. И далеко не безразлично в итоге каких процедур, политических технологий и настроений будет осуществлен (или не-осуществлен) переход от неполитической, неправовой системы властеотношений к качественно иной - политической, конституционно-демократической системе. И возможен ли вообще этот переход в ситуации всеобъемлющего кризиса всех - институциональных, нормативных и социокультурных - компонент российской государственности?

Мы столкнулись лицом к лицу с одной из самых фундаментальных проблем граничного и осевого исторического времени - проблемой дефицита культуры целеполагания и целеосуществления в процессах политико-правового развития и управления этим развитием. Совершенно очевидно, что доминантные перемены в способах совместной жизни людей в области властно-публичных отношений связаны с кризисом и преобразованием наличной картины Мира, в том числе крушением, вытеснением и замещением традиционного для российской политической ментальности образа власти и лежащего в его структуре вненадправового контекста взаимоотношений между обществом и государством.

Именно здесь лежит исходное основание и предпосылка складывания такой структуры гражданской и политической жизни, для которой проведение на регулярной и развитой институциональной, юридической и коммуникационной основе парламентских и президентских, федеральных, региональных и муниципальных выборов становится социокультурной потребностью и нормой. Для нашей исторической ситуации возможность политических выборов выходит за рамки обычной и рутинной задачи и процедуры, которые характерны для стран современной демократии. Она становится одновременно проблемой смены базовых ценностей и ориентацией сознания и поведения, понимания и восприятия публичной власти как своей политической собственности и достоинства. И более того, сдвиг в отношениях и оценках государственных институтов как правовых явлений в собственном смысле данного определения и понятия является для нас проблемой цивилизационного выбора.

К сожалению, хотя здесь вряд ли уместны моральные сентенции, но тем не менее, к сожалению, за почти десятилетним опытом перестроечной и постперестроечной риторики, демократического уговаривания политико-экономической реальности стать тем, чем она по определению не могла стать, почти не обнаруживается правового отношения к действительности, если под таковым не понимать и не отождествлять формальное наличие нормативных актов как юридических документов.

Общество в целом и особенно те, кто сами себя называют политической и экономической элитой, демонстрируют образцы такого понимания наблюдаемых процессов, которые свидетельствуют о ее известной неготовности принять - адекватные смыслу и задаче перехода к системе политической демократии - нормы взаимоотношений и правила поведения, ограничивающие, а точнее - умеряющие непомерный аппетит отдельных социальных групп и корпораций, возникший на почве неограниченной правом практики приватизации государственной власти и отношения к ней как к своей политической собственности и товару.

Отсюда абсолютно немислимая для переходной политической системы, во всеуслышание изъявившей желание стать и быть полноценной конституционной, представительной, плюралистической, выборной и еще бог знает какой демократией, ситуация инициирования масштабной дискуссии, касающейся возможности, целесообразности и даже необходимости переноса или отмены очередных парламентских (1995 г.) и президентских (1996 г.) выборов. Действительно, а зачем их организовывать и проводить, когда все талантливое и уже переполненное опытом административного управления и так находится у власти и, самое главное, не может ее передавать по итогам хотя и очередных, но таких непредсказуемых выборов в

силу возложенной на ее плечи исторической миссии реформировать все и вся, кроме себя, разумеется.

Подобные диспуты, непрекращающиеся в неявной форме вплоть до настоящего времени, когда прошли парламентские выборы и подходит к своему логичному и законному завершению избирательная кампания по выборам президента, показательны вполне для оценки места российского избирателя в политическом процессе современной России. Очевидна не только их несостоятельность, но и ущербность. Именно сегодня политические дискуссии, неотягощенные правовыми аргументами и ограничениями, сами по себе способны сыграть дезориентирующую роль и инициировать не только идеологический конфликт, но и институциональный кризис, что в полной мере было продемонстрировано на практике в 1992-1993 гг.

Политические выборы проводятся или не проводятся не потому, что показывают или не показывают опросы общественного мнения и всевозможные, как правило, печальные для власти предрешающие сценарии развития событий, являющиеся зачастую продуктом их собственной жизнедеятельности на государственной ниве, а потому, что так установлено действующим конституционным правом - политическим соглашением между гражданским обществом и государством, выраженным на языке взаимных прав, обязанностей и ответственности, не зависящих от ситуативного и произвольного желания сторон следовать им или не следовать. Правила организации и проведения выборов потому и называются правовыми, юридически сформулированными и оформленными, что они применяются безотносительно к тому, нравятся они или не нравятся высшим должностным лицам государства и другим политическим лицам - правым и левым, консерваторам и радикалам; устраивают они или не устраивают по тем или иным соображениям отдельные социальные, политические и корпоративные группы. Такова действительная, а не мнимая цена реального перехода к системе электоральной демократии, основанной на волеизъявлении граждан - их объективном праве быть субъектами политического права, каждому в отдельности и всем вместе.

Для современной фазы трансформации политической системы наибольшую угрозу представляет не столько открытая конфронтация противоборствующих сил, сколько имитация политико-правовых форм, моделей, правил и процедур участия граждан и их объединений в избирательном процессе. Подобная технология весьма вероятна именно в кризисные периоды развития общественных и государственных институтов, девальвации общественного и государственного правосознания в целом. Имитируя внешние признаки структурной трансформации, она как формально, так и по своей внутренней сути на деле сохраняет и консервирует режим неполитической, т.е. несменя-

емой по итогам выборов власти. И самое главное: при этом открывается широкая возможность складывания крайне нежелательной модификации взаимоотношений между обществом и государством - режима анонимной демократии.

Конечно, сохранение на политической сцене неответственной перед гражданами и закрытой для публичного общественного и судебного контроля старо-новой редакции авторитарно-бюрократического государства де-факто выражает и фиксирует некий объективный процесс. И здесь важны не проявления тенденции сохраняющейся инерции политического отчуждения, а тенденции складывающегося юридического порядка, в котором это политическое отчуждение желает найти свое институциональное продолжение и завершение.

Преодолеть ее можно только на пути конституционной легитимации и правовой легализации участия граждан в избирательном процессе на всех уровнях организации государственной власти и местного самоуправления. Из множества ее конкретно-исторических форм для отечественного российского опыта наиболее знакомы три разновидности: наследование политического статуса, бюрократическая ротация власти и управление государством, осуществляемое одной политической партией; причем несущественно то, носителем каких именно ценностей она себя объявляет. Значение имеет лишь то обстоятельство, что она себя рассматривает как монопольного субъекта политического действия и требует от граждан буквального восприятия и понимания собственной роли и значения в системах власти, собственности и управления.

Сегодня мы вновь стоим перед дилеммой: либо через избирательное право, демократические правила и процедуры выйти из замкнутого пространства неполитических форм организации власти, либо рассеяться в корпоративной модели ее организации. В первом варианте появляется реальный шанс жить в нормальном государстве с нормальными институтами, которые зависят от граждан и ответственны перед ними. Во втором варианте открывается возможность сочетаться политическим браком с таким государством, в котором отдельные доминирующие социально-корпоративные группы навязывают остальному населению свои собственные решения и ценности.

Разрешение этой дилеммы заключено в идеологии и практике свободных, демократических, конституционных выборов. Именно потому вокруг избирательного права, законодательства, избирательной системы в целом и политики в этой области политико-правовых изменений не утихают дискуссии, возникают институциональные конфликты и разворачивается весь спектр общественно-политических сил, заинтересованных в том или ином варианте ее юридического воплощения.

2. Рефлексия о природе участия российского избирателя в политическом процессе гипотетически может разворачиваться

на метатеоретическом и историческом, конкретно-эмпирическом и формально-юридическом уровнях проблематизации, понимания и оценки данного феномена. Нас же здесь интересует аспект, связанный с политико-правовой природой выделения гражданского общества из бюрократического государства и превращения его в полноценного и полноправного субъекта мира политики и власти, ее воспроизводства и ротации через гражданский электоральный выбор и предпочтения.

Понадобилась целая эпоха кризисного развития российской государственности, чтобы по-новому взглянуть на исходные политико-правовые конструкции, определения и институты, характеризующие в целом различные аспекты организации и функционирования публичной политической власти. На наш взгляд, это прежде всего касается двух базовых для построения демократической государственности доктрин - теории разделения властей и политической ответственности государственной администрации перед гражданским обществом, конституируемым на период избирательной кампании в электоральный корпус - особый субъект политических и государственно-правовых отношений.

На наш взгляд, теория разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную является неполной. В ее классических определениях должно быть найдено место для избирательной власти, через которую только и опредмечивает себя суверенитет гражданского общества. Избирательная власть выражает фундаментальное разделение между обществом и государством функций политического господства и управления, а избирательное право фиксирует политико-правовые границы и гарантии их взаимодействия и взаимозависимости.

Избирательное право и процесс обнаруживают и фиксируют пространственные и временные (политологические и социологические) характеристики власти, ее социополитическую динамику, структуру взаимоотношений между личностью и государством и - шире - культурно-исторический тип отношений властвования и господства, установившийся в обществе на той или иной стадии социокультурной эволюции. Через избирательное право и его систему просматривается не декларируемая, а реальная политическая структура, ее институты, нормы, ценности и правосознание общества и государства.

Избирательное право является базовой юридической структурой, внутри и в рамках которой через избирательные правила и процедуры, стандарты и ограничения осуществляется становление, формирование и преобразование демократической государственности, ее конституирование в качестве публично-правовой формы организации народовластия. Именно избирательное право резюмирует два важнейших признака политической демократии - рассеянный характер политической

власти и ее сменяемость (ротацию) только по итогам периодически проводимых выборов. Основное назначение избирательных технологий в любой их модификации - собрать отдельные частички народного суверенитета, носителями которого является каждый гражданин, и в концентрированном виде делегировать его законно избранным представителям уже как политической публично-правовой корпорации.

Нормы избирательного права регулируют отношения, связанные с использованием важнейших политических ресурсов - времени пребывания у власти и методов ее перемещения в неоднородном социальном пространстве. Природа этого права двойственна. С одной стороны, оно должно обеспечить нормальное развитие и демократическое воспроизводство выборных законодательных и исполнительных институтов государственной власти. С другой - защищать само государство как от притязаний на монопольное использование государственных институтов любыми политически активными социальными (этноконфессиональными, бюрократическими) группами, так и периодическую смену и ротацию власти по итогам демократических конституционных выборов.

Исходный вопрос постсоветского политико-правового развития - кому будет принадлежать государство: либо гражданам (демократическое государство) или доминирующим социальным группам (корпоративное государство), либо чиновникам (административно-бюрократическое государство), либо самому себе (тоталитарное, полицейское государство).

Исключительно важная роль в политической трансформации системы властеотношений и регулировании демократического перехода к современным формам государственности принадлежит избирательным технологиям - правилам и процедурам становления системы ответственной власти, в самой себе заключающей в качестве безусловного политико-правового императива ее периодическую ротацию и смену.

Именно в ситуации перехода от одной формы (неполитической государственности) к качественно иной (политической государственности) должно быть уделено концептуальное и целенаправленное внимание проблеме организации избирательного процесса, его институтам, демократическим процедурам и гарантиям прав граждан и их общественно-политических объединений на реальное участие в выборах и контролю за деятельностью выборных представительных и исполнительных государственных органов.

Ведущими элементами политико-правового механизма становления политической демократии являются, на наш взгляд, институты (правила и процедуры), обеспечивающие организацию и проведение референдумов и выборов в представительные и исполнительные органы государственной власти. Выборная

демократия - первичная клеточка в комплексном и многоаспектном процессе реформирования однопартийной системы власти, в котором закладываются исходные социальные, политические и правовые условия перехода от этатистской (административной) модели к действительно открытой, конкурентной, самоуправленческой, основанной на свободном политическом волеизъявлении граждан, модели властеотношений.

Конституция Российской Федерации, определяя в качестве структурообразующего принципа организации государственной власти свободные выборы и референдум, а носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации - народ, по существу, ввела в юридический обиход новые для отечественной политико-правовой теории и практики категории - избирательный корпус и избирательная власть.

На наш взгляд, именно здесь и лежит реальный источник более или менее безболезненного и согласованного перехода к системе политической демократии. Именно через избирательный процесс, организованный в институты и структуры избирательной власти, могут быть сбалансированы и приведены к социальному знаменателю возможные и желаемые политико-правовые преобразования наличествующей системы государственной власти и управления и, самое главное, последовательно и постепенно решена важнейшая проблема современного электорального государства - проблема правовой рационализации взаимоотношений законодательной, исполнительной и судебной властей и их политической ответственности перед гражданами. Фундаментальный смысл российского конституционного процесса, несмотря на весь его драматизм и издержки, в том и состоит, что, вопреки всему, впервые в практике государственно-правового развития страны, параллельно собственно бюрократическим основаниям и источникам ее жизнедеятельности и преобразований, активно формируется (юридизируется и институционализируется) новый гражданский источник и основание ее жизнедеятельности и преобразований.

Избирательный корпус и его юридическая структура - избирательное право (каталог электоральных прав и обязанностей граждан), законодательство (совокупность юридических источников данного права) - выступают активным инструментом социально-политических и социально-экономических перемен, а борьба за избирательное право, ту или иную модель электоральной системы - ведущим мотивом политической и государственной деятельности. Суть наблюдаемых и переживаемых событий в разворачивании на наших глазах и с нашим участием (хотим мы или не хотим, осознаем или не осознаем) процесса отделения общества от государства и

превращение его в полноценного и полноправного субъекта политических отношений, реального участника политического процесса, действительного носителя функции развития и преобразования политической системы, а в конечном итоге - выбора форм организации государственной власти и способов ее функционирования.

Отныне любой политический режим, если он хочет сохранить себя на долгосрочную перспективу, не сможет не считаться с конституционно-демократическими (электоральными) условиями и основаниями своей жизнедеятельности, какими бы хрупкими они не казались на первый взгляд. И даже если фактическая конституция власти и ее юридическая конституция не найдут общего языка, взаимная корреляция реальных политических отношений и конституционно-правовых форм их организации через электоральный процесс и электоральные предпочтения граждан становятся существенным аспектом понимания действительного содержания, динамики и логики развития российской государственности. Значение граждан-избирателей в разрешении этой дилеммы сегодня уже очевидно.

Какое содержание вкладывается в понятие "избирательный корпус", какое место занимает данный общественно-политический институт в процессе организации и поддержания системы властеотношений, какие функции выполняет в механизме политической демократии вообще и в процессе обновления и перехода к новому конституционному правопорядку в частности, какое положение занимает в системе разделения государственной власти, какие органы и институты призваны фактически и юридически осуществлять избирательную власть граждан, каковы их полномочия, порядок формирования и деятельности и, наконец, самое главное, политико-правовая природа и сущность электоральных прав и обязанностей граждан, субъективного активного и пассивного избирательного права - все это в совокупности составляет новое проблемное поле науки конституционного и административного права и - шире - публичного права.

Актуальность исследования данного политико-правового феномена мотивируется соображениями не только и не столько абстрактно-теоретического, сколько сугубо прикладного характера. Активизация законопроектной работы в области избирательного права, конкуренция альтернативных законопроектов, политические дискуссии по широкому комплексу вопросов избирательной политики и права, в том числе вокруг проблемы рационального выбора избирательной системы, отвечающей особенностям переходного этапа в развитии российской государственности, - это одна (и не самая важная) сторона ситуации, складывающейся вокруг будущих выборов в представительные и исполнительные органы государственной

власти. Важно юридически и институционально определить место избирательных технологий в механизме формирования и функционирования переходной к системе политической демократии структуры. А это делает необходимым выяснение политико-правовой природы избирательной демократии и выборной власти и составляющих ее административно-правовых институтов, которые отвечают ее внутреннему смыслу - обеспечить полную и безусловную реализацию права граждан избирать и быть избранным.

Конкретные политико-правовые источники данного объективного политического права и формы реализации субъективного (активного и пассивного) электорального права могут быть самыми разнообразными. Однако очевидно, что при всех своих особенностях избирательная власть может быть только правовой властью, властью, основанной на конституционных полномочиях, реализуемых через демократические правила и процедуры. Представляется, что теоретическое осмысление проблематики избирательной власти и ее практических потребностей на современном этапе может быть раскрыто через определение реального, а не декларируемого политического механизма организации и функционирования государственной власти, его положительных и отрицательных черт, а также выявление состава и структуры, функций и полномочий органов избирательной власти, оптимальных для данной ситуации и программных целей развития страны. Именно на такой основе предложение рациональных процедур осуществления избирательной власти, а также правил и регламентов взаимодействия органов избирательной власти на федеральном, региональном и местном уровнях ее организации будет адекватно тенденциям и конкретным условиям перехода к системе выборной, представительной и конкурентной демократии.

В современных, демократически организованных государствах, в любой их разновидности, выборы - это институт и процесс принятия политико-правовых решений, субъектом которого является общество в лице его дееспособных граждан, а объектом - государственная власть. Посредством конституционных выборов осуществляется публичное политическое воспроизводство государства, а именно - социальная ротация или перераспределение (перегруппировка или передача) законодательных и исполнительных функций и полномочий внутри сил и групп интересов, политически и юридически оформивших себя. Поэтому любая альтернатива конституционным выборам, как форме и способу организации и функционирования публичной политической власти и ее трансформации в государственную власть, ведет к разложению демократического конституционного правопорядка, а в конечном итоге - к вытеснению граждан и их территориальных,

политических и иных объединений на периферию политической системы и, как следствие, оформлению режима политического господства государства над обществом.

Демократические конституционные выборы, разумеется, не панацея в решении всех проблем посттоталитарного этапа в развитии российской государственности, но это единственный политико-правовой институт, дающий возможность выйти из состояния закрытого общества, преодолеть тоталитарное социополитическое и социокультурное наследие. Демократия неосуществима вне политического избирательного процесса, то есть процесса, допускающего и обеспечивающего для граждан на юридической основе возможность выбора между различными лицами, группами и партиями, претендующими на то, чтобы в течение определенного законом срока не только представлять их интересы, но и проводить собственную политику развития, санкционированную гражданами-избирателями.

Разумеется, переход от мобилизационной модели выборов к конкурентной модели в условиях становящейся многопартийной системы принес множество электоральных сюрпризов как политикам, так и аналитикам. Советская электоральная культура, по существу, сводилась к восприятию участия в выборах как выполнению гражданского долга. 1993 год стал поворотным пунктом трансформации участия в выборах: от модели политической обязанности к модели электорального права. Избиратели последовательно опровергли представление о господстве в обществе гомогенной патерналистской политической культуры. Налицо дифференциация и структурализация партийно-политических предпочтений.

Хотя полномасштабное исследование электорально-правовой культуры россиян еще только предстоит провести, но уже сегодня есть все основания утверждать, что для большинства из них участие в выборах стало рассматриваться как способ отбора политических лидеров, публичной оценки деятельности политических партий, инструментом коррекции официального правительственного курса. Граждане начинают воспринимать участие в выборах как реализацию своих политических и гражданских прав.

В известном смысле участие в выборах становится политической формой осуществления электоральных прав и электоральных обязанностей, что означает переход России к обществу, управляемому на основе публичного согласия граждан.

А. Ю. Согомонов
СОЦИО- И АНТРОПОГЕНЕЗ “РОССИЙСКОГО
ИЗБИРАТЕЛЯ”

*(к генеалогии постсоветского гражданства
и электорального рессентимента)*

Вместе со страхом перед человеком мы утратили и любовь к нему, уважение к нему, надежду на него, даже волю к нему. Вид человека отныне утомляет. ...Мы устали от человека...

Ф.Ницше

Во времена французской революции 1848 года рассказывали анекдот о том, как одна угольщица обратилась к богатой парижанке со словами: "Ничего, мадам, скоро мы все станем равными, и тогда я буду ходить в шелках, а вам придется потаскать уголь".

Цитировано по Г.Зиммелю

"Российский избиратель" - феномен исторический и его происхождение связано, как кажется, прежде всего с изменившимся балансом в культуре российского общества - балансом между собственно социополитическим миропорядком (социореальностью) и его субъективным (символическим) переживанием (то есть культурной репрезентацией общества).

"Российский избиратель" в этом смысле является непосредственным порождением новой реальности субъективных переживаний людей и, прежде всего, символического переживания социального неравенства, десакрализации политической власти, становления гражданства как "социального класса" равных субъектов.

При этом рождение феномена "российского избирателя" в России идет как бы параллельным курсом с глобальными изменениями в мировом контексте политики и социальных отношений, чаще выраженных концепцией "рефлексивной модернизации", - реиндивидуализации политики и исчезновения "классов" в традиционном смысле понятия.

В наиболее общем виде эту социокультурную динамику можно было бы выразить как взаимообразное движение субъективных переживаний людей *от простого к сложному* (в социально-символическом измерении) и, наоборот - *от сложного к простому* (в политико-символическом измерении).

**От простого к сложному:
социогенез "российского избирателя"**

Сложное неравенство. Советское общество не было социально однородным, однако существующее в нем социальное неравенство репрессировалось эгалитаристскими символическими конструкциями, и потому в советском обществе существовал, пусть даже временами и весьма неустойчивый, но все же символический баланс между социальной нетождественностью субъектов советского общества и воображаемым (то есть субъективно переживаемым) социокультурным равенством (даже в столь причудливой форме, как, например, "мы все равны в своем неравенстве").

Наукообразные утопии "социально однородного" общества позднего социализма являлись лишь частью сложного идеологического аппарата репрессии социального неравенства. Громадную роль в поддержании воображаемой реальности тождественности субъектов советского общества сыграл символический код "простого советского человека". В нем, по меткому наблюдению авторов книги "Советский простой человек", было предельно последовательно реализовано сочетание внутренней установки на иерархичность миропорядка с выраженной экспрессией эгалитаризма - антиномия, именованная авторами парадоксально "иерархическим эгалитаризмом". Советского человека отличала сознательность (т.е. готовность принять существующий порядок и режим) и справедливо-практический эгалитаризм, отвергающий лишь то неравенство, которое не соответствует принятой иерархии, например, незаслуженные привилегии и нетрудовые доходы [1]. Иными словами, иерархически-эгалитарная "социальная однородность" переживалась как социально-символическая *простота* советского общества, идеологически противопоставленная *сложности* "классового" (западного!) общества.

На смену субъективным переживаниям социально однородного устройства общества в постсоветский период приходит болезненное и ясное восприятие обнаженного, тотального и абсурдного неравенства, нерепрессируемого отныне никакими символическими средствами. А это, в сущности, означает, что на смену *простому* переживанию иерархически-эгалитарного мира приходит *сложное* переживание замысловато-иерархического и неэгалитарно (то есть символически несправедливо) организованного социального миропорядка.

Десакрализация власти. Советская модель господства и-подчинения строилась на модели *простой полярности*. Власть сакрализировалась, а публичная политика была, фактически, сведена к ее ритуальной симуляции. В определенном смысле сакрализованная власть стала возможна опять-

таки благодаря символической онтологичности канона "советский человек".

Метафора всей семантики советского человека, по наблюдениям авторов "Советского простого человека", - его универсальная простота. Это - и ориентация на всеобщее усреднение (требование "быть как все"), и отвержение элитарности, как, впрочем, и всякого уклонизма, и открытость для понимания со стороны себе подобных, и простая забота о выживании, и привычка довольствоваться малыми радостями. А для такого социального характера достаточно и *простого* государственного контроля и управления: между *простым* человеком и *простой* властью как бы исчезает опосредующее звено: социально-групповые идентификации, то есть собственно гражданское общество.

Отсутствие гражданского общества в свою очередь максимально дистанцировало власть от общества, причем настолько, насколько в разные исторические периоды ощущалась потребность в "обожевлении" высшей власти. Соответственно, процедура демократических выборов (кроме ее очевидной симуляционной роли) делала максимально *простым* участие "советского человека" в преимущественно безальтернативных выборах (для предельного упрощения процедуры политического соучастия).

Гражданское общество в постсоветский период в полном смысле понятия не сформировалось, однако соучастие граждан в политическом процессе, благодаря укрепившейся (пока?!) практике национальных и региональных выборов, становится нормативным, при том, что оно напрочь утрачивает свою былую *политико-символическую простоту*.

Сложность возникает не только в силу альтернативности выборов, бесконечной и непрозрачной политико-партийной палитры, свободы самовыдвижения, но прежде всего в силу открывшейся электоральной перспективы политического выбора между аффектом и взвешенностью, протестом и лояльностью. В пространстве профанной политики выбор в пользу той или иной десакрализованной личности политика для постсоветского человека, привыкшего ранее сожительствовать с сакрализованно "простой" властью, *усложняется* неимоверно.

Становление "гражданства" как социального класса. В современном смысле только в постсоветский период происходит становление сложносоставной доктрины "гражданства", причем именно такой доктрины, которая способна политически репрессировать социальное неравенство рыночного общества в концепции политико-символического равенства - "социального класса" - всех граждан.

Еще в 50-е годы Т.Маршалл убедительно показал, что по мере развития современного общества в нем постепенно трансформируется изначальная концепция "гражданства" и,

соответственно, все более отчетливо дифференцируются три принципиальных компонента этой концепции: *политический, социальный и собственно гражданский* [2]. Последний охватывает права, необходимые для индивидуальной свободы (rule of law), второй - право участия в политическом процессе (активное и пассивное избирательное право), первый - право на поддержание определенного уровня жизни (социальные услуги) и право на социальное наследие (образование).

Советское общество весьма условно реализовывало в себе трехкомпонентную структуру концепции "гражданства". Можно спорить о масштабах симуляционного режима "rule of law", всеобщности и подлинности политического избирательного права, равно как и о полноте социальных прав и гарантий "граждан Союза", но трудно возразить на тезис о том, что все эти права формально и субстанционально регламентировались и находились под жестким политическим и идеологическим контролем со стороны государства. В сущности, "советское гражданство" как концепция было скорее властным допущением со стороны этакратического режима субъектам осовременяющегося общества. *Простота* "большевистской" концепции гражданства в этом смысле заключалась в признании базовых социальных и политических потребностей членов общества и необходимости их "*простого*" удовлетворения. Из самого же общества фактически не шел "гражданский" запрос на гражданские права, а посему они как бы "даровались" государством обществу, о чем "простым гражданам" следовало постоянно помнить и, более того, за эту "отеческую" заботу следовало постоянно выражать признательность этакратическому "благодетелю" в виде воодушевленной преданности и политической лояльности.

На смену периоду симуляционного "гражданства" (или корректнее: релятивного бесправия) в постсоветской России приходит эпоха рефлексии нормативности гражданских прав. Но, сопровождаемая взвешенной оценкой возможностей и гарантий этих прав, а также перспектив их гармоничного развития, эта публичная рефлексия подталкивает общество и государство на латентное соглашение о неравномерном развитии трех компонентов концепции "гражданства".

Замедленное (в силу разных причин) развитие собственно гражданских прав, а также неадекватная этатистская гарантия социальных прав, компенсируются в этой контрактually-альной схеме гипертрофированным стимулированием развития чисто политических прав. Отсюда постсоветский "гражданин", рефлекслируя свое равенство в "социальном классе" граждан, выступает в качестве субъекта с политически "перекошенным" гражданским сознанием.

Вкусив "прелесть" политических прав, он в то же время по-старинке ожидает расширения своих социальных и собст-

венно гражданских прав со стороны государства за счет государственных же резервов и ресурсов. Фрустрированный ситуацией невозможности гармоничного развития концепции "гражданства", постсоветский человек оказывается в предельно *непростой* гражданской позиции. В его символической реальности (то есть в субъективных переживаниях) концепция "гражданства" существует в ее систематическом виде (трехкомпонентная концепция), но в своей социореальности он по-прежнему ощущает себя релятивно бесправным. Именно в этом процессе усложненного генезиса постсоветского "гражданства", очевидно, следует искать истоки сегодняшней дивергенции социального, гражданского и политического массового сознания, приводящей к патологической несвязанности гражданского самосознания, политических ориентаций и социально-экономических интересов субъектов постсоветского общества.

В то же время утверждение концепции "гражданства" в символическом пространстве постсоветского общества способствует формированию *сложного* социокультурного образования, именуемого "*социальным классом*" граждан. В нем очевидное социальное и правовое неравенство субъектов компенсируется их гипертрофированным равенством в отношении электоральных прав. Отсюда несложно вывести то системообразующее значение, которое имеют сегодня политические (электоральные) права для стабильности и относительной устойчивости всей общественной системы российского посттоталитаризма. Электоральные права выступают сегодня в качестве единственной и универсальной базы "усложненной" гражданской солидарности.

От сложного к простому:

антропогенез электорального рессентимента

Выражение эмоций составляет, пожалуй, квинтэссенцию электорального поведения постсоветского гражданского корпуса (как, впрочем, видимо, и не только российского электората). Среди них *рессентимент* является если не абсолютно доминирующей, то, по крайней мере, наиважнейшей "публичной" эмоцией. Хотя рессентимент - феномен особого порядка, он явно выбивается из числа обычных массовых настроений.

Использование в данном случае франкофонного понятия "ressentiment" является не только вынужденной лексической мерой ("рессентимент" традиционно используется во всех современных европейских языках для обозначения сложного социопсихического состояния массового сознания), но и своего рода данью ницшеанскому культурологическому прозрению, содержащемуся в его "Генеалогии морали".

Рессентимент не является в чистом виде понятием психологическим, равно как и весьма редко выступает

предметом социологического (тем более - политологического) анализа. Рессентимент категориально охватывает предельно сложный комплекс социокультурных и социопсихологических явлений, распознанных и описанных впервые Ф.Ницше .

Рессентимент означает специфическую эмоциональную реакцию враждебного настроения, существующего автономно и хронологически устойчиво. Рессентимент охватывает такие социально значимые и коллективно выражаемые эмоции, как месть, злоба, гнев, зависть, негодование, ненависть, которые, в свою очередь, по отдельности не сводимы к атомарным элементам рессентимента, поскольку смысл последнего выкристаллизовывается в их сочетании и, кроме того, в сопровождении с чувством *социального бессилия*.

"Рабский мятеж в морали", по Ницше, берет свое начало тогда, когда рессентимент становится созидающей силой. И если истинная мораль людей основывается на ее принятии, то "рабская мораль" изначально отвечает свое "нет" всему тому, что "вовне"; тому, что "иное"; тому, что "не оно само"; тому, что основано на реакции отторжения "иного мира" (реакция воображаемого мщения).

Рессентимент, согласно Ницше, обладает высокой креативной энергией и способен порождать новые ценности. Историческое "открытие" рессентимента связано со сменой регламентированности традиционного общества на порождаемую современностью социокультурную ситуацию постоянства соревнующихся социальных субъектов. И именно условия тотальной и перманентной конкурентности формируют новые механизмы обоснования идентичности современного субъекта: постоянное сравнение себя с другими; постоянное взвешивание своих притязаний и возможностей; принятие эгалитарного (электорального) пространства как нормативного и прагматичного.

Чувство бессилия становится невыносимым в случае, когда самооценка личности идет вразрез ее притязаниям, когда утрачивается "достоинство" и чувство самодостаточности своего "места", когда рождаются утопические претензии, вплоть до претензии на "управление государством". И главное в этом процессе антропогенеза рессентимента - не только конкретный набор коллективно разделяемых эмоций, не только тотальное недовольство людей их положением, сопровождаемое чувством бессилия что-либо изменить, но социальная и политическая возможность массового выражения рессентиментальных чувств. Прежде всего, в электоральном поведении (с эффектом обратной связи).

Рессентимент - явление:

* Подробнее о "рессентименте" см. [3-8].

* массовое, поскольку им охватываются самые широкие слои населения;

* нестабильное, поскольку в силу своей природной деидеологизированности может варьироваться по интенсивности и масштабу;

* асоциальное, поскольку основано на чувстве мщения и содержит в себе чрезвычайно широкий спектр "карательных акций", направленных против "зримых" врагов общества;

* потенциально деструктивное, поскольку всегда обнаруживает социальный выход, а в условиях демократии чаще всего - в выражении (анархичных и нарочито оппозиционных) электоральных предпочтений.

Главная же социокультурная причина внезапного и тотального распространения рессентиментального электорального поведения, как кажется, заключена в естественной реакции постсоветского человека на неуклонное усложнение своего жизненного пространства. *Усложнение жизненного мира*, иными словами, результировано в предельном *упрощении культурно-политической реакции* на него, следы которой легко обнаруживаются в постсоветских электоральных практиках:

- * деполитизированности избирателя,
- * морализаторской критике власти и политики,
- * поиске "виновного" (с элементами "охоты на ведьм"),
- * электоральной логике "непримиримости",
- * доминировании карательного мотива,
- * выражении выбора как акта "воображаемого мщения",
- * последовательной политической и личностной баррикадности политического пространства,
- * диаметральных электоральных "шараханиях", и т.д.

В свое время М.Шелер замечал, что рессентимент в особенности распространен там, где юридическое и политическое равенство (равноправие) людей сочетается с экономическим и социальным неравенством.

Аплицируя эту гипотезу к электоральным реалиям постсоветской России, как кажется, можно было бы сформулировать следующий тезис: инновационное субъективное переживание политического равенства (равенства всех перед электоральной урной) в сочетании с инновационным субъективным переживанием социально-экономического неравенства порождают *"новую" субъективную реальность* - реальность *сложно-простого жизненного мира*. В нем драматическое социокультурное усложнение поведения социального актера компенсируется культурно-антропологическим упрощением его политического самовыражения.

Намеченные на ближайшее будущее выборы, как кажется, лишь подтвердят *гипотезу о простоте* процедуры рессентиментальных демократических выборов.

Отсюда несложно сделать вывод, что многие сегодняшние электоральные рационализации, особенно такие, как выбор по принципу "если не N., то кто?", "на фоне всех остальных остается только N.", "кто угодно, только не N." и т.п., еще долго будут доминировать среди российских электоральных привычек, а посему будут резонно подвергаться сомнению целесообразность самой демократической процедуры. А возможно, и порождать миф о несовместимости российской культуры и ритуала демократического соучастия граждан в политическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. / Под ред. Ю.А.Левады. - М.: Мировой океан, 1993, с.14.
2. Marshall T.H. Class, Citizenship, and Social Development. Westport, CT: Greenwood Press, 1973.
3. Ницше Ф. К генеалогии морали. - Сочинения. Т.2.- М.: Мысль, 1990.
4. Свасьян К.А. Примечания. - Ницше Ф. Сочинения. Т.2.- М.:Мысль, 1990.
5. Согомонов А.Ю. Культурная динамика и метаморфозы массового сознания (рессентимент и ригоризм). - Социодинамика культуры. - М.: Ин-т социологии, 1991.
6. Scheler M. Das Ressentiment in Aufbau der Moralen. - Gesammelte Werke. Bd.3. - Bern: Franke, 1955.
7. Schoeck H. Envy. A Theory of Social Behaviour. - Indianapolis: Liberty Press, 1987.
8. Barbalet J. Citizenship, Class Unequality and Resentiment. - Citizenship and Social Theory. / Ed. by B.S.Turner. - London: Sage, 1993.

А. Г. Левинсон

ВОЛЯ ЭЛЕКТОРАТА И ЭКСПЕКТАЦИИ НАРОДА

Два дискурса

Идеи демократии не одной волной накатывались на нас за последние два-три века. От каждого наката что-нибудь да оставалось в нашей жизни, попадало надолго в наш обиход. Так произошло с идеей "народа". Берущая начало в античности, прошедшая через перипетии новоевропейской истории, она вошла в российскую культуру в момент важных трансформаций в устройстве верхних этажей общества - в конце позапрошлого - начале прошлого столетия. Явившееся одним из главных инструментов левых оппозиционных идеологий XIX века, понятие "народ" было включено в идеологию господствующую, когда левые силы взяли власть в России в следующем веке. И так пришлось к месту, что вскоре стало одной из основных категорий для понимания отечественной истории и современности. Слово "народ" стало казаться естественным названием для жителей страны. Сегодня требовалось бы особое усилие, чтобы заметить, что как скоро мы произносим это слово или помышляем это понятие, автоматически задаются координаты для вполне определенного видения всего общества, его внутреннего движения и строения.

Одна российская импликация этого понятия - "интеллигенция", которая "далека от народа", должна "пойти в народ", которая "народная" и т.д. Другая, находящаяся в неразрывной связи с первой, вводит представление о власти. Понятие "народ" в отечественном обиходе имплицитно подразумевает наличие отдельной от него власти, которая не-народ, которая власть народа и т.д.

Официальная идеология советского времени с понятием "народ" пыталась связать и определенное представление о демократии, для чего было создано понятие "народной демократии". (Стремление подзанять легитимности для собственных сатрапий у категорий с устоявшимся авторитетом привело к тому, что на русском языке при помощи греческого, латинского и славянского корней было сконструировано тройное зачатие "народностью": народно-демократическая республика.)

В своем современном бытовании дискурс "народ" означает сохранение советских - то есть внешнепатерналистских форм взаимоотношений с "властью". В рамках этого дискурса невозможен вопрос, а кто такой "народ"? До недавнего времени не приходилось спрашивать и то, какую власть имеют в виду. После декларированного разделения властей усилиями некоторых теоретиков и, главное, практиков властвования, понятие власти как таковой ассоциируется с властью президен-

тской. Она, и прежде всего она, наследует тому представлению о власти, которое задается обсуждаемым дискурсом. В рамках этих отношений народ обречен власти, и не имея возможности влиять на нее, народ может уповать, любить, ругать власть. То есть он может к ней относиться, но не может ею обладать, распоряжаться.

Следует однако вспомнить, что в рамках, задаваемых этим дискурсом, присутствует и идея "воли народа" и "народного волеизъявления". В прошлом отсутствовали уточнения, в каких формах то и другое может существовать и выражать себя. Одной из форм были ритуальные выборы ритуальных же, не имеющих власти органов. Истинная власть на выборы себя не выставляла, ибо по самой своей сути не могла иметь альтернативы. Такая власть могла сменяться только в результате процессов, идущих в ней самой - старение или смерть первых лиц, заговоры и перевороты вторых-третьих лиц и пр.

Среди заслуг М.Горбачева и его сторонников перед отечеством исторически наиболее важной, по нашему убеждению, является внесение идеи плебисцитарной демократии - референдума или иного всеобщего голосования как средства влияния "народа" на "власть".

Утвердилась эта идея весьма прочно. Она явилась мостиком для перехода к идее демократии многопартийной, к идее выборной, сменяемой власти. При этом не власти "всего народа", а власти, отражающей соотношение различных сил в обществе или по крайней мере - различных партий. В рамках такого дискурса существует не народ как объект попечения, а национальный электорат как субъект политической воли. Точнее сказать, как совокупность электоратов - субъектов политических волений.

Посмотрим с таких позиций на результаты исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенных на старте кампании по выборам президента РФ.

Что касается воли, то электорат выразил два равносильных стремления. Одно стремление - к умеренно-социалистическому образцу существования, другое - к умеренно-демократическому.

Первое стремление внешне выражается в намерении избрать президентом Зюганова, второе стремление внешне выражается в намерении сделать президентом Явлинского.

Народ тоже проявил себя. Он проявил себя в ожиданиях. Его ожидания также раздвоены и также равносильны. Они оба консервативны и сводятся к вариантам, что после выборов будет "как всегда было" или что будет "как сейчас есть". Первое выражается во мнении, что президентом станет Зюганов, второе, что президентом станет Ельцин.

Таким образом наше общество, будучи взятым в двух об-суждавшихся выше проекциях, проявляет себя неодинаково. Будучи субъектом воли и выбора, "электорат" имеет определен-ные намерения. Их выражают такие символы, как Зюганов и Явлинский. Будучи объектом управления, носителем привычек, страхов и надежд, "народ" полон ожиданий. Их выражают такие символы, как Зюганов и Ельцин.

Ниже мы приведем основания для такого заключения и обсудим вытекающие из него следствия.

Анализ проводится по данным регулярных опросов ВЦИОМ, проводившихся по стандартной выборке объемом 1600 человек, представляющей основные социально-демографи-ческие группы российского электората в городе и селе по всей территории РФ. Метод сбора информации - личное интервью на дому у респондента. Используются данные, собранные в конце января и в конце февраля 1996 года.

За кого хотели бы проголосовать избиратели

1. Открытый список

Вот как выглядели ответы на открытые вопросы, задававшиеся в ходе последних опросов ВЦИОМ. Задавался вопрос: "Если бы в ближайшее воскресенье состоялись президентские выборы, за кого вы бы отдали свой голос?"

В опросах января и февраля 1996 г. открытый список включал около 40 имен. При этом в обоих случаях только десять имен были названы более чем одним процентом опрошенных. Но они собрали около половины голосов всего населения страны. А другие три десятка названных разными людьми кандидатов не собрали и 10% поддержки все вместе.

Десять имен в январе и феврале были следующими: Гайдар, Ельцин, Жириновский, Зюганов, Лебедь, Немцов, Руцкой, Св.Федоров, Черномырдин, Явлинский (см. таблицу 1).

В феврале список покинул Руцкой, но вошел в него Нем-цов. Эти лица, так же, как и Гайдар, находятся на грани вве-денной нами однопроцентной нормы. Десятикратное различие в объемах поддержки между Немцовым и Зюгановым не позволяет надеяться, что Немцов будет его серьезным соперником на выборах.

Исключим как "неустойчивых кандидатов" Немцова и Руцкого. Если рассмотреть оставшийся список, то можно отметить, что Гайдар, Ельцин, Жириновский, Зюганов собирали в январе вместе около 26% "голосов", а Лебедь, Федоров, Черно-мырдин и Явлинский вместе чуть меньше - 21%. В феврале же первая четверка получила 34%, а вторая - 15%.

Налицо определенная концентрация избирательских предпочтений.

Таблица 1.

Распределение ответов на открытый вопрос:
"Если бы в ближайшее воскресенье состоялись бы президентские выборы, за кого вы бы отдали свой голос?"

(Имена расположены в алфавитном порядке, числа означают процентные доли их назвавших от общего числа опрошенных. Приводим данные до десятых долей процента, однако разница менее 2 процентных пунктов ниже границы гарантированной точности.)

	Январь	Февраль
Гайдар	1.7	1.9
Ельцин	5.4	7.0
Жириновский	7.1	8.5
Зюганов	11.3	16.7
Лебедь	5.5	4.5
Немцов	0.6	1.6
Руцкой	1.4	0.7
Св.Федоров	3.6	3.1
Черномырдин	4.2	2.6
Явлинский	7.7	5.2

2. Закрытые вопросы

Опросы общественного мнения - моделирование выборов. Поэтому исследователи стремятся имитировать в опросе (в меру возможности) саму ситуацию выборов. На выборах избиратель выбирает из некоторого списка, некий список из наиболее вероятных (на взгляд исследователей) кандидатов предлагает респонденту интервьюер.

Закрытые вопросы позволили более явно обрисовать уже отмеченную тенденцию.

Вопрос в "закрытом" варианте задавался сразу после только что рассмотренного и звучал так: "А если бы в президентских выборах участвовали следующие кандидаты, за кого из них вы бы отдали свой голос?".

Результаты приведены в таблице 2.

При открытом вопросе заявили, что затрудняются ответить 27% опрошенных, а при наличии готового списка - только 17%. Наполнение ответов также, как можно заметить, стало более значительным. В этом смысле может возникнуть недоумение - какой же из результатов "правильнее" - первый или второй. На такой вопрос нельзя дать ответ, поскольку ни одно из обсуждаемых чисел не есть и не должно рассматриваться как прогноз результата выборов. Все эти данные в совокупности позволяют построить представление об идущих в данный период

процессах внутри электората. Победа того или иного кандидата будет итогом этих процессов, а также еще нескольких весьма важных составляющих. Часть из них мы обсудим несколько ниже.

Таблица 2.

Распределение ответов на закрытый вопрос:
"А если бы в президентских выборах участвовали следующие кандидаты, за кого из них вы бы отдали свой голос?"

(Имена расположены в алфавитном порядке, приводятся процентные доли их назвавших от общего числа опрошенных. Приводим данные до десятых долей процента, однако разница менее 2 процентных пунктов ниже границы гарантированной точности.)

	Январь	Февраль
Гайдар	3.1	3.3
Горбачев	0.8	0.5
Ельцин	5.1	8.0
Жириновский	8.6	10.2
Зюганов	15.1	18.3
Лебедь	8.3	7.3
Св.Федоров	7.0	5.7
Черномырдин	6.0	4.4
Явлинский	10.7	7.7

Обратим внимание на то, что и в новой модельной ситуации, чуть более приближенной к реальной, продолжает действовать отмеченная ранее тенденция к концентрации. Гайдар, Ельцин, Жириновский и Зюганов в январе вместе собирали 32% голосов, а остальные - 33%. В феврале названные лица получили уже 40%, а остальные - 26%.

Намерения активных избирателей

Как уже говорилось, полученные в опросе "сырые" данные нельзя расценивать как прямой прогноз результатов голосования. Одна из причин состоит в том, что все приводившиеся выше результаты в процентах подсчитаны как доля от всех опрошенных или, что в данном случае то же самое, как доля от всех имеющих право голоса. Однако известно, что на выборы явится далеко не 100% имеющих это право. Между тем подсчет голосов производится в процентах от числа принявших участие в голосовании.

Пытаясь ввести поправку на это обстоятельство, специалисты ВЦИОМ предлагают рассматривать ответы только тех, кто изъявил намерение прийти голосовать.

По данным на конец февраля заявили:

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос:
"Если бы в ближайшее воскресенье состоялось бы выборы президента России, вы приняли бы в них участие или нет?" (округлено до целых чисел).

"уверен, что не буду голосовать"	14%
"сомневаюсь, что буду голосовать"	9
"не знаю, буду голосовать или нет"	13
"скорее буду голосовать"	15
"совершенно точно буду голосовать"	48
"затрудняюсь ответить"	1

Если взять ответы только тех 63%, кто заявил "скорее буду" и "совершенно точно буду голосовать", то картина конца февраля будет выглядеть так:

Таблица 4.

Распределение ответов на закрытый вопрос:
"А если бы в президентских выборах участвовали следующие кандидаты, за кого из них вы бы отдали свой голос?"

(Имена расположены в алфавитном порядке, числа означают процентные доли их назвавших от общего числа заявивших о твердом намерении участвовать в выборах. Приводим данные до десятых долей процента, однако разница менее 2 процентных пунктов ниже границы гарантированной точности.)

Гайдар	3.8
Горбачев	0.6
Ельцин	10.8
Жириновский	12.1
Зюганов	24.3
Лебедь	7.9
Св.Федоров	7.1
Черномырдин	5.4
Явлинский	13.3

Те четыре политика, о которых мы говорили выше, при таком подсчете получают 51%, а остальные - 34%. То есть и те, и другие будут поддержаны в 1.3 сильнее. Но как можно заметить, не все в равной степени улучшают свои шансы. Так, для Явлинского новый подсчет дает в 1.7 больше сторонников, для Ельцина - в 1.4, а для Жириновского, Федорова, Черномырдина - в 1.2, для Лебеда - лишь в 1.1 раза.

Отметим, что среди наиболее активных избирателей, уже в феврале решивших идти голосовать, очень много сторонников Явлинского. За демократическим электоратом, как приходилось

замечать в ходе прошлых предвыборных кампаний, водится свойство рано отомобилизовываться. Позднее это свойство проявил и электорат КПРФ. С одной стороны, это говорит об идейности электоратов (а оба упомянутые - это прежде всего идеологически-мотивированные избиратели). Но с другой стороны, ранняя мобилизация приводит к своего рода "усталости" в решающий момент выборов. Кандидат может к концу кампании, как ни странно, потерять часть этих избирателей "первого призыва". Так произошло, например, с частью сторонников "Выбора России" в 1993 году.

Второй тур

Многие аналитики полагают, что президентские выборы 1996 года будут проходить в два тура. О том, кто выйдет во второй тур и каков будет исход голосования, строится много предположений. В попытках смоделировать и этот аспект выборов, исследователи ВЦИОМ предложили несколько вопросов, которые выясняют предпочтения избирателей в условиях выбора только из двух кандидатов. Кроме выбора одного из двоих отвечающим предоставлялась возможность дать еще такие ответы "проголосовал бы против обоих", "не стал бы принимать участия в выборах" и "затрудняюсь ответить".

По данным января Зюганов побеждал бы со счетом 35:14 Жириновского, 33:19 Ельцина, 29:26 Лебеда и уступал бы со счетом 28:34 Явлинскому.

Явлинский кроме того побеждал бы со счетом 42:15 Жириновского, 31:29 Лебеда.

В феврале Зюганов побеждал бы Ельцина почти с таким же счетом 34:21, а Лебеда - с более значительным, чем в январе, перевесом 31:23, а также со счетом 30:29 - Явлинского. Явлинский же имел бы преимущество над Черномырдиным - 29:19, но проигрывал бы Св.Федорову 23:28.

Обратим внимание на то, что по последним имеющимся данным, наиболее значительными по числу участвующих были бы выборы между Зюгановым и Явлинским. Они включили бы почти 60% избирателей. Снова оговоримся, что это не численный прогноз, но зато вполне правомерно предположить, что именно этот выбор представляется сегодня избирателям наиболее важным. Эта ситуация отомобилизовывает наибольшее число участников с обеих сторон. (Всего 11,6% граждан считают, что они не захотели бы принять участие в таких выборах.)

В этом варианте в поддержку Явлинского выступает практически столько же избирателей, сколько в поддержку Зюганова.

Это дает нам основание полагать, что именно данный результат наилучшим образом выражает *политическую волю российского электората*.

Ожидания народа

Кто все-таки будет президентом?

Помимо проанализированных выше результатов, опросы ВЦИОМ дают иную информацию, которая позволяет гораздо более полно представить себе, как протекает процесс выработки позиций у сторонников различных кандидатов.

Учитывая значительный разброс мнений в обществе и предполагая, что и сами избиратели каким-то образом принимают во внимание это обстоятельство, исследователи ВЦИОМ задали вопрос: "А кто, по вашему мнению, все-таки станет президентом России?".

Формулировка вопроса, как видим, максимально "разгружает" респондента, она не представляет выборы как проблему его собственного гражданского поведения. Она оставляет за рамками обсуждения процедуру выборов, практику подсчета голосов, даже сам факт выборов и останавливает внимание только на президентстве. Вопрос, как видим, переключает респондента из модальности избирателя в модальность подданного, переводит разговор из одного дискурса в другой. В остальном все остается прежним - для ответа предлагался тот же список из 9 имен, что обсуждался выше.

Результаты таковы:

Таблица 5.

Распределение ответов на закрытый вопрос:

"А кто, по вашему мнению, все-таки станет президентом России?"

(Имена расположены в порядке убывания доли их назвавших от общего числа опрошенных. Приводим данные до десятых долей процента, однако разница менее 2 процентных пунктов ниже границы гарантированной точности.)

	Январь	Февраль
Гайдар	0.9	1.4
Горбачев	0.6	0.4
Ельцин	13.6	21.3
Жириновский	8.4	7.7
Зюганов	17.6	22.2
Лебедь	3.9	2.1
Св.Федоров	1.5	0.6
Черномырдин	6.2	3.4
Явлинский	4.9	1.7

Как видим, в качестве "народа" респонденты рисуют совсем иную картину. Во-первых, от января к февралю улучшаются шансы только у трех кандидатов - Гайдара, Ельцина и Зюганова. Во-вторых, и в количественном отношении эти *ожидания народа* отличаются от *намерений избирателей*. В приводимой ниже таблице указаны отличия - во сколько раз реже (-) или чаще (+) назван тот же кандидат при новой постановке вопроса.

Таблица 6.

Сравнение ответов на вопрос:
"А если бы в президентских выборах участвовали следующие кандидаты, за кого из них вы бы отдали свой голос?"

с ответами на вопрос

"А кто, по вашему мнению, все-таки станет президентом России?".

Числа означают - во сколько раз реже (-) или чаще (+) назван тот же кандидат при второй формулировке вопроса.

	Январь	Февраль
Гайдар	- 3.4	- 2.3
Горбачев	- 1.3	- 1.3
Ельцин	+2.7	+2.7
Жириновский	- 1.02	- 1.3
Зюганов	+1.2	+1.2
Лебедь	- 2.1	- 3.5
Св.Федоров	- 4.7	- 9.5
Черномырдин	- 1.03	- 1.3
Явлинский	- 2.2	- 4.5

Теперь картина расчищена до предельно ясного состояния. Мы видим, что со знаком плюс остались всего два имени. Иными словами, по поводу большинства имен ни в январе, ни в феврале среди избирателей не было ожиданий, хотя бы равных по силе их собственным пожеланиям и намерениям в адрес тех же лиц. Переход от выражения собственной политической воли к своим политическим ожиданиям привел к практическому удалению с политической сцены всех кандидатов, кроме Ельцина и Зюганова.

Итак, в электоральных *ожиданиях* шансы Ельцина и Зюганова практически сравнялись, как были равны шансы Зюганова и Явлинского в электоральных *намерениях* тех же избирателей.

Особенно существенным представляется то, что от января к февралю расхождение ожиданий с намерениями стало более резким как в отношении Ельцина и Зюганова, так и в отношении прочих кандидатов. Мы могли отметить уже в данных, приводившихся в предыдущем разделе, определенную

концентрацию поддержки вокруг Ельцина и Зюганова, но ставить вопрос об их монополии на поддержку тогда не приходилось.

Учитывая, что мы рассматриваем ответы не просто относящиеся к одному и тому же обществу, одним и тем же контингентам, но просто принадлежащие одним и тем же людям, нельзя не удивиться - как же так: одни и те же люди собираются голосовать за Явлинского, а президентом ожидают увидеть Ельцина?

Ожидания сторонников различных партий

Для того, чтобы представить, как ведут себя в этой обстановке люди с различными политическими ориентациями, сравним в единой таблице несколько показателей. Возьмем семь кандидатур, за которых намеревались голосовать в феврале более 4% избирателей. Посмотрим на ответы людей, голосовавших в декабре за одну из семи партий. Для ясности будем пользоваться округленными числами. Числа обозначают долю сторонников той или иной партии, намеревающихся проголосовать за данного кандидата (верхняя цифра) и ожидающих его избрания (нижняя цифра).

Таблица 7.

Сравнение ответов на вопрос:

"А если бы в президентских выборах участвовали следующие кандидаты, за кого из них вы бы отдали свой голос?"

с ответами на вопрос

"А кто, по вашему мнению, все-таки станет президентом России?"

(Числа означают округленную долю в процентах от числа голосовавших за ту или иную партию на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 г. Значения менее 1% приравнены к 0. Имена кандидатов обозначены первыми буквами имени и фамилии.)

Электорат		БЕ	ВЖ	ГЗ	АП	СФ	ВЧ	ГЯ
ДВР	намерения	15	2	0	0	5	6	4
	ожидания	42	0	13	0	0	3	2
НДР	намерения	26	3	3	6	4	28	3
	ожидания	31	3	9	1	0	12	1
ЯБЛОКО	намерения	7	0	1	5	6	3	58
	ожидания	26	3	16	3	0	4	10
КПРФ	намерения	2	3	75	2	3	1	1
	ожидания	10	1	63	0	0	0	0
КРО	намерения	2	0	4	82	4	0	1
	ожидания	11	0	20	28	3	5	2
ЛДПР	намерения	5	73	5	2	0	0	0
	ожидания	11	41	10	1	0	0	0
ПСТ	намерения	12	6	9	1	52	3	4
	ожидания	30	5	17	2	0	4	1

Данные в этой таблице предлагают немало возможностей для интересных сопоставлений. Ограничимся комментариями по поводу соотношения политических симпатий и политических ожиданий этой наиболее политически определенной части народа.

Во-первых, отметим, что сторонники всех партий намерены голосовать прежде всего за лидера "своей" партии, что естественно. Но сторонники ДВР, НДР, Яблока и ПСТ, как выясняется, не верят в то, что "их" лидер станет президентом, что отличает их от сторонников КПРФ, ЛДПР, КРО. Однако избиратели ЛДПР и КРО одиноки в своих ожиданиях, а со сторонниками КПРФ согласны во многих других электоратах.

Дух политического поражения веет над многими описываемыми таблицей электоратами. Почти 60% избирателей Яблока утверждают, что намерены голосовать за Явлинского и только 10% ждут его победы. В электорате ПСТ при весьма высокой заявленной лояльности своему лидеру его избрания не ждет просто никто.

Примечательно, что в среде сторонников КПРФ готовы голосовать за Зюганова 75%, а за Ельцина 2%. Но ожидают победы первого лишь 63%, а победы второго - 10%

Кроме избирателей КПРФ других желающих голосовать за Зюганова почти нет (максимум - 9% избирателей ПСТ). Во всех некоммунистических электоратах, однако, от одной десятой до одной пятой ждут его избрания. Можно предположить, что эти люди оценивают прокоммунистическую часть избирателей как очень многочисленную и считают, что "они" проголосуют за Зюганова.

Но чью поддержку прочтут Ельцину в различных электоратах? Ведь даже в электорате НДР, то есть там, где сильнее всего намерения за него голосовать, ожидания его победы превосходят эти намерения в 1.2 раза. А в среде сторонников ДВР и Яблока превосходство ожиданий над намерениями - в три-четыре раза.

Проводившиеся нами качественные исследования позволяют дать ответ на этот вопрос. Ожидания успеха Ельцина опираются на два основания. Первое можно назвать институциональным. Люди ждут, что структуры власти, находящиеся в распоряжении действующего президента, "что-то сделают". Ожидания в этом отношении простираются от прямых заявлений о готовящихся подтасовках в пользу Ельцина до диффузной убежденности, что иного исхода власть "не допустит".

Другое основание - ощущение в самих себе неготовности рисковать переменами, терять то, что есть сегодня. Это "консерватизм сегодняшнего дня".

Его не разделяют носители "консерватизма вчерашнего дня", которые составляют большинство избирателей КПРФ.

Сторонники КПРФ: феномен электорат / народ

В выражении политической воли избирателей один ориентир представлял Зюганов, другой - Явлинский. При составлении "народного прогноза" (выражение Ю.Левады) одну тенденцию репрезентирует Ельцин, другую - опять-таки Зюганов.

Несомненно, та часть электората, у которой совпадают намерения и ожидания, находится в более благоприятном психологическом состоянии, нежели вторая его часть, желающая одного исхода выборов, но ожидающая другого. Это дает определенные преимущества сторонникам Зюганова.

В то же время, можно отметить, что, судя по рассмотренным данным, электорат Зюганова уже сформирован, а корпус сторонников Ельцина только вступил в период формирования и пока достаточно быстро растет. Тот факт, что еще быстрее растут ожидания его успеха, позволяет предположить, что происходит поменьше возвращение людей из модальности "электората" в модальность "народа". Стабильность же показателей, относящихся к сторонникам Зюганова, создает впечатление, что им менять модальность вроде бы и не надо.

То, что электорат КПРФ в наибольшей степени готов применить к себе слово "народ", подтверждается многочисленными устными и печатными выступлениями его представителей. Как показывают опросы, 78% избирателей КПРФ хотели бы вернуться в то состояние, когда слово "электорат" было неприменимо к нашим условиям, когда основу строя составляло "единство партии и народа". Однако, если им и удастся это сделать, то только выступив в роли "электората".

В свое время категория "народ" вошла в употребление в России и с тех пор послужила многим социальным силам. Сознательно или несознательно пользуясь ею, эти силы, эти социальные субъекты сотворили немало зла и добра. Такая же участь ожидает только входящую в наш обиход категорию "электорат".

А. А. Силин
УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ

Прогнозы, которыми пестрят по нарастающей накануне президентских выборов отечественные СМИ и которыми мы уже сыты по горло, исходят в подавляющем большинстве из политических резонов. В основу анализа кладутся обычно как исторические прецеденты, так и более или менее свежие обещания кандидатов в вожди. Похоже, никого не смущает, что опыт истории, усердно муссируемый экспертами, никогда не учитывается действующими политиками, а бесконечные посулы лидеров или претендентов в таковые остаются втуне или сбываются с точностью до наоборот. Всё это напоминает карточный пасьянс, который раскладывается по правилам, но сходится далеко не всегда.

Все согласны, что общественные события куда как сложны, а потому трудно предсказуемы. Но какова природа этой сложности? Здесь мнение экспертов опять-таки почти едино. Общество в своём движении находится одновременно под влиянием столь огромного числа факторов, внутренних и внешних, что охватить и учесть их просто не с руки. Зато существует якобы подспудная логическая цепь событий. Тогда, обнаружив некое ключевое звено и потянув за него, можно вытянуть всю цепь. Так учил Владимир Ленин.

Возникшая во второй половине нашего века нелинейная термодинамика [1] выявила принципиально новый механизм развития систем любой природы, включая и социальные. При сильном насыщении извне "свободной энергией" всякая такая система становится термодинамически неустойчивой. Это означает, что она созрела для перехода в одно из нескольких более сложных, но уже стабильных состояний; в какое именно - решает случай. Следовательно, поведение подобных сильно возбуждённых и неустойчивых систем непредсказуемо даже в принципе.

В общественных структурах признаками неустойчивости служат прежде всего экономический кризис и связанное с ним напрямую "брожение умов", то есть массовое недовольство существующим режимом [2]. Именно такая ситуация сложилась сегодня в России. Аналитики и обозреватели, ангажированные самыми различными общественными силами, рисуют столь же нестыкующиеся друг с другом сценарии выхода из кризиса. Для нас же здесь важно то, что судьбоносный путь, на который Россия может встать уже в этом году, непредсказуем, поскольку будет определяться не только серьёзными логическими

соображениями ведущих профессионалов, но и многими случайными и неожиданными обстоятельствами.

Важную роль, как утверждают те же аналитики, будет играть психология избирателей, и это справедливо. Но о чём же тогда толкуют психологи, получающие, иногда и не очень охотно, доступ к СМИ? Их методы, равно как и выводы, любопытны и пользуются большим успехом, поскольку призваны помочь простодушному электорату вовремя сориентироваться и вывести на чистую воду лукавых политиков. Оказывается, даже в росписи, не говоря уже о мимике и жестах, просвечивается вся подноготная очередного претендента; стоит лишь её правильно прочесть и намотать на ус. Нетрудно заметить, что психология в таком виде исходит из того же рационального портрета Личности, правда, подретушированного и скрытого за умело подобранной маской.

Куда более сложно положение с так называемой психологией масс. Лишь в первой половине нашего века великие основоположники психоанализа Зигмунд Фрейд и Карл Юнг научно доказали то, о чём давно догадывались крупнейшие мыслители различных эпох. Поступки и поведение людей не только разумны, но и *иррациональны* в своей основе. Это означает, что мотивация наших действий далеко не всегда построена на трезвом расчёте. Сплошь и рядом поведение наше, как хорошо известно, бывает эмоциональным, то есть подверженным страстям и аффектам. Оно может быть также интуитивным, то есть не связанным напрямую с какими-либо разумными доводами. Более того, мотивация поступков способна вообще миновать сознание, вылившись в действие чисто рефлекторно. И лишь задним умом мы отдаём отчёт в содеянном, поражаясь странности и нелепости собственного поведения.

Поднимаясь по ступеням социальной иерархии, иррациональное оказывается главной причиной и источником всё более масштабной ненависти и насилия, достигших апогея в двух мировых войнах XX века - самого кровавого в истории цивилизации. Налицо явно абсурдная, не имеющая разумного объяснения и нравственного оправдания ситуация, когда десятки миллионов людей, движимые массовым наваждением или психозом, истребляют и увечат друг друга, разоряя оставшихся в живых и не научив человечество ничему. В итоге остаётся лишь признать, что расхожее мнение о homo sapiens как создании изначально благом и разумном на самом деле ошибочно.

Куда с большим основанием следует полагать, что реальные люди склонны действовать не только целесообразно, создавая новую природу, но и иррационально, гоняясь за призрачными целями или не преследуя никакой цели вообще. Поэтому не будет преувеличением считать, что именно иррациональное, заключённое в самой человеческой природе, а не лживость отдельных политиков, в купе с их неспособностью и

нежеланием усвоить уроки прошлого, является тем "чёртом из табакерки", который путает все карты в политической игре.

Какова же тогда природа самого иррационального, является ли оно роковым и недоступным пониманию или может, как и всё в этом мире, быть постигнуто сознанием и поставлено им под контроль? В первом случае оно относится к предметам религиозной веры как нечто потустороннее и непостижимое умом в принципе. Во втором случае иррациональное оказывается всего лишь следствием невероятной сложности суперсистемы "Человек - окружающий мир", хорошо известной в истории философии как концепция "Микрокосм-Макрокосм" [3]. При таком подходе иррациональное может быть постепенно объятим и понятым сознанием по мере развития науки и всей цивилизации.

Юнг сделал принципиальный шаг в понимании *коллективного бессознательного* [4], рассмотрев его многообразное и особое проявление в виде сновидений и мифов. Тем самым он вступил на путь осознанного бессознательного, но осознанного причудливо и опосредованно в виде сказочных, фантазмагорических форм, напоминающих химерические образы Франсиско Гойи и Жака Калло. Речь идёт, конечно, не о бабушкиных сказках, а об особом, неосознанном восприятии мира, которое дополняет и расширяет его научную и опытно-жизненную картину. Другими словами, иррациональное, оставаясь странным и непостижимым и принимая в сознании гротескные и фантастические формы, отражает одновременно наше реальное единство с космосом.

Таким образом, подобный подход перебрасывает мост между иррациональным и разумным. Будучи не только психоаналитиком, но и практикующим врачом-психиатром с большим стажем, Юнг имел уникальную возможность обобщить свои многолетние наблюдения, связав сновидения и озарения пациентов с их характером, биографией и представлениями о мире. В итоге он открыл, что именно коллективное бессознательное, свойственное всем людям и уходящее корнями в самую природу человека, способно объяснить общность иррациональных проявлений больших масс людей.

Прежде всего это относится к нестабильным и критическим ситуациям, когда разумные доводы, взывающие прежде всего к дисциплине и порядку, порождают особую ярость перевозбуждённой толпы, настроенной на немедленное погромное действие. Но ещё более опасным, как показал исторический опыт, является длительное и устойчивое состояние подобного умопомрачения, усердно подогреваемое всякого рода пропагандой и специально распускаемыми слухами. Подобное массовое зомбирование народов целых стран привело лишь в нашем веке не только к мировым войнам и фашизму, но и чудовищному опыту построения "социализма" в одной стране, реализованному большевиками в России.

В итоге мы имеем достаточно оснований утверждать, что помимо физиологического СПИДа, этой новоявленной чумы, поразившей цивилизацию в XX веке, давно существовал, а в наше время приобрёл глобальные масштабы "СПИД" морально-психологический. Речь идёт уже о разрушении не иммунного барьера, а об ослаблении или полном устранении *нравственного порога*, отличающего человека от животного. Ликвидация подобного барьера определённо имеет иррациональную основу и осуществляется, как мы уже говорили, путём систематической обработки массового сознания с помощью довольно примитивных и мистических, по существу, национальных, религиозных и ура-патриотических лозунгов, культивирующих в первую очередь мифический образ врага.

Тем более удивительно, что иррациональное или, если угодно, мистическое начало в менталитете избирателей, давно доказанное наукой и практикой, стыдливо умалчивается и фактически игнорируется в политических обзорах и комментариях или, в лучшем случае, используется с большой оглядкой, напоминая манипуляции врача-гомеопата. Главная причина, на наш взгляд, состоит в том, что традиционный пиетет перед народом-избирателем, который якобы всегда прав, давно вышел за ура-патриотические рамки, превратившись при демократическом строе в главную интригу любой политической игры.

Сама система демократических выборов такова, что требует улавливания голосов избирателей с не меньшей выдумкой и усердием, чем улавливание душ, издревле практикуемое религиозными проповедниками. Но христианские миссионеры никогда не боялись клеймить позором человеческие слабости стада Господня, решительно настаивая на соблюдении библейских заповедей. В этом плане азартная и циничная охота за голосами, практикуемая демократическими агитаторами ещё со времён Афинской республики, аморальна уже сама по себе, поскольку построена на заигрывании перед толпой, охочей до бесплатного хлеба и зрелищ. Подобная бессовестная игра на слабостях и низменных инстинктах людей с помощью лести и лицемерия пережила тысячелетия и дошла до нас в виде той же демагогии и популизма, подорвав, по существу, само понятие "народная мудрость".

Впрочем, есть и другая причина замалчивания иррационального. Это отрывка ещё совсем недавней бравурности и бодрячества, свойственных советскому официозу. У нас, как иронически констатировал Владимир Маяковский, для любви и для боя - марши, извольте под марш к любимой шлёпать. Вот и глядели со всех плакатов и монументов атлетические молодцы и дивы, рвущиеся в светлое будущее. Копание в собственной душе выглядело на этом фоне всего лишь жалкими происками гнилой интеллигенции.

Немаловажно, наконец, что раскладывание событий по логическим полкам - единственный хлеб обширного цеха обозревателей и комментаторов. Альтернатива этому престижному занятию - мистика и шаманство, считающиеся в нашей политической элите занятием недостойным и даже неприличным. В этом смысле древнеримские предсказатели-авгуры, гадавшие за неимением в ту пору кофейной гущи по полётам и крикам птиц, пользовались куда большим весом в обществе. Впрочем, далеко не секрет, что и наши доморожденные политикатеисты совсем не прочь не только отстоять часок-другой на торжественном молебне, но и прибегнуть при случае к услугам гадалок и астрологов.

Так или иначе, фундаментальной причиной странного и непредсказуемого поведения людей служит мифологическая составляющая нашего бытия, прямо выражающая, по Юнгу, коллективное бессознательное. Вопреки представлениям классиков марксизма, мифы не являются исторически преходящим явлением, обусловленным темнотой народных масс и отмирающим по мере просвещения. Мифические построения, как показал швейцарский философ, служат естественным выражением человеческой природы, сочетающей разумное с иррациональным [4].

Это означает, что мифы вместе с разумными или, если угодно, научными представлениями органически вплетены в нашу жизнь, воздействуя соответственно на наше поведение и поступки. Человек олицетворяет собой единство не только *материальной* реальности в виде его тела, но и *идеальной* реальности, то есть его мыслей, воображения и памяти, короче, всего того, что охватывает понятие душа. Бытие наше, как ни парадоксально, включает на равных не только дело, но и слово. Поэтому, мощно влияя на это бытие, мифологическая компонента сознания оказывается столь же реальной.

Отсюда следует, что сугубо рациональная модель, на которую стихийно опираются аналитики в своих прогнозах, далеко не адекватна реальности, даже с учётом социальной психологии, если последняя строится на той же рациональной основе. В тоталитарном обществе Джорджа Орвилла, культивирующем *двойное мышление*, каждый знает, что Министерство любви есть на самом деле орган ненависти и смертоубийства, но молчит, парализованный страхом. В нашем "Королевстве кривых зеркал" страха уже почти нет, зато налицо массовое самовнушение, мистическая вера в архетип, где искажён до неузнаваемости смысл всех ключевых понятий, таких, например, как закон, налог, суд, банк, рынок и т.д., не говоря уже о такой приоритетной категории, как права граждан. Более того, все эти расхожие термины преломлены так, что имеют в итоге откровенно преступный смысл. Говоря всуе "коррупцированная власть", мы не отдаём себе отчёт, что коррупция

- это отнюдь не плохая, ослабленная власть, а полное зачёркивание государственной власти вообще, отсутствие её как таковой.

В подобной ситуации тотального абсурда иррациональное начало в человеке, и избирателе в том числе, проявляется ещё острее, принимая самые разнообразные и неожиданные формы. Известно, что способность к мышлению выражается прежде всего в *свободе воли*. Но этот коренной признак сознания впрямую сопряжён с мучительным преодолением психологического барьера, необходимым для любого волеизъявления. Здесь и страх ответственности, и боязнь "продешевить" и, главное, прямая нужда думать самому, на что способен далеко не каждый. В то же время именно собственное свободно высказанное мнение и принятое решение служат высшим выражением Личности. В столь пиковом положении многие пытаются исподволь обмануть самих себя, выискивая лазейки, позволяющие залатать трусливый и жалкий отказ от собственного Я.

На такой типичной человеческой слабости основан парадоксальный успех рекламы-подсказки. Подобный же психологический механизм срабатывает, наверное, с не меньшей силой и на выборах. Голосуя сплошь и рядом за совсем незнакомого кандидата, "кота в мешке", о котором, впрочем, известно понаслышке больше плохого, чем хорошего, избиратель, в своём подавляющем большинстве, испытывает смутное беспокойство, душевную маяту. Он жаждет чисто подсознательно спасительной подсказки...

Но любой студент знает, что шпаргалка прежде всего отнимает разум, парализует рассудок. Поэтому подспудно настроенный на подсказку избиратель готов ухватиться за любую соломинку и поверить во всё, что угодно, например, что каждый второй правитель России обязательно лысый, а следовательно... И подобный довод может сработать не хуже, чем самые убедительные аргументы высоколобых аналитиков или даже бесплатное угощение пивом. И всё же наиболее массовый механизм подсказки строится на не очень лестном, мягко говоря, уподоблении избирателя попугаю или обезьяне. Речь идёт о феномене сравнительно небольших, но многочисленных населённых пунктах, где мнение местного авторитета, послушно распущенное молвой, тиражируется на пунктах голосования автоматически, разом избавляя глубинку от психологического бремени интриг большой политики.

Другой весьма популярный феномен - голосование от противного, то есть в пик властям предрержащим. Действующий здесь принцип, что ноль больше единицы, математически безупречен. И всё же принцип иррационален в социальном смысле хотя бы потому, что *больше* здесь отнюдь не равносильно *лучше*. Риск получить взамен плохого вождя просто

никудашного или неизвестно какого представляется по здравому смыслу неоправданным. Тем не менее опыт российских выборов последних лет показывает, что такой психологический синдром всегда срабатывает с большей силой, а на предстоящих выборах считается главным козырем противников действующего президента.

Расхожая погудка вообще не участвовать в выборах объясняется, конечно, не только желанием уклониться под благовидным предлогом от неприятной процедуры. Для многих такой кукиш в кармане есть своеобразная форма протеста ненавистным властям, пусть наивная и жалкая, но зато вполне безопасная. К тому же имеется значительный контингент тех, кто не идёт на выборы просто из-за обломовщины, то есть социальной лени - одного из зловещих признаков распада общественного сознания и деградации самого общества. Подобное явление иррационально потому, что атрофирует социальный заряд как основу феномена разума.

Дабы оценить по достоинству масштабы влияния мифической реальности на избирателей, расскажем притчу. В некоем государстве с президентом, парламентом и прочими прибабасами демократии хотя и воровали по-чёрному, но зато гласность была такой, что дотопе даже и не снилась. Демократия балансировала на том, что подавляющее большинство граждан строили "пирамиды", проклинали жуликов и худели, а коты Васьки внимали и жирели. И на этом сугубо демократическом фоне появился опус на злобу дня с затейливым названием "Хроника времён царя Бориса", на который, впрочем, демократы отреагировали шутейно: литературная гипербола, господа, и ничего более. Но тут не замедлил и второй опус - мемуары, и весьма откровенные, особы, приближённой к самому... И там уже без аллегорий живописались великосветские порядки при "дворе" президента-демократа, включая и некоего "дядьку", подвизавшегося вполне в духе боярских времён, но располагающего куда большей властью...

Впрочем, перейдём сразу к морали нашей притчи. Творящееся на самом верху - вовсе не причуда и не комичный анахронизм уже потому, что ему вполне адекватно происходящее внизу. Речь идёт о прочно укоренённой, засевшей то ли в генах, то ли в печёнках россиян, вере в "хорошего царя", истового отца-благодетеля. Именно к нему обращены бесхитростные и бессмертные в своём верноподданничестве слова гоголевского Селифана. "Оно нужно посесть, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки, почему же не посесть?". Мы не обсуждаем здесь, хорошо это или плохо, достойно или нет великого народа российского. Мы утверждаем другое: подобная сложившаяся на протяжении столетий на Руси связка между верхами и низами реально существует и поныне, подтверждая в который раз старинную

мудрость, что всякий народ достоин своих правителей. Словом, каковы сами, таковы и сани.

Не считается с подобной реалией в канун выборов значит по-маниловски оторваться от действительности и совершить грубый политический просчёт. И это, возможно, лучше, глубже других и, скорее всего, интуитивно понимает сам президент. Об этом свидетельствуют хотя бы его всё более частые хождения в народ в облике законного соборного радателя, стоящего выше местных партийных дряг и способного покарать злодеев и пресечь заразу лихоимства и казнокрадства, подточившую страну. Истошно критикуя президента за откровенный популизм и явно несбыточные обещания, его сторонники и противники недооценивают мистический характер подобных явлений народу, когда харизма Правителя перевешивает своим эмоциональным зарядом логику произносимых им слов.

Когда в самый что ни на есть критический момент президент вдруг охрип и почти потерял голос, боссы СМИ, простите за выражение, едва не наложили в штаны, убоявшись, пожалуй, не столько за судьбу России, сколько за собственные трансляции. Что же касается ликующей массы, то хрипота живого во плоти и милостиво беседующего с нею накоротке Отца и Заступника смутила её не больше, чем дегенеративная челюсть фараона-еретика Эхнатона, сошедшего к своим подданным с самых небес. Таковы уж сакральные, освящённые тысячелетиями законы общения Властителя с народными массами. Кстати, с презрением отплёвываясь от мистики на словах, наши политологи и даже страдающие деланным безбожием члены Думы охотно взяли на вооружение термин *харизма*, забыв, по-видимому, о его религиозно-мистическом происхождении и смысле.

В заключение нам остаётся лишь вернуться к крылатой мысли Фёдора Тютчева, вынесенной в заголовок, и уповать на то, что народ, руководствуясь не только гражданскими призывами, но и тихим внутренним голосом собственной совести, сделает-таки *свой* выбор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пригожин И. От существующего к возникающему. - М.: Наука, 1989.
2. Силин А. Стабильна ли наша цивилизация? - Свободная мысль, 1995, N 3.
3. Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. Т.1. - М.: ИЧП "Лига", 1994.
4. Юнг К. О современных мифах. - М.: Практика, 1994.

Homo ludens:
РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ
КАК АКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЫ

Б. А. Грушин
ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ:
ЧТО МЕШАЕТ ЕЕ УСПЕХУ?
(Полемические заметки)

***От сокрушительного фиаско в декабре 93-го -
к сомнительному торжеству в декабре 95-го***

По моим наблюдениям, достопамятные итоги выборов в Думу в 1993 г. по-настоящему озадачили лишь очень немногих социологов. Большинство из них, столкнувшись с обвальным поражением Гайдара и еще более поразительной победой "жириновцев", задним числом попытались либо уверить себя и непомнящую "зла" публику, что они на самом деле "все знали заранее", но им "помешали сказать об этом вслух"; либо найти какие-то слова в защиту того, почему всеобщие ожидания и прогнозы столь постыдно не оправдались. Между тем факт остался фактом: это было сокрушительное фиаско всей отечественной и западной социальной мысли - и практической (политической, управленческой, журналистской), и теоретической (научной, социологической). Ведь тогда *ошиблись все* - как победители, так и побежденные; как правые, так и левые; как умные, так и глупые. И ошиблись принципиально. Это надо было честно признать и сделать самые серьезные выводы. Однако их, к сожалению, в форме публичных признаний, за малыми исключениями, так и не последовало.

Прошло два года. Перед новыми выборами в Думу, естественно, проводились новые многочисленные опросы населения и делались новые прогнозы. Их беглое сопоставление с объективными результатами голосования дало основание большинству самих исследователей и многим журналистам прийти к выводу: после скандала в 1993-м российская социология на этот раз себя "полностью реабилитировала". Этот тезис довольно широко муссировался на многих официальных собраниях, где рассматривались итоги выборов, и в средствах массовой информации. Однако, с моей точки зрения, подобные

оценки, мягко говоря, не очень-то соответствовали действительности. Вопреки им, ситуация вновь оказалась достаточно неблагоприятной и уж, во всяком случае, вовсе не такой, чтобы дать повод для какого-либо благодушия и тем более торжества.

Об этом вполне можно судить по сводке предвыборных публикаций ряда ведущих служб изучения общественного мнения в сопоставлении с действительными итогами голосования по партийным спискам (в % к общему числу опрошенных):

Фактич. ситуация	01а	01б	02	03а	03б	04	05	06	07	
1 КПРФ	22.3	14	28	17	17.3	28	14-17	23	29	22.9
2 ЛДПР	11.2	4	9	3	4.2	11	6-8	7.5	5	5.7
3 НДР	10.1	7	14	5	4.6	8	8-12	16	9	10.9
4 Ябл о	6.9	8	15	5	5.3	7	8-11	11.5	6	9.5
5 ЖенР	4.6	4	4.5	6	3.8	6	6-10	7	-	10.0
6 Ком- ТР	4.5	1	-	-	-	-	-	-	-	-
7 КРО	4.3	6	11	2	2.4	7	7-10	9	10	6.5
8 ПСТ	4.0	4	8	2	2.8	4.5	-	-	-	3.8
9 ДВР	3.9	4	7	2	-	4	5-6	-	5	4.8
10 АПР	3.8	2	3	3	2.2	5	-	-	-	4.4

01а - ВЦИОМ, 1 декабря (Сегодня)

01б - ВЦИОМ, дата публикации-? (данные из Общей газеты, 21-27 декабря)

02 - Фонд "Общественное мнение", 6 декабря (Коммерсант-Daily)

03а - Ин-т социологии парламентаризма (ИСП), 6 декабря (Моск.комсомол.)

03б - ИСП, 14(?) декабря (данные из Общей газеты, 21-27 декабря)

04 - Центр стратегического анализа и прогнозов, 14 декабря (Век)

05 - Служба "Валидейта", дата публикации-? (данные из Правды, 27 января)

06 - Центр исследований политической культуры, 9 декабря (Сов. Россия)

07 - Служба "Vox Populi", 9 декабря (Независимая газета)

Смотря на все эти цифры, нельзя, конечно, не заметить, что разные службы выглядят здесь по-разному: одни - несколько лучше, другие - хуже. Однако для любого непредвзятого взгляда главным здесь является все же другое - то, что *ни одна* из групп исследователей снова *не смогла получить результаты*, близкие к объективным по *всем элементам* обсуждаемой картины. Так, из семи фигурирующих в таблице центров лишь 2 (!) "угадали" истинные размеры победы КПРФ и лишь один (!), причем в самый последний момент, - успех ЛДПР; более или

менее точные результаты в отношении "Нашего дома - России" получили лишь 3 службы, "Яблока" - 2, "Женщин России" - 3, а "Коммунистов - Трудовой России" и КРО - и вовсе ни одной! В престижной передаче "Герой дня" на НТВ в качестве наиболее преуспевающего фигурировал Н.Бетанели, руководитель Института социологии парламентаризма. В передаче отмечалось, что эта служба дала предельно точную картину по поводу четырех партий из первой десятки (включая ЛДПР) и довольно точную в отношении еще двух партий. Это было справедливо. Однако при этом не были упомянуты три немаловажных обстоятельства: во-первых, что заключительный опрос проводился перед самыми выборами, когда его эвристическая ценность была минимальной; во-вторых, что предыдущие результаты ИСП, опубликованные за 10 дней до выборов, были по всем основным статьям грубо неточными; и, в-третьих, что именно в этом последнем, "похвальном", опросе замеры электоральных намерений населения в отношении двух из четырех главных партий-фаворитов - КПРФ и НДР - также существенно отклонились от фактических итогов голосования...

Словом, многочисленные высокие самооценки и оценки нашей электоральной социологии после декабря 1995 года представляются мне, вне всякого сомнения, завышенными, а действительные успехи наших поллстеров - достаточно сомнительными. Фиаско на этот раз, к счастью, не повторилось. Но, на мой взгляд, не прибавилось и уверенности в том, что социологам удалось-таки преодолеть главные трудности на пути производства точной, надежной информации о состоянии общественного мнения в стране. Отсюда - сохраняющаяся актуальность разговора о природе и характере этих трудностей, а также возможностей их преодоления.

Я знаю, многие российские исследователи общественного мнения не любят этого разговора и не поддерживают его. По разным причинам. Одни - потому, что не испытывают никакого интереса к проблемам методологии и не имеют навыков в такой работе. Другие - потому, что у них "нет времени на пустую теорию", когда "нужно заниматься делом", то бишь круглосуточно добывать и пристраивать свою информацию, зарабатывая то ли авторитет, то ли влияние на политику, то ли деньги, а то и все вместе. Третьи же - из-за своего чрезмерного самодовольства, ложного сознания, будто им и так уже "все известно" и все трудности у них позади. Тот же Н.Бетанели, к примеру, на одной из дискуссий по поводу неуспеха социологов в декабре 1993 года, в ответ на мою самокритику (связанную с результатами работы Vox Populi) горделиво бросил: "Не надо распространять собственные ошибки на остальных. Все дело в элементарном отсутствии профессионализма, и, если кто-то не умеет работать, не надо говорить, что это - общая болезнь"...

Согласен, низкий профессионализм многих наших поллстеров и даже их установки на прямую халтуру - проблема в самом деле очень серьезная. Однако есть ведь и немало профессионалов, и честных людей, которые также не смогли справиться со своими задачами ни в декабре 93-го, ни в декабре 95-го. Как же быть с ними?

Свой первый в жизни опрос общественного мнения я провел более 35 лет тому назад. 10-14 мая 1960 года. И с того самого времени, подобно легендарному мсье Фунту, который "сидел при всех режимах", я также при всех режимах проводил опросы населения - в эпохи Хрущевской оттепели и Брежневского застоя, Черненко-потемок и Андроповских откровений, Горбачевского нового мышления и Ельцинских трансформаций. В целом за моими плечами свыше 200 полевых работ и еще больше аналитических текстов. И все же, будучи человеком свободным от соответствующих комплексов и маний, я постоянно испытывал сомнения: насколько точны получаемые нами данные? Отражают ли они позиции тех реальных, "живых" людей, которые ранее составляли "советский народ", а теперь относятся к "россиянам"? И вообще, что мы все-таки изучаем, когда делаем вид, что изучаем общественное мнение?!

Эти сомнения не раз оправдывались в "прошлой жизни". Ведь из числа многочисленных отечественных и западных специалистов по советскому обществу (что бы там ни говорили!) в действительности не оказалось *ни одного*, кто смог предвидеть 1985 год и все его грандиозные последствия. После же начала перестройки, после того, как наша "застойная" стабильная жизнь кувырком полетела в тартарары, эти сомнения переросли в убеждение: во многих типах исследований, и особенно при проведении электоральных опросов, получаемые нами данные очень часто (если не чаще всего!) весьма далеки от реальной картины массового сознания и потому не подтверждаются прогнозируемым поведением людей.

Две последние избирательные кампании подтвердили это более чем убедительно. При этом они показали, что ошибочные результаты в наших предвыборных опросах - явление *постоянное и всеобщее*. А это значит, что дело тут не в непрофессионализме отдельных поллстеров и не в субъективном факторе как таковом, а в некоторых *объективных свойствах* самого изучаемого объекта и в неких объективных же *условиях*, в которых происходит его постижение. Именно благодаря тому и другому массовое сознание россиян во многих своих ипостасях, по определению, не поддается *надежным измерениям* и практически полностью исключает сколько-нибудь *однозначную интерпретацию*.

Современная Россия как terra incognita

Говоря об указанных "свойствах" и "условиях", я хотел бы остановиться прежде всего на тех из них, которые связаны с *широким социальным контекстом*, характеризующим современную Россию. И первое, о чем тут надо сказать, это наше явно слабое, **явно недостаточное знание об обществе, которое предшествовало нынешнему** и называлось советским социалистическим.

Могу предположить, что для многих этот тезис прозвучит неожиданно. Особенно в свете многочисленных разоблачений коммунистического режима в СССР, ставших возможными в пору гласности. И все же, я убежден, это так. Массированная и острейшая критика и самокритика последнего 10-летия, всю использовавшая такие определения нашей вчерашней жизни, как "гулаг", "фашизм", "тоталитаризм", на мой взгляд, осталась преимущественно на уровне публицистики и, увы, не смогла подменить собой серьезного научно-теоретического рассмотрения общества так называемого реального социализма. Более того, в пылу исторического самоотрицания (реже - покаяния), за счет множества грубых перекосов в оценках, представления об этом обществе оказались существенно фальсифицированными.

Как известно, незадолго до начала перестройки тогдашний руководитель КПСС и государства Юрий Андропов с тяжелым сердцем признал: "Мы не знаем, где очутились. Мы не знаем общества, в котором живем". И это была сущая правда. И хотя она была произнесена в момент, когда советское общество уже вовсю агонизировало, ее нельзя было отнести лишь к этому периоду. С помощью плотнейшей и всепроникающей системы мифов и лжи фантазмагорический Левиафан, именовавший себя "первым в мире государством рабочих и крестьян", сумел-таки скрыть от всего мира, не говоря уже о нем самом, свою подлинную личину и свое подлинное нутро.

Конечно, незнание о нем не абсолютное. Многие вполне хорошо описано и известно. И все же целый ряд важнейших, принципиальнейших вопросов, относящихся к жизни СССР, остается пока без ответа. Например, каковы были тогда действительные связи между властью и народом? Насколько реальны, а насколько иллюзорны были те социальные отношения, которые выражались пресловутыми идеологемами - "морально-политическое единство народа", "народ и партия - едины" или "дружба народов"? Претерпевали ли эти отношения реальное развитие, если да, то какое именно, под влиянием каких факторов? А если нет, то что же в "классическом" социализме было заложено такого, что могло бы удовлетворительно объяснить его столь сокрушительное и стремительное падение?

Разве не ясно, что верно "измерять" нынешнюю Россию и верно судить о ней, не имея достаточного знания о том, *что было до нее*, какой именно социальный и человеческий материал ей достался *в наследство*, если не вовсе невозможно, то чрезвычайно затруднительно.

Второй существенный момент - ***уникальность идущих в нынешней России процессов***, их принципиальное отличие от того, что происходило и происходит с другими странами в XX столетии. Этот пункт, по-моему убеждению, является самым важным, *пунктом № 1*. И именно он практически полностью скрыт от глаз подавляющего большинства отечественных и зарубежных наблюдателей. Хочу специально подчеркнуть: речь не о пресловутой специфике Тютчевской России, которую якобы в принципе нельзя измерить "общим аршином", а исключительно о специфике *переживаемого ею момента*: в составе вчерашней советской империи страна попала под колесо истории и оказалась в совершенно особенном, абсолютно не известном нынешнему миру историческом состоянии.

Каком именно? Это - большой разговор. Скажу лишь самое важное: речь идет не о привычном - эволюционном или революционном - преобразовании общества, при котором оно меняет свою экономику или свое политическое устройство (например, переходит от централизованной к рыночной экономике или от диктатуры к демократии), но о *коренной ломке, о полном крушении* определенного типа человеческого существования и зарождении на его развалинах некоего иного, нового, причем неизвестно, какого именно.

За последние триста лет своей истории Россия не раз уже пыталась совершить такой трансцензус - при Петре I, Александре II, Столыпине. Однако по разным причинам ей ни разу это не удалось: менялись одежды, внешние условия существования, сама же Россия оставалась прежней. Теперь речь зашла о смене как раз самого существа русского народа, его тела и души, т.е. о разрыве с извечным, длившимся веками, а не только 70 большевистских лет, рабством - физическим и духовным...

Ясно, что этот *прорыв в новую цивилизацию*, выход в другой мир, в принципиально новое измерение человеческого существования, которое называется миром свободы, - *качественно иной тип* социальных процессов нежели те, что до сих пор попадали в поле зрения современной социальной науки, политологии и социологии. Имевшая дело лишь с "нормальными", т.е. стабильными обществами, эта наука и в части своих теоретических построений (будь то концепции социальной стратификации, этнических конфликтов или отклоняющегося поведения), и тем более в части своего инструментального арсенала (включая как раз технику опросов общественного мнения) оказалась очень плохим помощником в нашем случае, когда все общество пришло во *взвешенное состояние*, когда в

нем начал вариться - с температурой намного выше 100 градусов - некий исторический бульон, не значащийся ни в одной кулинарной книге XX столетия.

Несколько лет назад мне пришлось услышать сетования профессора из Беркли: "Понять, что в России, очень трудно. Это - нечто вроде полубеременности. Но такое ведь невозможно. Организм либо беременен, либо нет, любая третья ситуация - вне нормальной логики". Между тем "третья ситуация" возможна! Именно она, на мой взгляд, реально существует в нынешней России. Просто земляне XX века впервые столкнулись с ней и, не обладая большим историческим воображением, все время пытаются втиснуть ее в свой ограниченный опыт. Сделать же это никак не удастся, поскольку "опыт других", аналогии с ними здесь не помогают, поскольку требуется принципиально *новое знание*, способное идентифицировать вещи в их собственном, уникальном историческом качестве.

Помимо прочего, это означает, что верно "измерять" сегодняшнюю Россию и верно судить о ней мы сможем лишь тогда, когда разберемся в исторической *сути происходящих* в нашем обществе изменений, поймем их *главные механизмы и направленность*.

Что мы в действительности изучаем, когда делаем вид, что изучаем общественное мнение?

Второй класс обстоятельств, существенно препятствующих успехам опросов общественного мнения в нынешней России, связан непосредственно с самими свойствами *массового сознания*, действующего в указанном уникальном контексте и принимающего или, напротив (это Nota Bene!), не принимающего форму общественного мнения, доступного или, напротив, не доступного адекватному измерению с помощью традиционных методов и техник.

Разговор об этом включает множество разных аспектов. Но главное здесь, конечно, то, что нацеленное на фиксирование общественного мнения эмпирическое исследование ***то и дело натывается на... отсутствие в "поле" самого предмета изучения***, т.е. общественного мнения, которое сложилось и существует в обществе (по обсуждаемому вопросу) *до того*, как к нему обратились со своими вопросниками исследователи.

Лет 20 назад наш блистательный философ и поэт Э.Соловьев на правах дружбы иронизировал по поводу моих первых опросов: мол, "занимался серьезно вполне / общественным мнением в безгласной стране". В этом была большая доля правды. Однако этот сакраментальный вопрос: "Существует ли в нынешней России общественное мнение, и если да, то в каких формах и границах?" остается вполне актуальным и по сию пору.

И ответ на него, как и раньше, оказывается отнюдь не однозначным.

Из теории известно, что общественное мнение представляет собой вовсе не механическую сумму высказываний, полученных в результате анкетирования (интервьюирования) п-ного количества респондентов, но *органический продукт* социальной жизни, некое *коллективное суждение*, возникающее в процессе и результате весьма сложной социальной коммуникации. Так вот, этот продукт начисто отсутствует в обществе, если в нем отсутствует *набор условий*, необходимых для возникновения такого продукта: сама сознающая себя в качестве субъекта социального поведения общественность, обильный поток свободной и доступной ей информации по предмету обсуждения, наличие у масс интереса к этой информации, их способность артикулировать свою позицию, широкая сеть безотказно действующих каналов межперсональной и межгрупповой коммуникации и т.п. А ведь это сплошь и рядом наш случай. Значит, общественное мнение у нас существует **далеко не везде**, т.е. не во всех социальных средах, и **далеко не всегда**, т.е. не по каждому заслуживающему внимания и интересующему исследователя поводу.

Будучи теоретически неискушенной основная масса наших поллстеров в прекрасном самочувствии не только не замечает этого решающего препятствия на своем пути, но даже не догадывается о его существовании. В результате препятствие остается непреодоленным и жестко мстит за себя, неизменно оборачиваясь более или менее безобидной *подменой* объективной картины вещей системой сфабрикованных в ходе исследования *артефактов*, т.е. большей или меньшей фальсификацией реального состояния массового сознания.

Описываемый сюжет приобретает еще большее значение, если учесть, что в сфере массового сознания содержится немалое число элементов, которые постоянно принимаются и выдаются за общественное мнение, хотя не являются им, относятся к более примитивным, архаическим (до и нерелективным, до и бессознательным) формам выражения мироощущений масс в сравнении с высказываниями осознающей себя и коммуникативно связанной (прошедшей через дискуссионный процесс) общественности. Таковы, в частности, разного рода неартикулированные в человеческой речи чувства боли и страха, смутной тоски и надежды, необъяснимого энтузиазма или нефокусированного гнева, направленного против всех и вся. Имея в виду подобный уровень состояния сознания народа, М.Салтыков-Щедрин говорил: эти люди сами не знают, чего хотят - то ли Конституции, то ли заливной севрюжины с хреном...

Второй по важности, на мой взгляд, аспект обсуждаемой проблемы, это - некоторые **общие специфические свойства**

массового сознания в нынешней России, которые накладывают особый отпечаток на действующее (если оно возникает) общественное мнение, принципиально затрудняя его надежное измерение и описание. Основываясь на результатах специальной исследовательской программы, реализуемой Службой Vox Populi в последние годы, я мог бы назвать в числе таких свойств следующие:

- полное *непонимание* происходящего в стране, потеря базовых ориентиров в жизни и как следствие - чрезвычайная эмоциональная возбужденность, *нестабильность* реакций и оценок, склонность к шараханьям из стороны в сторону, зависимость высказываний от множества **случайных**, в том числе **латентных**, полностью скрытых от исследователя факторов;

- беспримерная *дифференцированность* в отношении к образам и стилям жизни, в том числе этнокультурная и региональная, и как следствие - резкий *плюрализм* позиций, возникающих на нестандартных пересечениях множества социально-демографических оснований и с трудом поддающихся привычным классификациям;

- чрезмерная *усталость* от огромного количества ежедневных забот и страданий и как следствие - *утрата доверия* не только к существующей власти, но и к институтам власти как таковым, широкая распространенность общественно-политического абсентеизма, крайних форм невключенности в политический процесс, в том числе в процессы выражения (изучения) общественного мнения;

- ярко выраженная *внутренняя противоречивость* взглядов, связанная с ориентациями на многие новые ценности при сильной приверженности к большинству старых, и как следствие - беспрецедентная *мозаичность* сознания, граничащая с массовой шизофренией.

Ясно, что все эти свойства (а их перечень может быть продолжен и конкретизирован, в том числе применительно к электоральному сознанию и поведению масс) вызывают гигантские сложности в процессе измерения и интерпретации общественного мнения. Более того, они позволяют прийти к выводу о явной *неадекватности* традиционного инструментария измеряемой материи и ставят во весь рост вопрос о необходимости создания *новых методов и техник* работы.

При решении этой последней задачи, на мой взгляд, наиболее важными должны быть два направления: во-первых, дифференциальный анализ различных форм выражения массового сознания, имеющий целью обнаружение среди них собственно общественного мнения; во-вторых, преодоление языковой ограниченности масс в процессе выражения существующих мнений.

При этом важно понимать, что в первом случае речь вовсе не о "терминологических играх", а об адекватной оценке сложных феноменов сознания и выработке на этой основе эффективной стратегии изменения социальной действительности. Ведь одно дело, если перед нами - взвешенная позиция общественности, и совсем другое - если это крик или стон толпы, не говоря уже о всего лишь сфабрикованных в ходе исследования данных, за которыми нет вообще ничего либо скрывается нечто, принципиально отличное от того, за что мы его выдаем.

Во втором случае - речь о феномене "языковых ножниц" - выраженном разрыве между лексико-семантическими ресурсами, которыми располагают респонденты, с одной стороны, и аналогичными средствами, которыми пользуются исследователи, - с другой. Ясно, что эта проблема упирается прежде всего в неразвитость в обществе языка гражданской жизни, в отсутствие во многих средах общества отлаженной социальной коммуникации. Именно об этом мы читаем в бессмертном "Облаке в штанах": "улица корчится безъязыкая - ей нечем кричать и разговаривать". Однако не менее ясно и то, что многое тут зависит от исследователя, не чувствующего этой проблемы и применяющего в "поле" заведомо негодный инструмент. Убедиться в этом может каждый, когда включает в полевой документ открытые вопросы и затем - с истинным мучением и очевидными отступлениями от "правды жизни" - пытается втиснуть малопонятную речь респондентов в прокрустово ложе своих "ученых" классификаций...

И. М. Клямкин
ИДЕАЛИСТ ИЛИ ПРАГМАТИК?
(Штрихи к портрету постсоветского избирателя)

Причудливое взаимоналожение в политическом сознании сегодняшнего российского избирателя идеального и прагматического начал, стремление оценивать политическую жизнь и политических лидеров по мерке нравственного идеала при одновременной готовности примиряться с неидеальностью этой жизни и этих лидеров отмечается многими аналитиками и комментаторами. Но как сочетается такая особенность постсоветского избирателя с не менее часто отмечаемой расколотостью российского общества, подтвержденной результатами декабрьского голосования в Государственную Думу? Говоря иначе, насколько универсальна данная особенность, свойственна ли она в равной мере сторонникам Б.Ельцина и Г.Зюганова, Г.Явлинского и В.Жириновского? Если свойственна, то в чем же проявляется тогда ментальная расколотость российского общества? А если нет, то чем именно отличаются друг от друга сторонники разных политических сил и лидеров? Можно ли утверждать, скажем, что приверженцам Б.Ельцина в большей степени присущ прагматизм, а зюгановцам - идеализм (или наоборот)?

В поисках ответов на эти и некоторые другие вопросы фонд "Общественное мнение" предложил своим респондентам назвать качества, которые, по их мнению, должны быть присущи идеальному политику ("какой политик нужен сегодня России?"), и определить, в какой степени эти же качества свойственны реальным ведущим политикам, действующим на политической сцене. Опрашиваемым предстояло оценить свыше 20 качеств, подобранных нами таким образом, чтобы можно было проверить, насколько в сознании постсоветского избирателя сочетается идеально-нравственный и прагматический подход в восприятии

* Опрос проводился по общероссийской репрезентативной выборке в сентябре-декабре 1995 года, повторяясь с периодичностью раз в две недели. Учитывая, что картина количественного распределения ответов на интересующий нас вопрос в течение указанного времени практически не менялась, а также то обстоятельство, что каждый раз респонденты отвечали на вопросы одной и той же анкеты, мы объединили полученные данные в один массив, что увеличило объем выборки в 8 раз (12 с лишним тысяч респондентов).

политической реальности или, говоря иначе, насколько расчленены (или нерасчленены) нравственная и собственно политическая мотивация в оценке этой реальности, воспринимается ли она в понятиях "высшей правды и справедливости" или исходя из специфики политики как "искусства возможного". Полученные данные позволяют сделать ряд предположений о мотивах как прошедшего декабрьского, так и предстоящего июньского голосования.

Первое, что бросается в глаза, - преобладание идеально-нравственных компонентны в представлениях людей о том, какой политик нужен сегодня России: его образ они склонны описывать языком идеальных целей и идеальных средств. Первые пять мест с заметным отрывом заняли такие качества, как ответственное отношение к своим обещаниям (его назвали 73% опрошенных); авторитет человека, знающего, что и как делать для решения стоящих перед страной проблем (71%); стремление принимать государственные решения, исходя из нужд простых людей (68%); честность, порядочность в политической борьбе (66%) и умение и готовность всегда говорить народу правду (тоже 66%).

И наоборот, спрос на качества, составляющие особенности политика именно как политика, в российском обществе несопоставимо ниже. Причем, касается это не только откровенно популистских приемов, которые отвергаются почти единодушно (готовность давать любые обещания, чтобы увлечь, повести за собой людей, оказалась на последнем месте с 2% голосов). Отторгаются и любые тактические ходы, если они не соответствуют нравственному идеалу: умение поддерживать авторитет власти, уходя от обсуждения своих ошибок, готовы воспринять с пониманием лишь 4 % наших граждан, а именно умение умалчивать о трудностях, чтобы избежать напряженности в обществе, - всего 6%.

О том, что политика не вычленяется в массовом сознании как особая область деятельности, оцениваемая по своим собственным критериям, не совпадающим с нравственными, а находящимися с ними в сложной и неоднозначной взаимосвязи, свидетельствует и относительное равнодушие к таким качествам, как способность к компромиссам (30% голосов) и прямо противоположной ей непримиримости, бескомпромиссности в политической борьбе (27%), настороженность вызывает и такое качество политика, как его способность к реализации неотъемлемого права государства на легитимное насилие (готовность использовать силу, если этого требуют интересы государства, благосклонно оценил лишь один из каждых пяти опрошенных).

В мою задачу сейчас не входит выяснение того, в какой мере такое восприятие политической деятельности является реакцией на конкретные события последних лет, а в какой -

уходит корнями в традиции отечественной политической культуры, в какой степени оно ситуативно, а в какой - надконтекстно. Это - особый разговор, для которого имеющиеся у меня данные явно недостаточны. Речь идет лишь о некоторых особенностях современного массового сознания россиян, а эти особенности свойственны, как выясняется, не только некоему усредненному избирателю, но являются *общими для сторонников всех без исключения основных персонажей, действующих сегодня на российской политической сцене.*

Мы убедились в этом, сравнив иерархию качеств в сознании людей, продекларировавших свое доверие к таким разным политическим деятелям, как Е.Гайдар, Б.Ельцин, В.Жириновский, Г.Зюганов, А.Лебедь, В.Черномырдин и Г.Явлинский (большинство из них, как известно, претендуют сегодня на пост главы государства). Первая пятерка наиболее популярных качеств у всех - от гайдаровцев до зюгановцев и жириновцев - одна и та же; мало чем отличаются друг от друга сторонники разных лидеров и в том, что симпатий не вызывает. Таким образом, в своих идеальных представлениях о политике и политиках российское общество обнаруживает не столько расколотость, сколько солидарность, разные группы избирателей хотят и не хотят примерно одного и того же. Проблема же в том, что солидарность эта весьма специфическая, основанная опять-таки не столько на понимании особой природы политики, ее функций и принятых в ней правил игры, сколько на нерасчлененности в сознании представлений об идеально нравственном и прагматически-политическом.

Это вовсе не означает, что и в своих конкретных политических ориентациях и предпочтениях постсоветский избиратель руководствуется столь же идеальными мерками. Здесь-то он как раз выступает как прагматик, но прагматик опять же весьма специфический, - не столько примиряющий желаемое (идеальное) с практически возможным, сколько готовый поступиться какой-то частью желаемого ради удержания других его составляющих, которые сохраняют в его сознании свою отвлеченно-идеальную природу. Можно сказать иначе: суть этого прагматизма не в компромиссе между политикой и нравственностью при более или менее ясном представлении о невозможности их полного совпадения, а в компромиссе сугубо нравственном.

Удивительный и - в то же время - глубоко закономерный факт: сторонники всех без исключения ведущих политических лидеров на первое или второе место помещают (в идеальном портрете) такое качество, как знание, что и как делать для решения стоящих перед страной проблем. Но при этом лишь очень немногие находят это качество у того политика, которому они доверяют больше, чем другим, и за которого могут проголосовать на выборах. Как необходимое, это качество

называют свыше двух третей сторонников каждого из перечисленных выше лидеров, а как реально свойственное этим лидерам - вдвое, а то и втрое меньше. Показательно и то, что в перечне реальных достоинств "своих" лидеров оно занимает скромные места с 6-го (у зюгановцев) до 12-го (у ельцинцев и сторонников А.Лебеда). Таким образом, доверие к политикам вовсе не связано в современной России с ясным представлением о том, что они смогут реально сделать, получив власть, зато уживается с представлением о том, что "как надо" - никто сегодня не знает.

Чем же компенсируется такое несоответствие между идеальными требованиями к политику и реальными ожиданиями от него? И чем вообще тогда определяется предпочтение, отдаваемое тому или другому политическому деятелю? В ответах на эти вопросы и начинает обнаруживаться природа политического раскола российского общества. Тут-то и выясняется, что компенсаторы у сторонников разных политиков разные.

В этом отношении отчетливо выделяются три группы избирателей: во-первых, сторонники тех, кто находится сегодня у власти (т.е. Б.Ельцина и В.Черномырдина), во-вторых, сторонники политиков, причисляемых к демократическим (Е.Гайдара и Г.Явлинского), в-третьих, сторонники лидеров коммунистической и националистической оппозиции (Г.Зюганова, В.Жириновского и А.Лебеда). Рассмотрим некоторые особенности каждой из этих групп, начав с группы поддержки коммунистической и националистической оппозиции, т.к. именно в сознании ее приверженцев компенсаторы отмеченного выше несоответствия между идеальными запросами и реальными ожиданиями являются наиболее сильными и проявляются наиболее рельефно.

1. Сторонники коммунистической и националистической оппозиции

Полученные нами данные показывают, что наибольшим компенсаторным капиталом обладает сегодня Г.Зюганов, имеющий самый высокий рейтинг среди претендентов на пост президента. В числе присущих ему достоинств его сторонники называют стремление принимать решение, исходя из нужд простых людей (это качество приписывают 53% доверяющих ему респондентов), умение и готовность всегда говорить народу правду (48%), честность, порядочность в политической борьбе (41%), ответственное отношение к своим обещаниям (39%). Нетрудно заметить, что в образе Г.Зюганова, каким он предстает в сознании своих приверженцев, чисто нравственная составляющая (носитель правды, честности и порядочности) сочетается с нравственно-патерналистской (заботится о

"простых людях"), причем вторая проявляется не только более отчетливо, чем первая, но и резко выделяет сторонников Г.Зюганова среди сторонников других ведущих политиков: приверженцы Г.Явлинского, стоящего по этим показателям на втором месте, склонны наделять своего лидера качествами заботливого отца более чем в полтора раза реже (таковых среди явлинцев всего 33%).

Слабо проявлена патерналистская составляющая и в образе А.Лебеда, созданном симпатизирующими ему людьми (28%). Не столь явно, как в образе Г.Зюганова, представлена здесь и чисто нравственная компонента, но она тем не менее является доминирующей. Среди качеств, присущих отставному генералу, его сторонники называют прежде всего умение и готовность всегда говорить народу правду (42%), честность, порядочность в политической борьбе (36%) и ответственное отношение к своим обещаниям (35%). Можно предположить, что эти данные свидетельствуют о том, что А.Лебедь олицетворяет в глазах своих приверженцев моральное противостояние нынешней власти (скрывающей правду, не выполняющей обещаний и т.п.), противостояние, лишенное не только какого-либо практического содержания ("знает, что и как делать"), но и позитивного содержания в более общем, отвлеченно-патерналистском смысле (забота о "простых людях"). Дефицит такого содержания, как показывают наши данные, не компенсируется и присущей генералу *манерой* противостояния. Правда, его сторонники чаще, чем сторонники других политических сил у своих лидеров (кроме жириновцев), фиксируют и положительно оценивают такое его качество, как непримиримость, бескомпромиссность в политической борьбе. Но и эта особенность, выделяемая сравнительно небольшим числом приверженцев А.Лебеда (таковых около трети), не способствует преодолению размытости, слабой акцентированности политического образа одного из основных кандидатов в президенты и заставляет оценивать его шансы как весьма проблематичные.

Совершенно особый в своей парадоксальности образ лидера сложился в сознании жириновцев. Его своеобразие - в самом причудливом на сегодняшний день переплетении нравственного максимализма и нравственного прагматизма. Среди жириновцев - самая высокая (52%) доля людей, склонных наделять своего лидера умением и готовностью всегда говорить народу правду. Но при этом очень немногие из его сторонников склонны приписывать ему ответственное отношение к своим обещаниям (всего 21%), равно как и честность, порядочность в политической борьбе (19%). Это значит, как можно предположить, что носителем высшей правды он воспринимается только в контексте противостояния несправедливой власти, только в роли оппозиционера, обещание которого, равно как и его личная порядочность, не имеют никакого значения, т.к. и обещания, и

сомнительные политические приемы являются только средством борьбы с несправедливой властью, борьбы, в которой для жириновцев не существует моральных запретов и ограничений.

Даже своими сторонниками, похоже, лидер ЛДПР воспринимается лишь как некий противовес власти, а не как претендент на высшую власть. Во всяком случае, ни у кого мы не обнаруживаем столь разительного, как у них, разрыва между идеалом политика и реальным образом того политика, которого они предпочли среди других (один серьезный конкурент у В.Жириновского в данном отношении, правда, есть, но об этом - ниже). И дело не только в том, что они не находят в В.Жириновском почти ничего, что хотят видеть в политическом деятеле, но и в том, что находят многое из того, чего видеть не хотят. Так, среди качеств, присущих лидеру ЛДПР, жириновцы на второе место поставили склонность к риску (45%), но при этом у политика, "нужного сегодня России", такое качество среди них хотело бы видеть вдвое меньше людей (ему отводится лишь 13 место). Очевидно, в российском обществе существует сегодня определенный запрос на политическую авантюристичность, эпатажность, игровое начало, откровенную несерьезность, запрос на определенный тип и стиль оппозиционности, который не просто противостоял бы несправедливости власти, но и являлся бы своего рода увеличительным стеклом и зеркалом неопределенности перспектив, дефицита созидательности и все шире распространяющегося этического релятивизма при сохраняющейся в массовом сознании нерасчлененности политики и нравственности и его предрасположенностью оценивать первую, руководствуясь идеальными (абсолютными) моральными императивами.

2. Сторонники демократов

Прежде всего обращает на себя внимание заметно большая размытость образов политиков-демократов по сравнению с тем, что мы наблюдали в отношении к своим лидерам у сторонников коммунистической и националистической оппозиции. Судя по всему, первым гораздо труднее, чем вторым, компенсировать несоответствие между идеальными требованиями к политику и представлением о его реальных возможностях. Сторонников демократических лидеров можно назвать разочарованными идеалистами, а разочарование уже само по себе затрудняет идеализацию этих лидеров и их политических ресурсов (приверженцы коммунистов и националистов испытывают заметно меньше таких трудностей, т.к. те никакой политической и даже моральной ответственности за нынешнюю политику не несут, и потому им легче опираться на сохраняющиеся в массовом сознании элементы утопизма). Очевидно, перед нами особая разновидность прагматиков, чей конкретный политический выбор определяется представлением

об определенной политической перспективе, определенном векторе исторического развития, который им представляется единственно правильным, но как спроецировать его на нынешнюю реальность, они не знают, политиков, способных это сделать, не видят, но по инерции продолжают ориентироваться на тех, с чьими именами связывают как саму эту перспективу, так и возможность противостояния тем, кто олицетворяет перспективу принципиально иную.

Правда, гайдаровцы и явлинцы несколько чаще, чем сторонники других политиков, наделяют своих лидеров знанием того, "что и как делать" (32% - среди гайдаровцев и 30% - среди явлинцев), имея, очевидно, в виду профессиональные качества Е.Гайдара и Г.Явлинского как экономистов. Но эти отличия слишком незначительны, чтобы на их основании можно было делать какие-то выводы. Что касается таких компенсаторов вакуума конкретных ожиданий, как упования на патерналистскую заботу о "простых людях" или этическое противостояние несправедливой власти, то сторонники демократов обнаруживают у своих лидеров соответствующие качества заметно реже, чем сторонники коммунистов и националистов у своих.

Это не значит, что этическая компонента в оценках Е.Гайдара и Г.Явлинского их сторонниками приглушена или отсутствует вообще. Нет, она доминирует и в их сознании, но ее доминирование не столь очевидно и выразительно, как мы наблюдали это в группах поддержки коммунистов и националистов, а не столь очевидно и выразительно оно, надо полагать, потому, что этический идеализм данной группы избирателей принадлежит прошлому, эпохе противостояния коммунистической системе, он успел столкнуться и не выдержать столкновения с невыполненными обещаниями и прочей реформаторской прозой. Сохраняясь в виде требования к политикам вообще, он не находит точек соприкосновения с образами реальных политиков-демократов, но не с их персональными, а с их объективными политическими возможностями. Что же касается личностных качеств (не как политиков, а просто как людей), то эти качества сторонники демократов склонны как раз выделять в своих лидерах в первую очередь, возводя персональные особенности в ранг основных, позволяющих противостоять инерционности и неподатливости социальной материи и служащих главным свидетельством перспективности и нравственной оправданности представляемой демократами политической линии.

И гайдаровцы, и явлинцы среди сторонников других лидеров выделяются тем, что в ряду качеств, отличающих этих лидеров, на первое место поставили честность, порядочность в политической борьбе (41% - сторонников Г.Явлинского и 40% - сторонников Е.Гайдара). Личная нравственность против безнравственности исторических обстоятельств - такова

преобладающая в этой среде ориентация, на свой лад сочетающая идеализм с прагматизмом. Сочетание, прямо скажем, не очень устойчивое: "порядочный человек", выглядящий неспособным противостоять обстоятельствам, - слишком слабая точка опоры для тех, кто ищет альтернативу как идеализму, так и прагматизму коммунистического и националистического толка. Не исключено поэтому, что прагматическая компонента в сознании сторонников демократов будет по мере приближения президентских выборов усиливаться, а это усиление будет толкать их к выбору между Г.Зюгановым и Б.Ельциным как к выбору меньшего зла.

Это относится не только к избирателям Е.Гайдара, но и к избирателям Г.Явлинского. Да, явлинцы заметно отличаются от гайдаровцев своим отношением к нынешнему президенту: среди первых почти в два раза меньше, чем среди вторых, сторонников Б.Ельцина и в полтора раза больше противников. Но этот раскол в рядах сторонников демократов по линии "власть-антивласть" является лишь бледной тенью аналогичного раскола между сторонниками власти и некоммунистической оппозиции. Поэтому образ Г.Явлинского, несмотря на его жесткую оппозиционность, даже в глазах его приверженцев столь же размыт, как и образ Е.Гайдара в глазах гайдаровцев: лидер "Яблока" воспринимается как оппозиционер, но оппозиционер без ясной и понятной позитивной альтернативы - не только в практическом смысле ("знает, что и как делать"), но и в символическом, идеально-нравственном. Уже одно то, что он, как и Е.Гайдар, воспринимается прежде всего как "порядочный человек", достаточно симптоматично: в нем видят индивидуальное, интеллигентски-диссидентское нравственное противостояние безнравственной системе, но не видят носителя альтернативы этой системе, альтернативы нынешним взаимоотношениям власти и общества. Поэтому Г.Зюганова, сумевшего стать олицетворением патерналистской заботы о "простых людях", его противостояние власти делает в глазах приверженцев реальной политической альтернативой и реальным претендентом на власть, а сторонники Г.Явлинского более чем смутно представляют его себе в роли первого лица государства. Показательно и то, что явлинцы, при всем своем неприятии нынешней власти, очень мало обеспокоены тем, что главой государства может стать человек, в прошлом и настоящем с властью не связанный и к ее ошибкам не причастный: в списке качеств идеального политика этот критерий у них находится на 11 месте, а в списке качеств, свойственных лично Г.Явлинскому, - на 9 (соответственно 39 и 23%). Это - лишнее подтверждение того, что на президентских выборах многие из них будут руководствоваться принципом "меньшего зла", а не принципом "антивласть лучше власти".

3. *Сторонники власти*

Учитывая, что В.Черномырдин не выставляет свою кандидатуру для участия в президентских выборах, я не буду подробно рассматривать особенности его образа, сложившегося в представлениях его сторонников. Отмечу лишь, что во многом он похож на образ демократических лидеров, каким он видится симпатизирующим им людям, а чем-то ближе к образу нынешнего президента, сложившегося в сознании его приверженцев.

Определить главную особенность восприятия ельцинцами своего лидера можно очень коротко: *предельное несоответствие идеалу*. Лишь один из каждых четырех-пяти его сторонников склонен приписывать ему ответственное отношение к своим обещаниям (15 место в списке присущих ему качеств), авторитет человека, знающего, что и как делать для решения стоящих перед страной проблем (12 место), стремление принимать государственные решения, исходя из нужд простых людей (10 место), честность, порядочность в политической борьбе (13 место), умение и готовность всегда говорить народу правду (9 место), открыто признавать свои ошибки, даже жертвуя своим авторитетом (8 место). Более того, качества, свойственные Б.Ельцину, по мнению его сторонников, в наибольшей степени, - склонность к использованию силовых методов (47%, 1 место), настойчивость в проведении своей политики, даже вопреки недовольству многих (35%, 3 место), сами по себе симпатий не вызывают: присущими идеальному политику их хотело бы видеть среди ельцинцев вдвое меньше людей (соответственно 14 и 18 места). По отношению к своему лидеру сторонники нынешнего президента сопоставимы только с жириновцами, причем вторые видят в В.Жириновском даже больше достоинств, чем первые - у Б.Ельцина.

Но у нынешнего президента в глазах его сторонников есть одно преимущество, которое гораздо реже находят в других лидерах отдающие им предпочтение люди. Это преимущество - опыт государственной, политической деятельности. Данное качество у Б.Ельцина выделяют 46% его приверженцев (2 место). Интересно, что идеального политика этим качеством наделяют лишь немногим больше ельцинцев - 56%, но отводят ему гораздо более скромное 8 место.

Приведенные данные позволяют лучше понять, почему они делают ставку именно на него: пусть он обладает и не самым важным в их представлении достоинством, но обладает им, по их мнению, он один, потому что под опытом государственной деятельности они, как можно предположить, имеют в виду опыт деятельности в роли первого должностного лица страны. В пользу такого предложения говорит хотя бы то, что у других ведущих политиков это качество выделяет

значительно меньший процент их сторонников и придают ему несравнимо меньшее значение: у идущих на втором месте гайдаровцев таковых 33% (8 место), а у идущих вслед за гайдаровцами черномырдинцев всего 26% (тоже 8 место). Самое же, быть может, существенное заключается в том, что и многие из поддерживающих других лидеров не могут не признать за Б.Ельциным это преимущество: его признает каждый пятый зюгановец и жириновец, каждый четвертый сторонник А.Лебеда, почти каждый третий сторонник В.Черномырдина и Г.Явлинского, а среди гайдаровцев таковых почти 40%.

Опыт деятельности в роли первого лица, опыт реального управления страной в такое время, в какое ей никто другой не управлял, - это единственное, что есть у Б.Ельцина. Но т.к. он единственный, у кого это есть, то он, даже будучи в глазах избирателей (даже его собственных) самой далекой от идеала политической фигурой, сохраняет серьезные шансы на успех 16 июня и на прохождение во второй тур президентских выборов. Потому что в условиях, когда ни один из политиков не выглядит знающим, "что и как делать", или, говоря иначе, не выглядит лидером харизматического толка (в данном отношении и В.Жириновский лишь карикатура на харизматика), многие предпочтут "не знающего, что и как", но худо-бедно управляющего страной, любому другому, который не только не знает, но и не пробовал.

Постсоветский избиратель живет в обществе, которое не является и не ощущает себя гражданским. Поэтому он, даже получив право выбирать власть, чувствует себя зависимым прежде всего от нее же, от власти. И как любой зависимый человек, он хочет, чтобы тот, от кого он зависит, обладал всеми возможными добродетелями и совершенствами, которых сам он лишен. Отсюда - отмеченный выше идеализм нынешнего российского избирателя, его склонность к размыванию границ между политикой и нравственностью.

Но если общество не стало гражданским, то это, помимо прочего, означает и то, что в нем самом никто не знает, "что и как делать". Вместе с тем у нынешнего российского общества есть опыт свободы (пусть и недолгий) и опыт разочарований в том, что кто-то может сделать за него то, к чему оно само не готово. Поэтому его предельный идеализм сочетается со столь же предельным прагматизмом. Раз уж идеала оно не находит, то, получив в свои руки такое оружие, как избирательный бюллетень, предпочтет скорее всего не играть с судьбой в кости, не искать что-то принципиально новое и неиспробованное, а выберет, коль уж ему предоставлено право выбора, что-то привычное и апробированное.

Российское общество будет выбирать в июне не между зюгановским "коммунизмом" и ельцинским "антикоммунизмом". И даже не между зюгановской заботой о "простых людях" и

ельцинским "опытом", не между "властью" и "анти властью". Потому что сам выбор между заботой о "простых людях" и "опытом", между "властью" и "анти властью" - это всего лишь выбор *между обновленным старым и новым привычным*. Привычка (рудимент традиционной легитимности, своеобразно сочетающейся с современной демократической, если пользоваться известным разграничением М.Вебера) - это и есть главный компенсатор дефицита конкретных ожиданий при чрезвычайно высоких требованиях к достоинствам политических лидеров. Все другие компенсаторы или гораздо слабее, или не работают вообще.

М. В. Масарский

ГОСУДАРСТВУ СТОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО НАРОДУ

Избиратели и народ

С точки зрения обыденного сознания тут нет проблемы: избиратели - это и есть народ. Да, временами они равны, но никогда не тождественны.

Уточним исходные понятия. Электорат - это арифметическая совокупность всех взрослых правоспособных граждан страны. Но гражданская правоспособность не всегда сопровождается политической дееспособностью. В результате - руками демократов устанавливается антидемократический строй. Все диктаторы охотно использовали "демократические" процедуры - "народный плеск иль ярый вопль". Цезарь, Наполеон, Гитлер... В истории не зафиксировано ни одного превращения авторитарного режима в тоталитарный. Последний всегда рождается из недр демократического. Либеральная демократия содержит в себе механизм своего легального саморазрушения - всеобщие выборы.

"Народ" - категория не статистическая, не демографическая и даже не политическая. Это универсалия, то есть базовая категория философии права, существующая только в паре с другой - "Государством". Нет Народа вне Государства. Граждане, государственным образом организованные, и есть народ. Его инструментальное выражение - избиратель. Уничтожив политические скрепы между собой, граждане превращаются в толпу.

С правовой точки зрения безразлично, сколько было борщиков Бориса Годунова. И сколько - восставших, свергнувших его законного наследника. Последних, скорее всего, было намного больше, учитывая политические приемы той эпохи. В пушкинской драме они выглядят так: на лобном месте мужик, надсаживаясь, орет "Народ, народ, в Кремль, в Царские палаты, вязать, топить Борисова щенка!". Толпа именуется народом. Художественный образ не ограничен требованиями политологической строгости, точности научной терминологии.

Любое общественное движение, самое массовое, в котором участвуют миллионы человек, - манифестация, политическая стачка, забастовка, митинг, шествие, сбор подписей - не имеет юридических последствий. Их порождает властно регулируемое, формализованное гражданское волеизъявление, пусть даже с меньшим количеством участников.

Не вся публичная власть рождается народом-сувереном. Только наивысшая: царь, президент, парламент. Они должны иметь трансцендентный источник своей легитимности. Это: Бог, народный выбор, древний обычай наследования.

Политическая практика развитых стран выработала четкие условия, при которых народное волеизъявление обретает правовые последствия. Первое - оно осуществляется через голосование правоспособных и дееспособных граждан (граждане могут быть недееспособны, например, в плену, под угрозой оружия и т.п.). Второе - выборы организованы процедурным образом, процедура общеизвестна и наступает с предсказуемой регулярностью. Третье - выборы организует не сам избиратель, не самочинные, самопровозглашенные группы граждан (комитеты бдительности, контроля, народного доверия), а государственные органы, созданные именно для этой цели - избирательные комиссии, их может назначить президент, суд, правительство, парламент. Но - не общественные организации. Четвертое - результаты голосования документально фиксируются. Самое главное - народный выбор оформляется юридически непротиворечивым образом и регистрируется в качестве писаного закона. Процедурность - ключевое слово для права и для правового государства. Право, можно сказать, это и есть совокупность формальных процедур.

Демократия, социальность, государство

Вспомним сентябрь-октябрь 1993 года. В Конституции РСФСР содержатся взаимоисключающие нормы. Например: народовластие и всевластие Советов, разделение властей и их соединение в Советах.

Создалась тупиковая ситуация, именуемая правовой коллизией. Выйти из нее юридическим способом не удалось. В Конституции РСФСР "рядовые" нормы и базовые принципы были не взаимосвязаны, а рядоположены, т.е. механически соединены рамками текста, а не логики права. Из нее же следует: в условиях коллизии норм предпочтение отдается высшей.

При некоторых условиях исполнительная власть вправе ограничить народный суверенитет. Недавно, например, президент Перу, преодолевая политический кризис страны, распустил парламент, назначил новые президентские выборы и триумфально победил. Президент Алжира (его поддержала армия) не признал результаты парламентских выборов: к власти шли исламские фундаменталисты, отвергающие само светское государство, по законам которого они были избраны. Народ его поддержал. Антигосударственные партии часто пользуются в своих целях политическими возможностями формальной демократии.

Вернемся к понятию дееспособности граждан. В истории бывало не раз, когда форс-мажорные обстоятельства ограничивали ее. Например - стихийные бедствия, массовые беспорядки, эпизоотии, эпидемии, военное положение. В этих случаях исполнительной власти Римской республики сенатом

вручался "империум", приостанавливающий все общегражданские процедуры, в частности, выборы. Ограничивался народный суверенитет на время, пока "консулы озаботятся благом республики".

Демократия является общецивилизационной ценностью. Ценность более высокого порядка - социальность. Гарант социальности - государственность. Если она колеблется, то наступает хаос: о каком обществе может идти речь в условиях войны всех против всех?! Дилемма для демократии выглядит так: либо порядок, либо смута.

Избиратели могут исказить державную волю народа-суверена. Народ державен, но не самодержавен, он подчиняется праву в не меньшей степени, чем государство. Население способно уничтожить демократию. Например - ее современную западноевропейскую модель, уважающую основные права и свободы человека, данные не государством, не народом, не обществом. Принадлежащие человеку от рождения, "от бога", как принято говорить. Принципы современного гражданского общества и современного правового государства существуют только в паре: не бывает гражданского общества без правового государства. И - наоборот.

Обратимся к истории. Когда рушится вертикаль исполнительной власти, увенчанная королем, пресекается династия, то западноевропейские государства выходят из этого кризиса без социальных потрясений. Сказывается их корпоративно-договорная природа. Корпорации "город", "церковь", "феодальный замок" и крестьянская "община" не раз договаривались между собой и избирали новую династию. Франция, например, мирно сменила много династий. В Западной Европе не происходило того, что неизбежно случалось в России, когда возникал вакуум исполнительной власти. Столетиями была она единственной несущей конструкцией российской государственности. Представительные учреждения начала XX века повели себя антигосударственно. Первая и вторая Государственная Дума провозгласили: "Власть исполнительная да покорится власти законодательной". Главе государства пришлось распустить парламент и назначить новые выборы.

Это же сделал и Ельцин в сентябре-октябре 1993 года. Проанализируем тогдашнюю правовую ситуацию. Сначала нарушается принцип народовластия. Граждане собрали миллион подписей за проведение референдума о земле. Верховный Совет отказывает народу в этом праве непосредственной демократии. Затем Президент побеждает на апрельском референдуме. Парламент игнорирует результаты его, имеющие, по Конституции, силу закона прямого действия. Решением народа Ельцин получил императивный мандат на продолжение реформ. Конституционный суд мог разрешить конфликт между

исполнительной и законодательной властями. Но суд политизировался и занял одностороннюю позицию.

Возникла "правовая коллизия", вынуждающая главу государства делать выбор между конфликтующими нормами. Президентский указ N 1400 вывел страну из заколдованного круга, но оставил власть в пределах правового пространства. Когда самоустранился Конституционный суд, именно Президент исполнил императивное "пусть консулы озаботятся благом республики". Обществу угрожала гражданская война, что и подтвердили события 3-4 октября, когда коммунисты предприняли попытку силового захвата власти. Президенту не просто было решиться на применение рычагов силового принуждения. Он мог уступить призывам миротворцев. То есть - совершить ошибку Керенского.

Вакуум исполнительной власти возникал и в октябре 1917 года. Несколько месяцев не хватило Временному правительству до открытия Учредительного собрания. Необходимо было просто удержать порядок, не предвешая формы государственного устройства, но решительно подавляя политический экстремизм. Говорят: "у Керенского не было сил". Это неправда: силы есть всегда. Такого не бывало в истории, чтобы в распоряжении исполнительной власти не оказалось необходимого минимума дисциплинированных вооруженных людей. Сказался дефицит политической воли. Паралитики власти не справились с эпилептиками революции.

Кто легитимнее?

Нередко общество сталкивается с властью. В "Борисе Годунове" мы читаем: "Димитрия ты помнишь торжество и мирные его завоеванья, когда везде без выстрела ему послушные сдавались города, а воевод упрямых чернь вязала". И далее: "Сильны мы, брат, не польскою помощью, поляки только хвастают и пьют, а мнением, да, мнением народным".

Народное мнение? Рейтинг Ельцина ниже рейтинга Зюганова, отсюда - прогнозы их электоральных успехов. На данные опросов ориентируется нижегородский губернатор Немцов, предвещая победу КПРФ. На них основаны иллюзии самовосприятия Явлинского. В России гадания сбываются чаще, чем политические прогнозы. Общество не структурировано, немногочисленны социальные группы с устойчивыми интересами и предсказуемым поведением. На поверхности политической жизни протуберанцы, флуктуации, завихрения. Случайные люди попадают в фокус общественного внимания и массовых симпатий.

В России легко завоевываются народные симпатии. Теряются еще легче. Следовательно: "Безумны мы, когда народный плеск или ярый вопль тревожат сердце наше"? Ответ,

с точки зрения политического прагматика, очевиден. Не безумны. Надо учитывать "народный плеск" и "ярый вопль". Но долгосрочную государственную политику "на мнениях" не выстроишь. Либо - надо забыть о глубинных реформах. Ибо они редко бывают популярными. Основная масса населения болезненно ощущает их на себе. Прогрессивные преобразования имеют немалую социальную цену.

Слабая власть реформ осуществить не может. Сильная - не хочет. Этот порочный круг разорвал П.А.Столыпин. Он решил разрушить краеугольный камень, на котором основывался традиционный российский порядок - крестьянскую общину. Опираясь на авторитет и силу исполнительной власти, экономически активные крестьяне вырвались из-под нивелирующей опеки деревенского "мира" с его философией завистливого равенства.

И в истории современной России мы знаем десятки президентских указов, мощно двинувших реформы. Указ в переходный период - инструментальное выражение закона. В Западной Европе до 90% всех законопроектов инициирует исполнительная власть. Там утверждается технократия. Нормотворческие решения готовятся и принимаются квалифицированно. Сейчас и в нашей Конституции установлено, что никакой закон, который затрагивает экономику, без предварительного одобрения правительства не может быть принят. Например, бюджет - его разрабатывает правительство, а не парламент. Нельзя выносить на референдум вопросы экономической политики, налогообложения. Представим себе референдум на тему: "Какую зарплату платить? Сто тысяч или один миллиард рублей?". Большинство проголосует за миллиард, устроив экономическую катастрофу.

Большевики, марксисты-ленинцы, активно использовали популистские лозунги, адресуясь к "народным массам". В самом слове "масса" содержится признак юридической нестрогости. Понятие Народ отчетливее, если его не идеологизировать. Но политическая операциональность данного понятия невелика. Не каждый день взрослое население в своей избирательной ипостаси становится народом. "Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...". Поэт - тоже не всегда на уровне своего дара: частной жизнью увлечен, в картишки поигрывает, жене изменяет, в ломбард женину шаль несет... Народ державен в табельные дни: референдум, всеобщие выборы. В представительной демократии регулярны, но не часты случаи, когда суверен призывается "к священной жертве", к алтарю Отечества. Именем Бога нельзя клясться всуе. Именем Народа нельзя пользоваться инструментально.

А тоталитарные партии клянутся "народом" каждодневно, ежечасно. Манипулируя "народной массой", используя социально-психологический закон генерализации отрицательных

эмоций, легко расшатывать исполнительную власть. Именно ее: в истории крайне редки выступления против парламента, верховного суда. Бунт всегда направлен против власти, наделенной рычагами силового принуждения. Типична картина массовых волнений: присутственные места осаждены толпой, пришедшей туда не с бюллетенями, а с "булыжником - оружием пролетариата".

В советские времена у нас не было выборов. Их заменяло прекрасно организованное голосование. Стопроцентное "за" имитировало массовый пароксизм демократической страсти к правящей партии. Выборы - это состязательный процесс. Как в суде. Казалось бы, зачем судья выслушивает стороны, свидетелей, экспертов, когда и так все ясно?! Зачем устраивает прения сторон?

На подлинных выборах - при формальном равенстве кандидатов - их программы излагаются, испытываются на разрыв и сжатие, обкатываются на теледебатах, на митингах, в диалогах, от каковых идеологические, тоталитарные партии всегда уклоняются. Тоталитаризм монополичен.

А что будет, если во втором туре президентских выборов мы окажемся перед выбором между ужасным и чудовищным, между коммунистическим и нацистским кандидатами? История испробовала на десятках миллионов жертв оба этих варианта. Никто не сомневается в том, что такое коммунисты и национал-социалисты. Почему еще раз нам предлагается делать исторический выбор?

16 июня Россия пройдет точку исторической бифуркации, то есть состояние общества и государства, когда последствия несравнимо масштабнее, чем сама причина. Легкий толчок, чуть-чуть нажми - и рухнет все. Раскрутить процесс в обратную сторону уже нельзя. Эта нелинейная зависимость между причиной и следствием включается выборами Президента.

Сколько лет историческому организму - российскому государству? Столько, сколько народу. И когда недееспособные избиратели, голосующие "назло", убивают исторический организм, он оказывает естественное сопротивление.

Государство можно уничтожить только с помощью его самого. Оно технологично и по скорости системной реакции превосходит общество. Следовательно - может свою функцию по наведению порядка осуществить мгновенно. Потому и внесистемные партии стремятся внедриться в центр, принимающий решение, в управляющую структуру. Только так можно овладеть рабочими подсистемами.

Уроки Иона Тихого

У Станислава Лема в "Звездных дневниках капитана Иона Тихого" есть описание планеты, на которой живут

страшные звери с непробиваемой броней. Биологический аналог современного государства. На чудовище (Гоббс назвал бы его Левиафаном) охотились "изнутри". Намазывались вызывающей звериный аппетит, демократически пахнущей смесью, и "Левиафан" проглатывал охотника. А тот наносил смертельные удары в незащищенные внутренние органы чудовища.

Как в этом случае должна поступать исполнительная власть? Она имеет историческую ответственность, не меньшую, чем избиратели. Власть не участвует в выборах и в предвыборной кампании, она организует их. Обеспечивает адекватность народного волеизъявления.

Почему власть берет на себя эти функции? Кто дал ей это право? Ее прошлое состояние - то, что она публичная. Она - власть уже состоявшаяся. Поэтому уходящий президент, например в США, продолжает выполнять свои обязанности несколько месяцев после выборов до инаугурации. Он передает преемнику властные рычаги не беспорядочно, а процедурно. Смены строя не происходит. Власть руководствуется принципом технологической преемственности. Когда же побеждают тоталитарные партии, они меняют не только управляющий персонал. Но - государственные институты, учреждения, социально-экономический строй, элиты, посягая на основы общества.

Органы исполнительной власти должны обеспечить нереволуционность ее передачи. Но если в программе коммунистической партии записано, что она выступает за восстановление СССР, за отмену Беловежских соглашений, за денонсирование международных договоров, за отказ от выплаты внешней и внутренней задолженности, если она объявляет, что будет колебать основы и государственности, и социальности, Президент как гарант Конституции обязан этому воспротивиться и взять тайм-аут: "пока консулы озаботятся благом республики".

Существуют разные формы избирательной активности: автономная и мобилизованная. В структурированных обществах мобилизовывать избирателей не надо, достаточно артикулировать их интересы. Этим занимаются партии, предвыборные комитеты. Как правило, работы тут немного, потому что люди осознают свои долгосрочные интересы. Известно, каким языком разговаривать с этническим меньшинством, каким - с патронатом, с профсоюзами, с женскими союзами, молодежными, спортивными организациями, церковью. При организации по принципу "мобилизованного участия" происходит политическая аккумуляция интересов людей, принадлежащих к разным социальным группам. Оппозиция стремится объединять избирателей "против Ельцина", "против войны в Чечне", "против грабительской приватизации Чубайса". Социально-психологическая идентификация "не мы" рождается раньше, чем "мы". Основания для нее возникают по негативному принципу: группа "мы" противопоставляется группе "не мы". По отношению к

власти это делать легко, потому что она наглядна. Опросы населения показывают: люди чаще пользуются словом "мы", когда характеризуют невластных людей. Власть всегда "они".

Такое неинструментальное отношение к власти - либо мистическое обожание, либо ненависть - в традициях России. И поэтому мобилизация политической активности у нас обычно происходит в конфликтной форме. Тоталитарные партии всегда стремятся обозначить противника. Легче всего его найти в лице исполнительной власти.

Конечно, людей одушевляют и страх, и надежда. Но механизм надежды трудно включить: у каждого свое представление о хорошем будущем. У одного будущее - это колбаса за два двадцать и дешевая водка, у другого - его собственное дело, у третьего - возможность личного самовыражения. А страх включить легко. Особенно, если эта эмоция отражает реальную опасность, например - коммунистического реванша.

Российская власть не спешит включать этот механизм политической мобилизации, упускает много средств, которые могли бы освежить массовую историческую память. Упустила, например, возможность уголовного наказания организаторов двух путчей, устроивших кровавую вакханалию, упустила суд над преступной партией, идеологией КПСС, допустила воссоздание коммунистической партии и фактически снабдила ее материальными, организационно-правовыми ресурсами.

Парламентские партии органически входят в политическую систему, они - ее неотъемлемая часть. "Авангардные" идеологические, тоталитарные партии по определению антигосударственны, внесистемны.

Системность и несистемность партии - вот оценочный критерий, которым должен руководствоваться граждански ответственный избиратель, делающий осознанный политический выбор.

А. В. Рубцов
“ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА”
или как избирателю победить на выборах

Наше общество обрело свободу едва ли не в одночасье. Такими же темпами на него свалились все институты и процедуры демократии. Прежде всего - система выборов. Переход оказался крайне сложным. В такой же мере, в какой процедура "голосования" отличается от процедуры выборов, - в полном и подлинном смысле этого слова.

Голосовать мы умеем. Вопрос в том, умеем ли мы делать выбор - информированный, осмысленный и ответственный.

Более того, в ситуации неустоявшейся демократии выбор сплошь и рядом осуществляется не как выбор курса, вектора корректировок текущей политики, а как *выбор режима, общественно-политического и социально-экономического порядка*. В таких ситуациях возможны многократно описанные эффекты "самоубийства демократии" - посредством демократических же процедур.

Практика "демократического суицида"

Проблема эта не так проста, как кажется. В биоэтике всерьез обсуждается вопрос о праве человека на добровольный уход из жизни, - в случае, если он, положим, обречен и таким образом может избежать предсмертных страданий. (При этом надо понимать, что в обсуждаемом сюжете самоубийство совершает *сама демократия*, - в той мере, в какой она допускает антидемократическую смену режима посредством *именно и только* процедур *сугубо демократического характера*.)

Иными словами, имеет ли право народ, попробовав жизни в условиях "демократии", "свободной экономики" и т.п. и разочаровавшись в них, использовать блага демократии, чтобы сделать иной - недемократический, нерыночный - выбор? Даже если ему очень плохо.

Здесь можно предложить, как минимум, три основные группы аргументов.

Во-первых, в какой момент и на каком основании делается этот выбор? За подлинное лицо демократии и рынка легко принять то достаточно странное переходное состояние, когда старое, мучительно умирая, цепляется за все новое и страшно, порой неузнаваемо, его деформирует. Это очень болезненный

процесс, - своего рода агония, усугубленная неправильными родовыми схватками. И в этот момент человек должен принять решение, нравится ему такая "жизнь" или нет *в принципе!* Тем более, когда все "хорошее", появившееся с реформами, кажется естественным и бывшим от века, а все "плохое", от которого только-только освободились, уже забыто и воспринимается как нечто нереальное, непомерно экзотическое, к нам самим не имеющее и не могущее иметь никакого отношения - не только в будущем, но и в прошлом.

В наших условиях это тем более важно, что так называемая реформа на восемьдесят процентов представляет собой сдерживание обвала, полусудорожные действия по предотвращению периодически возникающих на пороге катастроф.

Здесь, естественно, возникает идея ограничения демократических свобод на период болезненного реформирования общества и экономики, на период становления подлинной и устойчивой демократии (что в политической истории осуществлялось сплошь и рядом и самыми разными средствами). Для этого надо с самого начала понимать (и уметь объяснить другим), что переход в демократию и рынок не будет благостным, а скорее - похожим на жизненно необходимую операцию без наркоза, когда больного на всякий случай привязывают к столу.

Но для этого надо, чтобы прежний режим потерпел абсолютный крах и прошел все его стадии, вплоть до самой последней, - такой, чтобы людей не приходилось заманивать в демократию и рынок пряниками, чтобы они сами уговаривали хирурга взяться за рискованную - и для клиента, и для него самого - операцию.

Для этого надо также создать такой силы полицейскую систему, чтобы никто из команды, делающей операцию, не лазил по карманам привязанного пациента. В противном случае - в один миг рушатся идеология и моралитет "жесткого переходного периода".

Для этого надо также иметь возможность осуществлять умеренный контроль над средствами массовой информации, с тем чтобы хотя бы сдерживать всю жизнь подавлявшихся и прогибавшихся журналистов, имеющих склонность на ранних стадиях свободы срывать с цепи, мстить власти как таковой за все прежние унижения, выливать на публику десятилетиями копившиеся ушаты злобы и грязи.

Здесь нет места для объяснения, почему в наших условиях все эти обстоятельства заведомо не реальны. Тем не менее это не отменяет критичности предстоящего выбора, а, наоборот, усугубляет ее. Короче говоря, трудно представить условия, более благоприятные для классического варианта "самоубийства демократии". Скорее, наоборот, в пору удивляться тому, что этого не произошло до сих пор. Не иначе как по причине

бездарности некоторых аспектов реформы, включая непримиримую оппозицию.

Во-вторых, здесь можно привести достаточно жесткое рассуждение Э.Ю.Соловьева о том, что выбор демократии осуществляется народами не как промежуточный и допускающий "перерешение", а как клятвенное обещание самим себе и мировому сообществу никогда впредь не допустить над собой рабства и политического угнетения. Это видно по всем историческим актам и декларациям, связанным с укоренением принципов либеральной, правоупорядоченной демократии.

Соответственно, измена демократии должна восприниматься народом как предательство собственной клятвы и вызывать тяжелую, возможно даже неизживаемую, психоисторическую травму. Иными словами, измена однажды обретенной свободе стократ хуже и позорнее прошлого рабства.

В-третьих, по закону политической подлости благами демократии сплошь и рядом пользуются силы, ее же намеревающиеся отменить в случае прихода к власти. Типичная тактика мелкой шпаны - ныть при каждом толчке, но пускать в ход нож при каждом удобном случае.

Хуже того, возможны имитации демократии, сохраняющие квазидемократический фасад (типа "власти Советов"), на самом деле скрывающий сугубо авторитарные или даже тоталитарные общественно-политические и социально-экономические режимы.

Здесь, в свою очередь, есть два момента.

Выбор свободы означает прежде всего сохранение *свободы выбора*. И это право должно принадлежать всем последующим поколениям. Лишая будущие поколения этого права, вы вторгаетесь в их приватное пространство. Поэтому, строго говоря, мы имеем моральное право выбирать все что угодно, кроме отмены демократии. (Если, конечно, не становиться на позицию всезнания и провидения, убежденности в собственном праве учить всех остальных, как именно им следует жить и благоденствовать.)

С другой стороны, я готов допустить, что кто-то может иметь вполне искренние и неискоренимые антидемократические убеждения. Более того, я готов признать за ним право бороться и побеждать. Но тогда делать это надо по-мужски. А значит - самому принять для себя запрет на пользование демократическими процедурами для свержения демократии. Можно вести партизанскую войну, готовить мятежи и государственные перевороты, заниматься терроризмом. Но тогда и отвечать перед обществом надо по полному моральному и правовому счету за все такого рода действия. Как это делают не представители политического отребья, а все уважающие себя революционеры. Если ты намереваешься, придя к власти, заткнуть всем глотки, стыдно пользоваться свободой слова. Если ты

обещаешь после выборов посадить или расстрелять нынешних демократов, то хотя бы признай на ними право сегодня поступить с тобой так же - и уходи в леса.

"Ежики в тумане"

или еще раз о некоторых недостатках нашей идеологической работы

Понятно, насколько во всей этой предсудийной ситуации важно состояние общественно-политического сознания. Строго говоря, в условиях неустойчивого баланса именно оно все и решает.

Более того, от народа требуется небывалая историческая мудрость и политическая интуиция, чтобы в описанных выше условиях не угробить новорожденную демократию собственными немереными силами.

И до сих пор народ эту интуицию в достаточной мере продемонстрировал. Даже несмотря на выборы двух жириновско-зюгановских Дум (в той мере, в какой здесь имело место "голосование протеста" и понимание, что не так страшно подсунуть такую Думу этому Президенту).

Однако уже перед президентскими выборами ситуация выглядит угрожающе рискованной. Она далеко не безнадежна, но степень риска уже недопустима, - причем с многократными превышениями.

Эти инвективы здесь вполне уместны, поскольку речь идет не просто о состоянии массового сознания, а о той работе, которая до сих пор проводилась на данном направлении.

Идеология реформ отсутствует или неартикулирована.

Совершенно не поставлена "индустрия объяснений".

Напряжены или разорваны связи с медиаторами (умная власть понимает, что ежедневно и ежечасно с народом все равно говорит не она, а посредники - моральные и интеллектуальные авторитеты).

Абсолютно отсутствует работа в СМИ там, где она могла бы быть наиболее эффективной. (Количество катастроф, покойников и скандалов в новостных выпусках таково, что антидемократическая оппозиция не могла бы сделать для себя ничего лучшего, даже если бы полностью контролировала ТВ, радио и прессу. Позитив отсутствует как таковой, а если есть, то такой, что лучше бы его не было.) И так далее, и тому подобное.

При этом важно понимать, что в критических ситуациях часто решают не доводы, а эмоции, не аргументы, а общий эмоциональный климат, существующий в обществе. Аргументы выдвигаются разные - разными политическими силами. И ложатся на определенную почву. Сначала подсудно готовится "место" под идеологию, которое до поры как бы пустое, но при этом

имеет определенную форму, конфигурацию. И можете быть уверены, что будущая (победившая) идеология ляжет, как потом окажется, точно "по месту".

Как именно ляжет - вопрос особый. Неустойчивость электората чудовищна. Процент политически неопределившихся явно зашкаливает. Перетекания электоратов огромны и труднопредсказуемы. Немногим не дотягивает до половины доля тех, кто принимает решение буквально за несколько дней до выборов, накануне или даже в момент голосования.

Однако при этом важно понять, какой конкретный и практический смысл имеют все эти заклинания. Либо мы клянем на чем свет стоит "демократическое государство", не способное обеспечить нам "гарантированные гарантии" сохранения демократии, либо - принимаем это как данность, находим этому приемлемые объяснения и предъявляем претензии к самим себе, ищем возможности исправления ситуации собственными силами, - силами, скажем так, демократически ориентированного гражданского общества. (Бывает ли гражданское общество ориентированным недемократически - вопрос особый, но не для обсуждения здесь. Хотя я готов, например, долго рассуждать о тоталитарно ориентированном гражданском обществе в условиях тоталитаризма.)

Гражданская оборона на предвыборных баррикадах

Вообще говоря, демократия держится, как минимум, на трех основаниях (если иметь в виду не экономические или ментальные, а собственно организационные аспекты).

Во-первых - демократически устроенное и правовым образом организованное государство.

Во-вторых - система демократически организованных и функционирующих политических институтов - партий, движений, объединений и т.п.

В-третьих - развитое гражданское общество, масса общественных инициатив самого разного рода, в том числе и вполне неполитической направленности.

Без гражданского общества эта система неустойчива, как стол на трех ножках.

У нас этого пока не поняли - и отстаивают демократию силами государства и политики, не осознавая, что реально это могут сделать другие общественные движения и организации. И чего в принципе нельзя сделать без них.

Если вернуться к образу стола на трех ножках, то можно предположить, что в разных ситуациях эти ножки бывают неодинаковой толщины (как это ни некрасиво).

Рассчитывать в наших условиях на силу и устойчивость демократического государства, мягко говоря, неосмотрительно.

Хотя бы потому, что мы являемся наследниками специфической системы, именуемой "партия-государство". В этой системе Партия ненавязчиво и постепенно аннигилирует государство как систему самостоятельных институтов. Она является единственным живым организмом, на который институты государства навешаны в качестве исполняющих протезов. После ухода Партии у общества остается не государство как таковое, а груда металлолома, "осиротевшие протезы". Начинается новое государственное строительство - едва ли не с нуля. И если такое государство чего-то не делает для гарантирования необратимости демократических и рыночных преобразований, то важно понимать, что оно многое при этом не не хочет, а просто не может. И не сможет в достаточной мере, даже если задействовать все имеющиеся ресурсы, произвести оптимальные кадровые перестановки и т.д. Иными словами, это проблема историко-политическая, а не просто организационная.

То же самое относится и к системе политических институтов. У меня нет для вас другой партии! Можно долго вещать о том, насколько все здесь плохо, - а можно говорить о том, что делать, если в ближайшее время радикального исправления ситуации не предвидится. В конце концов, в демократии заинтересованы не только демократически ориентированные политические (собственно политические) организации. И отнюдь не только они здесь могут что-то реально сделать.

Более того, по многим параметрам именно они как раз и не могут многое из того, что сделать было бы жизненно необходимо. Хотя бы потому, что на первых порах демократические партии (равно как поддерживаемое ими демократическое государство) вынуждены осуществлять "политику камикадзе" и идти на ряд катастрофически непопулярных мер. Это можно назвать жертвой собственной репутации во имя общего блага.

Может показаться, что гражданское общество в современной России находится в зачаточном состоянии. Если этим специально не заниматься.

Однако с не меньшим правом можно говорить о том, насколько неожиданными темпами развиваются разного рода гражданские инициативы и движения. Зародившиеся еще в советский период правозащитные организации. Общества по защите прав потребителей. Экологические союзы. Объединения в сфере науки, культуры и образования. Женские движения. Жилищные инициативы ("хаузеры"). Институты местного самоуправления. Благотворительные фонды и фонды по поддержке самых разных инициатив. Негосударственные и в то же время некоммерческие издания. Движения социальной самозащиты. Разного рода профессиональные объединения. Творческие союзы и сообщества нового типа. Организации в сфере биомедицины и биоэтики. Движения по защите прав

заклученных, беженцев, пациентов медучреждений, молодежи, конфликтующей с армией, неполноценных или, наоборот, не в меру талантливых... И даже животных. А также разного рода интеллектуальные клубы.

Все это представляет огромный политический потенциал, как таковой практически невостребованный.

Хуже того, если он и востребовывается, то так, что заранее отторгает все эти движения от политики (за исключением тех, в которых лидеры уже политически ангажированы, - вопреки самой сути и моральным императивам гражданских инициатив как таковых). Сила большей части гражданских инициатив как раз и состоит в их беспартийности, в том, что они объединяют людей не на политической основе, а на конкретных жизненно важных проблемах. Когда надо вырыть канаву или починить крышу, уже не важно, кто здесь демократ, а кто коммунист. Наоборот, именно здесь и возникает намек на самоспасение политически поляризованного общества, где-то все же способного понять, как мало значат идеологические мифы в сравнении с простыми жизненными делами и ценностями.

В то же время, как это ни парадоксально, такая аполитичность на самом деле оказывается во многих отношениях наиболее политически эффективной.

Дело в том, что гражданские инициативы, по определению, представляют собой организации и объединения по отстаиванию и реализации прав людей. И участвуя в таких движениях (или хотя бы пользуясь их помощью), человек *на деле, практически* становится либералом и демократом. Даже вопреки своим идеологическим фантазиям.

Можно уговаривать людей проголосовать за правовое общество, - а можно на деле дать им эти права и помочь их реализовать, поддержав организации и движения, которые этим систематически занимаются. И тогда останется "немного" - объяснить, при каком общественно-политическом устройстве и в условиях какого режима эти права могут быть гарантированы и реализованы.

Но это взаимодействие должно быть симметричным. Гражданское общество в критических ситуациях оказывается перед проблемой политического самоопределения. Дело в том, что гражданские инициативы во многих отношениях заведомо ориентированы на противостояние властям, администрациям, бюрократии, неправовым действиям чиновничества, наконец, на сопротивление тому, что существующий режим по своей или не по своей воле так или иначе допускает.

В какой-то момент проблема выбора переходит в другое измерение. Либо мы боремся с издержками существующего порядка, используя предоставляемые им для этого возможности, - либо оказываемся перед необходимостью что-то противопоставить стоящему на пороге порядку, который, может

быть, отчасти даже снимет решаемые нами проблемы, но при этом исключит саму нашу возможность решать эти проблемы самостоятельно, на сугубо правовой основе и независимо от того, что по этому поводу думают власть, политики и структуры госуправления.

Ю. В. Казаков

МИССИЯ СМИ И ВЫБОР ИЗБИРАТЕЛЯ

Можно ли говорить об "особых заслугах" СМИ в проведении избирательной кампании? Вероятно, да, если признавать под "особыми заслугами" тот "побудительный", глубокий прогрев российского общества информационными волнами, который был характерен для второй половины минувшего года. Если учитывать плотность публичных размышлений о "цене" декабрьских выборов для политических судеб России - и помнить, что инициировались эти размышления сплошь и рядом именно СМИ: как в Москве, так и далеко за пресловутым "периметром Садового кольца".

Тут, правда, неизбежно одно уточнение. Сам выбор скорее *мобилизационного*, чем *информационного* стиля поведения большинства СМИ в минувшей избирательной кампании - не столько заслуга журналистов, сколько подтверждение: российская журналистика, во-первых, по-прежнему в массе своей традиционно "миссионерская" по *типу*. Сама же политическая борьба в России, и это, во-вторых, остается ненормально драматичной. Перегруженной элементами катастрофизма, ожидания апокалипсиса, который может наступить в случае победы политического противника.

Последнее обстоятельство заставляет тем большее внимание уделить настоящей, значительной заслуге российской прессы, и прежде всего демократической. Очень разная по характеру обсуждения предвыборных проблем, стилю представлений "героев" и "злодеев" отечественной предвыборной сцены, качеству прогнозов, степени политической ангажированности пресса, находившаяся в поле как моего читательского интереса, так и специального наблюдения между сентябрем и декабром, явно стремилась избежать окарикатуривания политического противника (и равно "осусаливания" политического протеза). Она явно избегала всеядности как способа поправить финансовое положение. И явно же стремилась обойти казавшуюся почти неизбежной - в силу ненормально высокой политической цене *выбора* - нравственную ловушку "двойного стандарта" по отношению к своим и чужим в политике. (В наиболее жестком виде ловушка эта зафиксирована исторической формулой "Сукин сын, но *наш* сукин сын".)

Не драматическое даже - трагическое обстоятельство войны в Чечне заставляло независимые СМИ действительно реформаторской, последовательно демократической ориентации как бы все время стоять "в разножке": направляя острие предвыборной полемики против политических сил, представляющих угрозу российской демократии, одновременно вести

"огонь" и по политическим площадям, формально прикрываемым правительственно-президентским НДР. С точки зрения логики политической борьбы, такая позиция была заведомо "пораженческой", что в какой-то мере и подтвердили итоги выборов в Госдуму второго созыва. А с точки зрения логики развития гражданского общества, становления *гражданского правосознания*? Логике *воспитания власти*, нигде и никогда не склонной к самовоспитанию? Исходя из потребностей и приоритетов формирования определенного "*духа корпорации*", наконец?

Как представляется, "Известия", "Московские новости", "Общая газета", "Московский комсомолец" или, скажем, "Вечерняя Казань", имеющие (при всей своей несхожести) *общего генерального* политического оппонента, но оставшиеся *жестко критичными* по отношению к власти в том числе в полосе избирательной кампании, выполнили *миссию*, по сути, куда более важную, чем сиюминутная "*командно-политическая*". Поступая по закону *нравственному*, руководствуясь *неписаным* кодексом этики СМИ *гражданского общества*, они, по сути дела, день ото дня проявляли и формировали *лицо* российской демократии. Если угодно, переносили ее *дух* через планку, оказавшуюся недоступной *государственной команде*...

Разумеется, российскую прессу в целом не стоит ни идеализировать, ни подводить под некий *корпоративный* "общий знаменатель". Почему выше речь шла только о *демократических* изданиях, поймет любой, кто переберет подшивку "Завтра", к примеру. (Эта "Газета духовной оппозиции" стала именовать себя после выборов "Газетой Государства Российского".) "Ельцинизм убил 2 200 000 русских", "Пьют кровь русских младенцев", "Наш дом - тюрьма", "Генералы НАТО голосуют за НДР", "Рыбкомырдин и Чернорыбкин - скверные гибриды", - продолжать такого рода перечень "завтрашних" заголовков можно долго, да только зачем? Если совсем коротко: национал-патриотическая пресса, как и леворадикальная, начиная с "Советской России", продемонстрировала в ходе избирательной кампании стиль грубо агрессивный, - предъявив, таким образом, совершенно определенную *культуру* предвыборной полемики. Это была *антикультура пропаганды*, имевшая мало общего с предвыборной агитацией. В "выборы" эта категория СМИ играла по правилам, предусматривавшим *моральное уничтожение политического врага*, а не просто "политического противника": пожалуй, этой репликой в рамках настоящего "комментария" стоит ограничиться, чтобы не втянуться невзначай в специальный анализ материалов "другой" прессы, качества использованных ею аргументов и приемов.

Какого избирателя формировала де-факто такая пресса - понятно; консолидированные усилия "миссионерской" работы СМИ подобного толка - очевидны, доступны взгляду уже и по практике новой Думы.

А какого избирателя формировала де-факто пресса демократическая, "в которую" (как подростки "в пристенок" во времена до дискотек и "видиков") фактически беспроблемно играла основная масса экспертов, представлявших самые разные политологические и социологические школы и конкретные институты? Очень осторожно скажу так: неустойчивого, обладающего повышенной рефлексией. В практическом политическом измерении разрывавшегося между "Демвыбором", "Яблоком" и "Нашим домом": повторяя следом за незабвенной Агафьей Тихоновной сакраментальное "Право, такое затруднение - выбор!". И мечтая вместе с ней о том, как бы "губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазар Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...". А кстати: плохо или хорошо, что "Никанор Иванович", "Иван Кузьмич", "Балтазар Балтазарыч" так и не смогли в 1995-м договориться между собой и создать некую *супермодель*, пригодную для массовой российской политической свадьбы?

Как Homo politikus я думаю: конечно, плохо; результат - Дума. Как человек практический сам себя поправляю: мы имеем то, что имеем; любая искусственная конструкция быстро развалилась бы, - придавив обломками, пожалуй, не только самих конструкторов. Наконец, как заинтересованный гражданин, как читатель и зритель я говорю: на самом деле - хорошо, потому что при таком *конкурирующем в свободе* раскладе демократических сил и их лидеров не подчиненная государству (и в этом смысле *независимая*) пресса естественным образом сохранила все степени собственной свободы: выполнив едва ли не все возможные функции СМИ, *развивающие* общество, *продвигающие* его к демократии.

Важный момент: исполнительная власть, которая (как и всякая власть), безусловно, не могла быть удовлетворена этой самой степенью свободы СМИ, в какой-то степени *посодействовавшей разбалансу* с таким трудом сложившегося не столько общественного, сколько *междувластного* равновесия, фактически не нашла оснований для предъявления СМИ серьезных обвинений в нарушении правил игры. И в том числе - правил наиболее жестких: писанных, официальных. Зафиксированных в избирательных законах - и в таком нормативном акте, как печально знаменитая Инструкция ЦИК РФ, определявшая порядок предоставления избирательным объединениям, блокам, кандидатам в депутаты Госдумы эфирного времени на каналах ГТРК и публикации агитационных предвыборных материалов.

О чем это говорит, прежде всего? Если очень коротко: о том, что российская пресса, несмотря на колоссальное число своих слабостей и недостатков, и в том числе напрямую

связанных с бедственным материальным положением большинства СМИ, в общем и целом не поддались искушению *больших денег*, которые массированно вбрасывались в игру "белым" и "серым" способом в тех же регионах. Пресса *не продалась*, хотя и *прошла через искушение* и этими деньгами, и близостью к власти (реальной или мнимой, маячившей в качестве посула). Да и просто *сенсацией*, политическим скандалом, который так легко приманивает и подписчика, и рекламодателя, и ту же власть, к скандалам не расположенную...

В этой связи, положила руку на сердце, предъявлять претензии к СМИ, особенно независимым, нашему обществу вряд ли стоит. К государственным - да, сколько угодно. Ибо именно в этой сфере были и дикие, неимоверно завышенные цены на платный эфир в "прайм-тайм" (пик политического аморализма, если называть вещи своими именами, - это 20 тыс. долл. за минуту на ОРТ). Именно тут было *лишение доступа ключевой, оригинальной информации к гражданам*, - а только так можно расценивать дружный отказ четырех из шести официально к тому обязанных той же Инструкцией ЦИК "федеральных" СМИ предоставить полосы под бесплатные публикации избирательных объединений, - при готовности распахнуть свои полосы для любого *за деньги*. (Честно говоря, я даже пожалел, что в "Российской газете", уведомившей читателей о таком отказе и такой готовности в редакционном материале с раешным, смеховым заголовком "Избирательная кампания, граждане дорогие, больших денег стоит", не сочли полезным опубликоваться за деньги партийцы Зюганова или Жириновского. Их появление на полосах издания, учрежденного Правительством России, было бы хорошим уроком для самой власти, далеко не во всем справившейся с *обязательной* для государства ролью *гаранта избирательных прав граждан*.)

Насколько эффективно российские СМИ используют свой идеологический и воспитательный потенциал; способствуют ли при этом воспитанию гражданского общества? Как представляется, именно минувшая кампания позволила ответить на оба эти вопроса положительно. Ситуация, как и всякая критическая, проявила много не только сильного и внушающего надежду, но и слабого, даже опасного. (Известны случаи и грубых газетных и эфирных "ляпов", задевавших честь, достоинство и деловую репутацию кандидатов, и случаи, когда под видом факта или аргумента в эфир или на полосу проходила попросту дезинформация.) Но итоговый результат можно считать достаточно показательным. На мой взгляд, он таков: эффект определенного *отчуждения* избирателя от власти в ходе этой кампании (а здесь, кроме фактора Чечни, действовала еще и вся

совокупность негативных социальных факторов, так или иначе эксплуатировавшихся практически всеми конкурировавшими партиями, объединениями, блоками) не носил характера *национальной катастрофы*. Скорее наоборот: это *отчуждение* было актом *взросления, самовоспитания* гражданина, еще на шаг отступившего от *тоталитаризма* в его самом живучем виде, - почти чудесной *веры* во *всесилие* государства и в его *особое право* распоряжаться гражданином с рождения до смерти. Это - *плюс*, и плюс огромный.

Минус, увы, назван выше: очередное поражение в правах потерпела *культура*. Там, где с телеэкрана *массированно вбрасываются* в душу порции махрового национализма, квасного патриотизма самого скверного замеса, семена ксенофобии или насилия (в том, что все это имело место, убедиться нетрудно, - достаточно поднять выступления в бесплатном эфире В.Жириновского и Н.Лысенко), ожидать *сохранения* культурного уровня, включая уровень *политической культуры*, не приходится. *Общественная мораль* деформируется при этом дважды: самим *актом* покушения на нее и актом *непротивления* такому покушению со стороны государства. Оба акта были публичными, оба - повторяемыми. Что уж говорить при такой ситуации о каких-то безвкусных "Частушках Кости Борового": лужанье семечек в трамвае как примету нравов замечаешь разве что до поры, пока в вагоне не начинает куражиться помесь Рэмбо с Шариковым...

Сказать, что российский избиратель, суть *читатель и зритель*, в момент пика его *гражданского самопредъявления* доверяет СМИ безоговорочно, вряд ли возможно. Известное исследование Фонда защиты гласности "Журналист и журналистика российской провинции" (1995) выявило, к примеру, что действительно объективной "московскую" и свою собственную региональную прессу считают примерно сорок процентов читателей. Много это или мало? Наверное, все же прилично: если вспомнить, сколько усилий с самых разных сторон было направлено на то, в том числе, чтобы *полностью* подорвать доверие читателя к экрану и эфиру. И ладно, когда бы это делали те же "Завтра" (с ее простыми заголовками типа "Телевидение - преступная организация" или с обвинением известной молодежной газеты в том, что она является рупором ЦРУ), "Советская Россия" или "Правда".

Но вот Президент увольняет Олега Попцова, публично обвинив его в "чернухе" на РТР и заявив: "Я ему говорил, что нельзя лгать, нужно работать корректно". Но вот перед тем правительственная "Российская газета" целой серией статей конца 1994-1995 года ("Защищать демократию - работа небезопасная",

"Пресса, к ноге", "Легенды и мифы второй древнейшей", "Между Сциллой и Харибдой", "Мост гласности" и т.д.) планомерно и *массированно* убеждает читателей в том, что, по сути, основная часть независимой московской прессы - не более чем тусовка достаточно бесчестных людей, оторвавшихся от проблем и надежд России и ее граждан. Автором нескольких из этих статей оказывается Михаил Полторанин - не просто журналист или рядовой политик, известный некогда как активный сторонник Ельцина и борец за свободу слова, но председатель думского Комитета по информационной политике и связи. Так возникает тяжелейшая для всего пространства российской массовой информации ситуация: авторитетнейшие, проверенные временем *демократические* СМИ как бы оказываются в двойном кольце обвинений. Облыжны оба, но второе опаснее: ведущие огонь со стороны Кремля или Госдумы используют (как правило - вполне сознательно) некий "кредит доверия" к информированности власти, делающей определенные заявления.

Выдержит ли демократическая московская пресса это испытание? Полагаю, уже выдержала, - оставшись желанной своему читателю, подписчику, зрителю. В период массового обвала экономических, финансовых, материальных платформ, на которых выстраивался физический выход газет в свет, серьезными редакторами могла ставиться только задача-минимум - как "выжить". Потерявшая доступ во многие регионы московская пресса как бы дала подрасти в них свежей поросли региональных и местных изданий, нередко действительно сильных, ярких, смелых. Но таких, свежих, все же немного. Остальные, лишённые нормальной конкуренции, могут пока радоваться неожиданной пустоте пространства вокруг себя. Но могут ли радоваться этому граждане-читатели, сплошь и рядом берущие в руки листы, серые не только в силу плохой бумаги и скверной типографской базы? Сохранится ли надолго ситуация искусственного "вне игры" для ведущих и сегодня, по большому счету, московских СМИ на пространствах России? Если всерьез, - это все вопросы, в том числе, *качества* следующих выборов: сохрани страна шанс на них *выбором* 1996 года.

Участие "корпорации" в весенне-летней кампании началось, строго говоря, едва ли не год назад: комментарии на этот счет излишни. Нелишни разве что некоторые частные замечания. О том, к примеру, что участие в выборах своими *специфическими средствами и силами* и со своим набором представлений о разумном и опасном в этом процессе, о допустимом и невозможном в самих газетах принимает не "корпорация", а все та же сумма относительно небольших "участков цехов", поделенных теперь, к тому же (прежде всего, это отно-

сится к цеху *демократических* СМИ), по признаку ориентации на ту или иную *политическую персону*.

Первым этапом, который фактически уже пройден СМИ на этом пути, был этап "ПРОТИВ": за этого - ни в коем случае. Как представляется, достаточно близок к концу и этап "ЗА, НО ПРОТИВ": голосуем за, если он избавится от. Наступает этап чистого "ЗА"?

Для кого-то - да: время "облагораживающего" давления СМИ, их фактического *соучастия* в формировании политиков и политики близится к концу; кампания выходит на этап, когда СМИ снова становятся *инструментами* агитации, каналами распространения определенной информации.

Для кого-то - нет: можно предположить, что для многих газет *моральная сторона грядущего президентства*, связанная с войной в Чечне, но часто и со стилем руководства, с качеством команды, окружающей действующего президента, окажется сильнее прозаических и прагматических доводов типа "если не Ельцин - значит Зюганов, разве не ясно?".

Пока ясно одно: демократическая пресса сделала все, чтобы снять активно востребуемый массовой психологией тезис "третий лишний". (Во всех его вариациях: от "не имеет шанса" - до "перекрывает шанс".) Перебирая достоинства и шансы таких политиков, как Немцов, Явлинский, Горбачев, Лебедь, она, как представляется, пока не добилась успеха, на который рассчитывала: сильный лидер так и не проявился; президент же никаких серьезных подвижек в сторону бывших единомышленников не сделал, ограничившись репликой "никуда не денутся".

В итоге - имидж "достойного и нужного России президента" в сознании своего читателя эти СМИ так и не сформировали. Едва ли не единственная определенная ими жесткая константа - демократический президент должен быть "президентом мира", а не представителем "партии войны". У коммунистов набор имиджных черт президентства, разумеется, много больше: оно и социально заботливое, и готовое к восстановлению военной мощи, и т.д. И об имидже желаемой "российской политики" они всерьез еще вроде бы и не начали думать, - вполне успев нынешнюю российскую политику предъявить в качестве непоследовательной, бездарной, отступившей от моральных обязательств, срабатывающей во многом против реформ в силу собственных дефектов. Плохо?

Нормально. Ибо *большинство* демократических СМИ, не найдя потенциально сильного *нового лидера*, не сумело внутренне расстаться со *старым*. В нужный час они мобилизуются: не впервой.

Что до "правил проведения кампании", то эти СМИ, надо полагать, будут законопослушны не менее, чем в кампании осени 1995 года. И будут постоянно попадать в бесконечные ловушки

Инструкции Центризбиркома, - останься она такой же плохой, как первый вариант проекта. В нем сохранены фактически все несуразности и провалы Инструкции времен выборов в Госдуму: то же определение политической рекламы, то же лишение журналиста права быть *активным представителем* гражданского общества в сфере своей прямой компетенции и т.д. Самое парадоксальное: в качестве "третьего судьи", непосредственно разбирающего информационно-агитационные конфликты кандидатов и их избирательных объединений со СМИ, в проекте сохранен такой институт, как Судебная палата по информационным спорам при Президенте России. Честно говоря, одной этой "конструктивной особенностью" выборов будет достаточно для дискредитации *власти*, что называется, на корню. *Информационные* конфликты (а остальные лежат, как представляется, просто вне рамок настоящего текста) становятся при этом в ходе кампании заведомо неразрешимыми, *трансформируясь* практически на каждом шагу в конфликты *нравственные и политические*.

Удастся ли вовремя изменить эту ситуацию самой власти? Придется ли для этого *внятно заявить свою позицию* самим СМИ, - в том числе и объединяя голоса правых и левых? Не убежден, что решение этой небольшой по масштабам, локальной задачи так уж существенно (а тем более кардинально) помогло бы разминированию пространства пред- и послевыборного в целом, по большому счету. Но как *знак* готовности власти руководствоваться правилами честной игры, как *опыт* разумного компромисса оно бы, безусловно, не ушло от внимания прессы. И, убежден, от внимания избирателя, *разумный* выбор которому на этот раз сделать будет отнюдь не легче, чем в декабре 1995-го.

А. К. Симонов
“...НЕ ПРОЙДЯ ЧЕРЕЗ ИСПОВЕДЬ, ПЕРЕШЛИ К
ПРОПОВЕДИ”

Сама постановка вопроса о том, что СМИ имеют серьезные заслуги в деле проведения выборных кампаний на самом деле кажется мне заведомо провокационной по той простой причине, что лично я почти не слышал от представителей СМИ славословий в свой адрес по поводу своей удачной работы. Скорее средства массовой информации в абсолютном большинстве свойственна, я бы сказал, самоуничтожительность в этом вопросе. Связана она в первую очередь с тем, в какие законодательные условия поставлены СМИ по отношению к избирательной кампании.

Сразу различим две категории средств массовой информации, одна из которых, менее массовая, сегодня более влиятельна, - государственные СМИ. Работа их в избирательной кампании регулируется, во-первых, законом, во-вторых, инструкцией Центризбиркома, в-третьих, постановлениями и прецедентами Судебной палаты по информационным спорам. Другая категория - более многочисленная, но до сегодняшнего дня все-таки считающаяся менее влиятельной, - это система независимых средств массовой информации, в первую очередь, телерадиокомпаний, которые не подлежат, в этом случае, государственному регулированию. И рассматривать ситуацию "СМИ - избиратель" надо, безусловно, в двух ипостасях, если говорить о влиянии СМИ на конечный результат выборов.

Мне довелось не так давно быть на "круглом столе" Центризбиркома и средств массовой информации, где обсуждался новый вариант инструкции Центризбиркома по выборам - по выборам президента. Это фактически инструкция по ущемлению прав средств массовой информации и, соответственно, - беспрецедентное ущемление прав избирателей как таковых. Действительно так: если представить себе, что избиратели имеют определенный доступ к банку данных о тех, кого они выбирают, то этот банк данных предоставляют им СМИ, причем в значительно более емкой степени, нежели то, что предлагают им избирательные группы и объединения, которые ходатайствуют за того или иного кандидата. Это однозначно.

Регламентировано все. В инструкции, во всяком случае, в том ее проекте, который мне довелось обсуждать, под понятием "дебаты" имеется в виду - "произнесение монологов в присутствии друг друга", то есть как бы и не в сольном присутствии

на подиуме, а в парном или в двухпарном. Вся инструкция построена по принципу перечисления того, что можно кандидатам, их избирательным объединениям, их доверенным лицам и так далее. Практически государственные средства массовой информации в избирательной кампании этой инструкцией поставлены в условия "стойки для микрофона" - не более.

Вообще, у нас в российском законодательстве по СМИ "стойка для микрофона" имеет огромное значение. Так, например, мы единственная страна, которая выдает две лицензии любой теле- или радиоконпании: одну лицензию на вещание, а вторую - на деятельность по связи. То есть, собственно, деятельность по установке "стойки для микрофона", которым будет пользоваться вещатель, лицензируемая сегодня деятельность. Этим занимается Министерство связи, всячески эту свою монополию отстаивает и, естественно, при своих возможностях лоббирования пробивает все на уровне законов. Это "пробито" и в Законе о связи, и в недавно принятом Думой после преодоления президентского "вето" Законе о телерадиовещании, который оказался в абсолютном вакууме, потому что принят был в тот момент, когда он не нужен даже тем, кто его писал. Но тем не менее и там право лицензировать "стойку для микрофона" тоже оговорено и достаточно недвусмысленно. Поэтому и Центризбирком освещает эту роль СМИ в выборах, предоставляя государственным средствам массовой информации право быть этой "стойкой".

Регламентировано все в поведении журналиста, но не регламентировано ничего в деятельности кандидата, за исключением того, что не надо кидать друг в друга стаканы и желательно не ругать соперника матом. Начисто отсутствует возможность выбора для средств массовой информации и постоянно присутствует право выбора для клиентуры: клиент сам вправе выбирать форму, в которой он желает вести свою предвыборную агитацию.

Если бы государственные средства массовой информации обладали правом, скажем, на половину бесплатного времени, в течение которого можно было бы задать кандидатам предварительно оговоренный круг вопросов или проблем, по которым каждый кандидат сам или через уполномоченных им лиц давал развернутый и аргументированный ответ, то произнесенные по телевизору ответы могли бы стать базой для сравнения, скажем, с ответами в печатных средствах массовой информации, где их можно было бы напечатать рядом и проанализировать.

Но в государственных средствах массовой информации этого сделать нельзя, нельзя сказать: "уважаемый кандидат N, ваш план по прекращению военных действий в Чечне равен не только нулю, но и находится как бы за нижним пределом потому-

то, потому-то и потому-то", и тем самым дать возможность избирателю увидеть, что этот человек со своей программой не сможет решить данный вопрос, если будет избран главой государства. Практически журналистам остается только закулисное подвывание или, что самое печальное, каким-то образом компенсировать эту свою безликость, безъязыкость и первично-половопризрачность через другие способы воздействия на население.

На мой взгляд, сегодня ни один из имеющихся кандидатов всерьез не интересуется средствами массовой информации и не пользуется их симпатией. Средства массовой информации просто волею обстоятельств, а также ходом исторического своего собственного развития за последние пять лет поставлены в ситуацию, когда они находятся на том циничном пределе, где - "в принципе мне все равно". К сожалению, из этого "в принципе мне все равно" есть два выхода. Один: "мне все равно, но я вам скажу, что стоит каждый из ваших кандидатов". Второй: "мне все равно, поэтому я скажу, что лучше тот кандидат, который мне больше заплатит". Этот выбор стоит сегодня перед любым средством массовой информации. Мало того, применительно к грядущим выборам, если говорить о "демократической" прессе, этот выбор таков: поскольку выбирать придется из очень плохого и еще худшего, то мы за то, чтобы выбрать очень плохое, чтобы не было еще хуже.

В принципе я считаю, что это разумно, справедливо. Кроме всего прочего, это свидетельствует о еще не полностью стертом с лица земли чувстве самосохранения у СМИ, потому что быть средствами массовой информации в коммунистической стране невозможно. Там можно быть средствами массового управления или средствами управления массами. Быть при этом средствами массовой информации, говорить о свободе слова невозможно по определению: не может быть потому, что этого не может быть никогда, ибо ни один из имевшихся коммунистических режимов не приводит нам наглядного примера сожительства со свободными средствами массовой информации. Если кто-то сегодня пытается доказать, что теоретически это возможно, то он - либо жулик, либо идиот. И те, кто как-то хотят сохранить возможность для себя и для своих детей оставаться в пределах если не свободы слова, то хотя бы в пределах существующей гласности, должны отдавать себе в этом отчет. Такое чувство самосохранения и руководит значительным количеством средств массовой информации, участвующих в этом процессе. Есть, правда, и второй вариант - не участвовать.

Однако предыдущая избирательная кампания показала одну любопытную особенность, в известной степени это новация. На общенациональном уровне на самом деле никто не может похвастаться серьезным влиянием на ход избирательной кампании. А вот на региональном уровне есть негосударственные телевизионные компании, которые однозначно вложили весь свой потенциал в одного кандидата, реально его "раскручивали" и гордятся тем, что они ему выиграли выборы. Я знаю несколько таких случаев, два - точно.

Один из них - в Новосибирске: действующему губернатору был противопоставлен бывший губернатор, снятый в свое время Ельциным, с неким коммунистическим уклоном, но, с точки зрения того средства массовой информации, о котором идет речь, обладающий большей обратной связью, меньшей вовлеченностью в мафиозную деятельность региона и так далее. И вот телекомпания вошла в борьбу полностью на стороне этого кандидата - Мухи, и одним из самых серьезных аргументов, положенных на чашу его весов, было интервью, взятое у Индинока, где у последнего в кадре просто спрашивали, откуда у него столько-то домов по таким-то и таким-то адресам и так далее.

Задавали вопросы сугубо конкретные, на которые он, по своей советской сущности, естественно, не был готов отвечать, потому что никак не ожидал, что ему решатся задавать подобные вопросы. Поразительная наивность кандидата, кажется, время от времени читающего газеты, в которых кого только ни разоблачали и с кого только ни сдернули покровы так, что уже все, как говорится, ходят голые. А они, кандидаты, почему-то все еще думают, что когда это коснется их, то трусы им обязательно оставят, хотя очевидно, что средства массовой информации, если вцепятся, то сразу - в трусы. Журналисты считают, что их работа, в частности, это интервью, сильно повлияла на результат выборов.

У нашего избирателя есть совершенно фантастическое свойство: он начисто не владеет собственными политическими пристрастиями. Возьмите любого среднего избирателя и спросите, какие у него политические пристрастия. Анкетирование закончится фантастическими результатами. Например, большая часть Нижегородской области проголосовала за коммунистов. При этом наивысший рейтинг на выборах губернатора получил Немцов, у которого с коммунистами буквально нет ничего общего. И это характерный показатель отнюдь не только для Нижегородской области, которая, может быть, наиболее цивили-

зованна в том смысле, что там в какой-то степени налажен диалог между властью и населением, хотя бы по вопросам жизни этого самого населения. Они имеют постоянную возможность через средства массовой информации задавать вопросы, получать ответы. Конечно, это противоречие вызывает серьезное недоумение, но поскольку я не культуролог и не владею методами объяснения таких феноменов, я только констатирую его.

На уровне догадки могу сказать: дело заключается в том, что мы все выросли с атрофированной исторической памятью. Мне начинает казаться, что быть русским - это значит иметь чрезвычайно короткую память. Это как некая национальная черта. Ведь, в сущности, на чем построена вся предвыборная и непредвыборная система агитации коммунистов? На поразительном феномене: "не знаю - значит, не было". И вот это "не знаю" охотно несет в себе каждый советский человек, каждый российский гражданин, каждый пост- или неосоветский гражданин. Это - его родовой признак. Это был способ выживания в 38-м: "не знаю - значит, не было". Не было лагерей, никого не сажали, если и сажали, то это были частные случаи, только в нашем доме, а в соседнем - никогда... никого... Не было 41-го года, не было Новочеркаска, не было Венгрии, Чехословакии, афганской войны...

В конце концов, обратите внимание - при всем сопротивлении средств массовой информации, активном сопротивлении, общество тем не менее внутри себя перемололо драму чеченской войны и сегодня придерживается той же самой точки зрения: "не знаю - значит, нету". Самое поразительное то, что наконец в Чечне власть сегодня уловила эту тенденцию и сделала простую вещь: из Чечни больше нет серьезной информации. А нет серьезной информации - значит, происходит только то, что нам говорят, то есть ничего драматического там не происходит: в Самашках не убивают мирных жителей, Серноводск не бомбят и так далее, и тому подобное.

Я сегодня готов разделить одну замечательную иллюзию эпохи космополитизма: страус, безусловно, родился в России, и прятанье головы в песок - это чисто российское психологическое изобретение. Поэтому-то попытки будить историческую память вызывают глубокое раздражение.

Некоторое время тому назад я попал на 95-летие известного советского драматурга. Сам по себе этот драматург - явление неординарное и любопытное. Помимо того, что он просто дожил до такого возраста, это совершенно очаровательный человек с огромным количеством знакомых и друзей, с замечательным чувством юмора, которое позволило ему ... написать все худшие советские сценарии, какие только были. На его юбилее, а проходило его 95-летие в Киноцентре, естественно, показали попури из его фильмов. Но, к

сожалению, бог меня не наградил историческим беспамятством или, во всяком случае, срок мне отмерил на это больший, чем всем остальным. Почему-то я помню, скажем, на двадцать лет назад, а другие - только на шесть или на четыре. Я смотрел и видел даже в этих фрагментах, каким чудовищным было это советское творчество. Правда, надо отметить, что все лучшие артисты в молодости прошли через эти фильмы. С третьего или четвертого отрывка начался "скандеж": народ в зале, который принадлежал, в общем, к той же группе, к которой отношу себя и я, - к группе московской интеллигенции, скандируя приветствовал каждый вновь появляющийся на экране отрывок. Оказывается, желание не иметь исторической памяти распространено отнюдь не только в рабочих кварталах или в сельской местности. Оказывается, что вот эта ностальгия по собственной молодости и по молодости людей, которые стали или были в какой-то период твоими кумирами, невероятно сильна.

Но мало этого. Ностальгия - ностальгией. Но ведь забыли уже и не хотят думать о том, чем были эти фильмы, чему они учили, к чему они призывали, кого и как, грубо говоря, на них воспитывали. И здесь возникает реальная мера вины средств массовой информации, включая кинематограф, телевидение, театр, включая что хотите.

Когда началась перестройка, и средства массовой информации тоже перестраивались на новые потребности времени, они точно так же, как и их потребители, не стали проходить через период самоочищения. Они переключились на защиту демократических ценностей непосредственно после утверждения ценностей социалистических. Вот это - самая большая беда, которая с ними произошла, потому что, не пройдя через анализ собственной вины в становлении, укреплении, царствовании и владычестве этого коммунистического менталитета, нельзя вычленишь те невозможные для воспроизведения вещи, которые нужно было уничтожить в себе, в своем творчестве, в своем способе общения с читателем, зрителем и которые не годятся для воспроизведения демократических ценностей.

Все оказались готовы к новой жизни. Первыми - средства массовой информации. И дальше происходила страшная вещь. Я это тоже только теперь понимаю: тогда я такой же был. Единственное, что я себе сам ставлю в заслугу, это то, что я в 88-м году написал статью "Не проповедь, а исповедь", где как раз об этом и шла речь. Я имел в виду не средства массовой информации, а вообще демократов, общество. Я писал о том, что общество, не пройдя через исповедь, перешло к проповеди. В

этой статье я не додумался еще до того, до чего додумался сейчас: что Марья Ивановна-то - не проповедовала, это я проповедовал сначала старые ценности, а потом - новые, сразу, без паузы.

Нам всем казалось, что, хотя мы были заложниками этого самого коммунизма, внутри у нас пела демократическая струна, которая, наконец-то, получила возможность давать резонанс. Не правда! Не было! Не пела в нас демократическая струна. Это совсем другое состояние. Тех, в ком она пела, либо сажали, либо заставляли уехать, и она в них трепетала совершенно иначе, ослабевая, лишенная резонанса. вспомните, с чем вернулись к нам такие диссиденты, как Володя Максимов. Вернулись, чтобы писать в газете "Правда". Такого нельзя себе представить. Значит, даже для него какая-то фаза в самовоспитании была пропущена. Вот это - самая большая проблема, которая мне сегодня видится.

В результате средства массовой информации вместе со всем обществом оказались беспомощны перед возникшим искушением: отсутствием осязаемой границей между правдой и ложью. Нет этой грани. Она стерлась. Я начинаю для себя анализировать, каким образом это произошло. И понимаю, что в принципе стиранием этой грани между правдой и ложью была занята вся коммунистическая пропаганда в течение 70-ти с лишним лет. Но ведь не стиралась! Почему? Да просто потому, что настолько пропаганда была сильна и навязчива, что волей или неволей у абсолютного большинства людей идиотизмом своим все равно порождала чувство протеста. А в чем заключался протест? В сохранении некоего образа своей внутренней правды. Возникла ситуация, когда было две правды: одна - для кухонь, другая - для собраний. Но что хранило эту грань? А хранил ее страх. Потому что перепутать эти две правды было чрезвычайно опасно. Те, кто выносил правду для кухонь на собрание, либо становились диссидентами и отверженными, либо вынуждены были уходить в дворники, в плотники, в лифтеры и так далее, либо были кандидатами на высылку. Те, кто когда-то правду для собраний принес к себе на кухню и укрепился в ней, до сих пор стоят на Красной площади с красными флагами. Им уже объяснить ничего нельзя. Им и не надо ничего объяснять, им надо спокойно дать дожить.

Но на самом-то деле таких людей было бы намного меньше, если бы с той же большевистской непримиримостью мы не стали утверждать демократические ценности. Вот та самая ошибка, которую допустили средства массовой информации, не пройдя через внутренний самоанализ.

Ведь неслучайно - 12-й год идет - мы все разводим руки и говорим: где информационная журналистика? Почему у нас ее нет? Оказывается, якобы эмоциональная журналистика - это и есть истинно русский подход к журналистике. Но давайте же

уясним, что эмоциональная журналистика возникает в первую очередь от лени. Для того, чтобы написать информационную статью, нужно иметь десять фактов, а для эмоциональной статьи достаточно иметь один или два, причем два - это уже почти предел.

Здесь я вернусь к двум правдам.

Мой старший сын, ему сейчас 28, в 12 лет стал задавать мне неудобные вопросы. Я вывел ребенка на улицу и, гуляя между нашим домом и домом, в котором помещалась его школа, сказал ему буквально следующее: "Сынок, ты мне начинаешь задавать вопросы, на которые я должен отвечать со всей искренностью и рассказывать вещи, которые считаются людям в твоём возрасте непонятными, и потому я их тебе и рассказывать-то не должен. Мне уклоняться не хочется, но мы должны с тобой договориться, что эти вопросы ты мне задаешь, а я на них отвечаю исключительно для внутреннего твоего и моего употребления. Ты ими не пользуешься в качестве аргументов в споре со своими учителями и не приводишь меня в качестве авторитета на пионерском сборе". Объяснив ему, почему этого не нужно делать, и таким образом воспитывая в ребенке двоедушие, я и справился со своими родительскими обязанностями.

Ребенок получился вполне приличный, ничего не могу сегодня дурного про него сказать. Правда, в достаточной мере аполитичный, занимается он экологией, а не политикой и поразил меня недавно замечательным поступком, дающим нам возможность вернуться к разговору об избирателях. Поразительно! Я вдруг выясняю у своего ребенка, что его товарищи и он писали одному политическому объединению экологическую программу. Спрашиваю: "Кому?" - "Конгрессу русских общин." - "С ума сошел! Ты вообще соображаешь?!". На что он мне говорит: "Извини меня. К нам обратились, захотели грамотно использовать наши знания. Объясни, почему я должен был им отказать? На основании твоих симпатий и антипатий?". Он прав. Это мы с вами говорим: "Будут они тебе выполнять твою программу?!". - "Но у них грамотная программа. Я ее написал и готов им помогать, если они решатся ее осуществить". В данном случае он как специалист правее меня со всеми моими эмоциями.

Стирание грани между ложью и правдой велось абсолютно сознательно. Даже те явления, которые носили общественно-демократизирующий характер, были связаны с очередной попыткой стирания этой грани. Самое очевидное: хрущевский доклад 56-го года. Казалось бы, наконец-то, прозвучало! Но весь фокус в том, что Никита Сергеевич в силу

некоторых обстоятельств объявил жертвами культа личности и тех, кто сидел, и тех, кто сажал.

Давайте вспомним, что делали и что по сию пору делают с афганской войной. Ту же самую историю пытаются сейчас сделать с чеченской войной. Абсолютно ту же самую!

Стыд как движущая сила демократии абсолютно не востребуется, стыд как побудительная сила совестливости не востребован средствами массовой информации начисто. Стыд - только как аргумент против своего соперника. Можно сказать: как вам не стыдно? В крайнем случае можно сказать: как нам не стыдно, - имея в виду все человечество, весь электорат, всю читательскую массу, всю редакцию... Как мне не стыдно? - не спрашивает почти никто! Это драма, а если хотите, - это трагедия.

На мой взгляд, этим вызвано сегодня основное большинство конфликтов и проблем между средствами массовой информации и электоратом, электоратом и политиком. Никого из электората сегодня не смущает, что им врут.

И последний аспект, пожалуй, тоже важный, если связать понятие СМИ с понятием интеллигенция. А ведь хочется связать. Что такое интеллигент? Нет такой формулы. Интеллектуал - есть, образованец - есть, а интеллигент - нет. Я себе вывел такую рабочую формулу лет 25 назад: интеллигент - это человек, в котором гуманизм шире, чем его собственные убеждения. Как только я стал этой рабочей формулой пользоваться, начались мои сомнения во Владимире Ильиче. Я стал сдуру по этой формуле проверять выдающихся политиков своего времени, а также их предшественников. И вдруг обнаружил, что Владимир Ильич к интеллигентам по этой формуле не принадлежит. Даже по тому немногому, что я знал из его собрания сочинений, уж не говорю про собрание его указов, постановлений и подписанных им различных распоряжений и приказов. Не принадлежит. То есть, по определению, политик интеллигентом быть не может.

В России существовала и существует невероятная тяга интеллигенции быть "умными евреями при генерал-губернаторе". Интеллигенция не отдает себе отчет в одной простой вещи: как "гений и злодейство", по определению Пушкина, "несовместны", точно так же интеллигент и власть - несовместны. Интеллигенция сама определением своим поставлена к любой власти в оппозицию, в том числе и к власти, вышедшей из рядов этой интеллигенции. Применительно к власти внутри себя она это понимает мгновенно: поразительно, как мы (этому наглядное свидетельство - творческие союзы), не успев выбрать самим себе председателя, начинаем этого председателя честить, винить во всех грехах, подозревать во всех тайных умыслах и так

далее. То есть в пределах собственного существования она этот инстинкт имеет, а во взаимоотношениях с властью - не имеет.

Сейчас можно быть антикоммунистом, не будучи обязательно проельцинистом. Но ведь найдутся и опять пойдут брататься в деле борьбы с коммунизмом. Не надо брататься. Единственный и действенный способ для средств массовой информации бороться с реставрацией коммунизма - это бороться с коммунизмом, а не с коммунистами, для того чтобы сделать президентом Ельцина или Черномырдина. Конкретность цели подозрительна и не внушает ни симпатии, ни доверия.

Идеальную формулу выдал господин Малашенко, может быть, не он первый это придумал, но я слышал это от него. Точно по формуле Тютчева "аршином общим не измерить": "в России тот, кто владеет средствами массовой информации, проигрывает выборы". Два раза мы имели этому наглядное доказательство. Почему третий раз надо наступать на те же самые грабли? Вот оно наглядное доказательство. Почему? - Это другой разговор. Но это так! И поэтому сегодня единственное, что могли бы сделать средства массовой информации для достижения своего демократического идеала, это научиться сдержанности. Научиться сдержанности и отсутствию, скажем так, внутреннего холуйства, внутреннего лакейства. Лакейство ведь отнюдь не только в том, как и что ты хвалишь, лакейство в том, как ты ругаешь.

**Модели успеха:
РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

**Ксения Касьянова
“РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР”:
20 ЛЕТ СПУСТЯ**

Книга К.Касьяновой о русском национальном характере (см. Касьянова К. Русский национальный характер. - М. Ин-т национальной экономики, 1994) - это размышления социолога над сравнением результатов исследования по тесту ММРІ (Миннесотский многофакторный личностный опросник) на некоторых российских выборках со средней, полученной на американских выборках. Выборки несоразмерны, но расхождения очень выразительны и не производят впечатления случайных. Интерпретация их интересна и заслуживает внимания.

Исследователь приходит к выводу, что одна из черт русского национального характера - его эпилептоидная акцентуация. (Такой прием - описание национального характера в терминах акцентуаций - применяется иногда в этнопсихологии. В частности, его использует польский ученый Кемпиньский.) Для эпилептоидного типа личности наиболее характерно сочетание долготерпения со взрывоопасностью.

По мнению автора, такая формулировка этого двуполюсного качества русского национального характера имеет чисто практическое, политическое значение. Ибо долготерпение часто обманывает (не только иностранцев, но и отечественных правителей, и отечественную интеллигенцию): русский народ считают забитым, запуганным, покорным, чуть ли не прирожденным рабом, - и, таким образом, та черта, которая отделяет русское долготерпение от русской взрывоопасности, остается незамеченной, и опасность начинает осознаваться только тогда, когда развитие событий уже нельзя остановить. А русские бунты бывают очень затяжными и разрушительными.

Кроме того, автор подчеркивает, что в эпилептоидном типе имеется склонность "к разработке детальных планов и к поэтапному неуклонному их

осуществлению. Эпилептоид, с этой точки зрения, является человеком очень организованным, очень целеустремленным и сугубо индивидуалистичным. По нашему собственному внутреннему ощущению и по наблюдениям иностранцев, - отмечает К.Касьянова, - не отличаемся мы этими чертами: ни целеустремленностью, ни индивидуалистичностью. Слабо выражена в нас та черта, которую весьма уважают американцы и называют "достижимостью" (achievement)".

В этом убеждены очень многие. Иное показал тест ММРІ - Миннесотский многофакторный личностный опросник, адаптированный к отечественным условиям. Автор отмечает: "Тест высказывает по этому поводу весьма своеобразную точку зрения: он уверяет нас, что мы лучшие achievers, чем американцы. На шкалах, связанных с achievement, наши средние своим профилем отличаются от американских средних. Мы в целом и в среднем имеем большую силу воли и большую упорядоченность, чем американцы. По "конкурентности" мы совершенно совпадаем со "средним американцем".

Однако по шкалам "целеустремленность" и "деловая установка" сопоставление тестовых показателей и независимых оценок дает странный результат: люди с наиболее сильно выраженными качествами "целеустремленности" и "деловитости" выбирают по этим шкалам наименьшее число баллов. "И что же мы видим? По "целеустремленности" и "деловой установке" мы отклоняемся по сравнению с американцами вниз, т.е. в худшую сторону".

Ниже публикуется фрагмент, содержащий гипотезу К.Касьяновой о конфигурации целе- и ценностно-рационального в русском национальном характере, и интервью автора редакторам Вестника "Этика успеха".

Люди, признаваемые по независимым от теста оценкам хорошими achievers, оказываются то вверху, то внизу, и то же происходит с теми, кого признают achievers слабыми. В общем, по всей видимости, шкала эта на нашей выборке не работает. Что же это означает? Что мы вовсе не achievers или, наоборот, сильные achievers? Ни то, ни другое. Это означает, что те качества и способы, которые предусмотрены в данной американской шкале, в нашей культуре для достижения целей являются irrelevantными. И это - самое интересное заключение, которое можно вывести из сопоставления данных.

Из всего этого вместе взятого, т.е. из анализа отклонений и высказанных по этому поводу предположений, можно попытаться весьма осторожно сформулировать гипотезу о том, что в нашей культуре существуют собственные архетипы

целеполагания и целодостижения, непохожие на западноевропейские.

Почему важно к *целодостижению* добавить в этом контексте также *целеполагание*? Потому что само *целеполагание* зависит, несомненно, от общей структуры всего комплекса целей, существующего в сознании человека. В каждой ситуации активизируются *все* цели, имеющие к ней хоть какое-то отношение, и требуя реализации, они друг друга ограничивают или, наоборот, усиливают, в общем - вступают в сложное взаимодействие друг с другом. А поведение человека в ситуации, в которой указанные цели, так сказать, "задействованы", определяется именно этим взаимодействием многих целей. А само взаимодействие протекает в зависимости от распределения "задействованных" целей по их *значимости* для данного человека.

Анализировать все детали и тонкости этого взаимодействия и взаимного расположения целей относительно друг друга невозможно сейчас за отсутствием достаточного материала. Можно высказать только обобщающее предположение, что наш соотечественник в среднем, оказавшись в ситуации действия, отдает *предпочтение действиям ценностно-рационального типа* перед целерациональными. И это обуславливает своеобразие модели целодостижения.

Поясним свое рассуждение. Типологию действий, содержащую, в частности, целе- и ценностно-рациональный типы, ввел в науку Макс Вебер. Типология Вебера содержит ряд конструктов, получивших теперь в науке название "идеальных типов", описывающих переход от действий="естественных событий" (т.е. не осуществляемых человеком преднамеренно, а как бы "случающихся" с ним) - к действиям целеустремленным, которые человек планирует, и в которые он вкладывает определенные, целенаправленные усилия. К действиям="естественным событиям" относятся действия "аффективные", совершаемые под влиянием чувства и не имеющие никакой осознанной человеком, и уж тем более заранее предусмотренной, цели. Противоположность им составляют действия "рациональные", включающие элемент намерения, расчета и цели. Между ними как промежуточное звено вклинивается тип "традиционных" действий, которые человек совершает, потому что "все так делают", "всегда так было" и "так положено". При этом он может совершенно не осознавать, "зачем это нужно" и "что из этого выйдет" (может, впрочем, и осознавать); на протекание самого действия это никак не влияет, все равно выбора у человека, по существу, нет: он должен так делать, а не иначе, - и все тут.

На самом деле в действии традиционного типа цель, конечно, есть, но она существует в нем латентно; она представляет элемент не структуры целей данного человека,

совершающего действие, а структуры целей данной культуры в целом. И тут нет никакой мистики. Культура имеет цели. Эти цели вкладываются в нее людьми. Культура должна обеспечить их совместную жизнь: налаживать коллективные действия, соотносить друг с другом их потребности и цели, строить модели взаимодействия по разным поводам и т.д.

На основе культуры традиционного типа вырабатывается сложная модель, в которой действия всех людей тщательно продуманы в деталях, предусмотрены, соотнесены друг с другом, распределены по их значимости, обязательности, показаны на примерах и закреплены в эталонах. Человеку остается только выполнять их последовательно и добросовестно. От него совершенно не требуется, чтобы он понимал что к чему. Если он все правильно выполняет, то результат получается как бы сам собой.

Не следует при этом представлять себе носителя такой культуры как человека ограниченного, покорного, готового делать то, что прикажут (социологи часто бывают не свободны от таких оценочных представлений). Человек традиционной культуры вполне может осмысливать свои действия, связывать их с теми или иными результатами, пытаться совершенствовать, но делать это он может *только через культуру*. Изменить действие можно только изменив эталоны, а это значит ввести в культуру новый элемент, что в принципе вполне возможно, но только не в момент самого действия. Действовать человек может только по общепризнанному на данный момент эталону, иначе он внесет дезорганизацию во всю совокупность действий: ведь другие ориентируют свои действия на него по общепринятой модели.

Итак, традиционное действие - уже не вполне естественное событие, которое с человеком "случается". Он может это событие предвидеть, но он не может изменить его хода. В действиях рационального типа человек имеет на выбор много способов достижения определенного результата. И сама форма результата может в значительной степени варьироваться. От человека требуется только, чтобы при постановке целей и выборе средств их достижения он соблюдал определенные *принципы*.

Рационализация представлялась Максус Веберу генеральным направлением развития человеческого общества. Один из исследователей Вебера - К.Левит - считает, что в этом термине Вебер выразил своеобразную проблематику нашей действительности. Рационализация заключается в "объективно необратимом становлении личности, ответственной за себя саму, - становлении, которое человек осуществляет собственными силами". Смысл свободы личности состоит в том, что "по отношению к этому миру она ставит собственные цели, которые

имеют своей исходной точкой не мир в целом, но саму эту личность".

По мнению другого исследователя Вебера - И.Дикмана, - "рациональность - это способ мышления, который подразумевает определенное состояние сознания, а именно: представление людей о том, что всем существующим можно овладеть посредством познания и расчета".

Итак, рациональное действие предполагает наличие в человеческом сознании представления о результате, выбор способов достижения этого результата, определенную степень знания, предвидения и расчета.

Но если человеку предоставлено ставить цель самому и самому выбирать средства, то как достигается согласованность в целом: как координируются его действия с действиями других? Посредством этики. Причем этика может быть двух видов: ограничительная и положительная. В первом случае человеку указывается, каких целей он не должен себе ставить, каких средств - не выбирать, каких последствий избегать; во втором случае ему предлагаются, так сказать, готовые способы действий, ведущие к определенным целям. Цели тогда формулируются весьма обобщенно и столь же обобщенно описываются пути к ним. И то и другое выступает в виде *ценностей*. Ценности, впрочем, руководят действием человека и в первом случае (они всегда лежат в основании целей), но там они влияют деликатно и скрытно, предоставляя субъекту большую свободу в построении планов, в разработке "дерева целей", в манипулировании средствами, - в общем, как говорится, "твори, выдумывай, пробуй".

В заключение приведем формулировку этой типологии, данную самим Вебером, с интерпретацией терминов, сделанной Т.Парсонсом: "Социальное действие, как и любое действие, детерминировано, а именно: (1) целерационально (*zweckrational*), когда существуют определенные ожидания относительно поведения объектов внешней среды, а также других лиц, и с помощью этих ожиданий осознанно оцениваются и рассчитываются "условия" и "средства", с точки зрения рационально поставленных целей; (2) ценностно-рационально (*wertrational*), когда имеется в наличии сознательное убеждение в том, что определенная линия поведения абсолютно ценна сама по себе, с точки зрения этической, эстетической, религиозной или какой-либо другой совершенно независимо от ее результатов; (3) аффективно, т.е. сильно эмоционально, окрашено аффектами, или чувствами; (4) традиционно, когда оно основано на установившейся практике". (В главе XVII "The Structure of social action" Талкотт Парсонс специально разбирает концепцию "социального действия" Макса Вебера и затрагивает проблему двух типов этики: "этики ответственности" и "этики, основанной на убежденности", которая, как мне кажется,

чрезвычайно интересна, но которую здесь рассматривать нет никакой возможности.)

Поскольку все четыре типа, как было оговорено выше, - это идеальные типы, т. е. чисто теоретические конструкты, то невозможно ожидать, что в реальности мы встретим "чистые" линии поведения, детерминированные одним каким-либо типом. Поскольку все мы - современные люди - живем в культурах, зашедших весьма далеко по пути рационализации (в веберовском смысле этого слова), то в нашем поведении широко представлены, наряду с аффективными и традиционными, также и целе- и ценностно-рациональные действия. Когда я высказываю гипотезу, что наш соотечественник предпочитает ценностно-рациональную линию поведения всем остальным, то это не означает, что он не подвержен аффектам, не ставит самостоятельно целей и не выбирает средств и т. д. Это означает только то, что ценностно-рациональное действие всегда для него *более значимо*, чем все другие. Оказавшись в ситуации, где он может определить свое действие несколькими разными способами, так сказать на выбор, он в большинстве случаев предпочтет ценностно-рациональный способ определения, т. е. ориентирует свое действие на ценность, а не на цель, поставленную им самим.

И это не потому, что он "ленив" думать, рассчитывать, не хочет рисковать, ригиден или не имеет планов, но потому, что этого от него требует культура. И чем культурнее человек, т. е. чем лучше он знает и чувствует свою культуру, тем решительнее он сделает выбор в пользу ценностно-ориентированного действия.

Все культуры в какой-то мере обязательно репрессируют действия, направленные на достижение личных целей, и поощряют действия, способствующие поддержанию социального целого, т. е. именно ценностно-рациональные модели поведения. Но в одних культурах достижение личных целей "дозволено" в большем объеме, а в других - в меньшем. Парадокс заключается в том, что именно мы, эпилептоиды, про которых психиатры говорят, что их характернейшей чертой является некоторая изолированность, углубленность в свои дела, тяготение к построению сложных и тщательно разработанных планов и преследование поставленных целей, "невзирая ни на какие препятствия", - именно мы выработали культуру, которая эти наши личные цели и планы репрессирует с особенной силой. Казалось бы, это - не для нас созданная культура, ведь она не учитывает *генотипические характеристики*. Однако, как выше указывалось, культура складывается во взаимодействии с этими характеристиками: она не есть их продолжение, но способ их адаптации к окружающей среде. Посредством такой сильной репрессии наших личных целей и планов культура *преодолеывает* нашу "некооперативность", нашу генотипичес-

кую склонность к индивидуализму и замкнутости, как говорит Кемпинский, к "определенной изолированности", и тем самым делает нас приемлемыми друг для друга, делает возможным социальное взаимодействие, коллективное действие, существование устойчивых социальных форм.

Мы выработали такую культуру, которая как бы говорит нам: "добиваться личных успехов - это не проблема, любой эпилептоид умеет это делать очень хорошо; а ты поработай на других, постарайся ради общего дела!". И культурный эпилептоид старается. Как только на горизонте появляется возможность реализации ценностно-рациональной модели, культурный эпилептоид с готовностью откладывает свои планы и всякие "житейские попечения", он чувствует, что вот наступил момент, и он может, наконец, сделать "настоящее дело", то дело, из которого лично он никакой выгоды не извлечет, - и вот это и есть в нем самое привлекательное. Никакое личное и полезное для него самого дело не делает культурный эпилептоид с таким удовольствием и запалом, с каким он осуществляет ценностно-рациональную модель, он вкладывается в нее целиком, он переживает при этом бурю эмоций, положительных и отрицательных, - это действует в нем сентимент, безошибочно указывающий на "социальный архетип", заключенный в данной ценностно-рациональной модели.

Но такое отвлечение культурного эпилептоида в ценностно-рациональную сферу, случающееся с ним довольно часто, и понижает его достижительность. Свои дела он откладывает, а ценностное действие, как правило, не завершается каким-то определенным результатом: в нем это и не предусмотрено, ведь оно - часть какой-то коллективной модели, по которой должны "продействовать" многие, прежде чем что-то получится. И оказывается наш соотечественник человеком, который вечно "суется" в какие-то чужие дела, а свои собственные не делает.

Но это только со стороны так кажется. На самом деле он занимается чрезвычайно важным, - он "устраивает" свою социальную систему в соответствии с определенными, известными ему культурными стандартами, а в хорошо отрегулированной социальной системе его собственные дела должны сами устроиться какими-то, отчасти даже таинственными и неисповедимыми, путями...

Ред. В своей книге Вы пытаетесь убедить читателя в том, что русскому национальному характеру присущ скорее тип ценностно-рационального социального действия по сравнению с целерациональным, и отражается это даже в частности русского типа социального обустройства жизненного мира. Не

изменились ли Ваши теоретические убеждения на эту тему за те 20 лет, что прошли со времени работы над книгой?

К.Касьянова. Нет, не изменились. И у меня нет такого материала, на основании которого они могли бы измениться, по которому можно было бы судить, что начинают происходить или уже произошли какие-то изменения, что я была неправа, выдвинув такой тезис. И в своем научном общении я не сталкивалась с тем, чтобы кто-то оспаривал этот тезис, ссылаясь на материалы, которые мне не известны. Ведь по этой тематике никто не ведет специального исследования.

(Уточню: не исследуется тема конфигурации ценностно-рационального и целерационального типа действия, но не вообще вопрос о русском национальном характере. Он-то как раз разрабатывается сейчас. Раньше нельзя было, поэтому мы отстали, но теперь есть люди, которые этим занимаются.)

Макс Вебер еще в начале нашего века выдвинул тезис, что процесс рационализации идет всемирно, неуклонно. Но ход его не так быстр, как бы нам этого хотелось (или, наоборот, не хотелось). Мы, конечно, подпадаем под этот общий процесс. Рационализация происходит, но она происходит как бы в другом времени. Я думаю, что современная ситуация как-то влияет на убыстрение этого процесса, но не слишком сильно, потому что другие ценностные наши приоритеты тормозят его.

У нас есть своя этническая система ценностей, которая подчеркивает высокую значимость социальных, личностных, близких отношений. Эти социальные отношения как раз не терпят рациональности, и любой человек, когда он начинает рационализировать свое поведение в этой сфере, наносит вред своим социальным связям. А мы эти связи очень любим и без них плохо себя чувствуем.

Недавно вышла книга, где подтверждается, что за последние годы в нашей стране значительно возросла смертность, взлет неожиданный, доказывается, что это повышение происходит, в частности, за счет вызванного современной ситуацией разрушения личностных отношений. Это один из факторов, причем очень сильных. Автор исследования показывает, что 50% причин прироста смертности составляют инфаркты и инсульты, то есть последствия стрессовых состояний. А именно личностные и социальные отношения близкого типа как раз и смягчают эти стрессы. И мы не зря всегда боремся за эти отношения, их бережем. Но этот тип отношений, как было сказано, не любит рациональности в поведении. Поэтому процесс рационализации, с одной стороны, убыстряется, а с другой - тормозится, как всегда и бывает в подобных тенденциях.

Ред. Вы только что сказали, что от утверждения Вебера никуда не денешься: рациональность наступает. Можете ли Вы

прокомментировать современную отечественную ситуацию с этой точки зрения?

К.Касьянова. В количественном отношении, естественно, это "замерить" нельзя. Но можно выдвинуть какие-то теоретические соображения. Поскольку личностные отношения наши тормозят рост рациональности поведения, то, может быть, рационализм быстрее возрастает во внешних сферах человеческого поведения, то есть там, где человек имеет дело с официальными органами или с "общением дальнего типа", как выражается Хайек. В этом случае возникнет, вероятно, такая концентрическая структура, в которой "близлежащие" слои отношений еще долго будут продолжать оставаться ценностно-рациональными, а внешние слои отношений, поведения человека и даже его мышления, может быть, будут становиться все более рациональными.

Когда я думаю о каких-то операциях на рынке, например, то, безусловно, это должно быть целерациональное мышление, ценностно-рациональное здесь просто неприменимо. А если я мыслю о своих знакомых, о близких друзьях, то это не должно быть целерациональное мышление, культура даже запрещает это. Но дело в том, что все эти круги до сих пор у нас в голове еще не очень отчетливо структурировались. Наши ближние отношения мы часто переносим на дальние: в отношении людей в учреждениях мы привносим личные отношения. У нас всегда на работе много личных отношений. Но такое разделение на структуры, требующие целерациональности, и структуры, требующие ценностно-рационального подхода, - постепенно происходит в массовом сознании и будет происходить. Можно ожидать повышения целерациональности, но не вообще, а в отдельных сферах, в других же этот процесс не будет заметен. Хотя человек один и тот же...

Кстати, у Вебера в его классификации традиционные отношения играют такую же большую роль, как и у нас в стране. Поэтому точнее говорить о разделении на те сферы, где преобладают традиционные и ценностно-рациональные отношения, и те сферы, где не преобладают, но увеличиваются целерациональные.

Ред. Вы случайно сказали о "традиционных" и "ценностно-рациональных" отношениях как бы через запятую, сгруппировали их, или они действительно Вам кажутся ближе друг к другу - и в оппозиции к целерациональным отношениям?

К.Касьянова. Они просто в одном пространстве находятся, в пространстве личных, семейных, дружеских отношений. Эта сфера занимает очень большое место в жизни человека вообще, а в жизни русского человека, я утверждаю, - огромное. Все наши эмигранты очень хорошо это чувствуют, когда переезжают на Запад. Такая неуловимая материя - личностные отношения, но они очень ощущаются, особенно когда их нет или они развиты не

в такой степени, как мы привыкли. Тяжело жить становится. Многие мои знакомые жаловались и знакомые моих знакомых. Один даже сказал: "Я раньше не знал, насколько я русский".

Ред. Вы сказали, что рационализация поведения, мышления происходит не быстро, но некая смиренность в голосе прозвучала, может быть, не намеренно. Так изменится ли русский национальный характер? Просто Вы пока не можете говорить, когда это произойдет, но это неотвратимо?

К.Касьянова. Я думаю, он будет меняться, конечно, и он менялся в истории. Но дело в том, что будет меняться в рамках своей логики. Наивно было бы думать, что он будет просто "заимствовать" что-то в сфере личностных черт. Заимствовать можно технику, технологию, формы организации. Хотя формы организации уже менее удобны для прямого заимствования, ибо связаны с типом социального поведения.

Кстати, веберовская концепция связана именно с техническим развитием. Вебер считает, что рационализация - это функция технического развития. Век Просвещения оставил нам в наследство представление о линейном однонаправленном всеобъемлющем прогрессе, согласно которому все нации движутся одним и тем же путем, проходя друг за другом одни и те же фазы. Отсюда убежденность в необходимости и даже неизбежности заимствования "отсталыми" нациями у "передовых" всего и вся. Заслуга Вебера в том, что он отделил сферу, в которой развитие происходит более или менее однообразно, от той, относительно которой этого сказать нельзя. Это и понятно. Вебер жил в эпоху бурного формирования в Европе национальных государств (точнее, уже во время завершения этого процесса для Западной Европы), а философия Просвещения сформировалась в эпоху донациональную.

Что касается характера, то это сложная ценностная система, которая имеет свою логику развития, поскольку она - не набор качеств, а именно система. Как таковая, она имеет свои системообразующие опоры, и эти опоры нельзя выбивать из-под нее, иначе она начнет рушиться. Разрушенная ценностная система - это страшная вещь. Это состояние, когда люди теряют цель жизни, смысл жизни...

Я думаю, что национальный характер будет развиваться вокруг своего ценностного ядра. Я писала в одной из своих статей, что, по моим представлениям, в культуре нации есть ценностное ядро и есть окружающие его оболочки, которые состоят из убеждений, мнений, норм поведения, и чем ближе они к действию, тем конкретнее и тем быстрее и легче изменяются. Внешние сферы изменяются довольно быстро, а вот ценностные структуры фактически не должны изменяться. Свое ценностное ядро этнос пронесет через всю историю. Вокруг него могут нарастать даже новые оболочки. А характер лежит где-то очень

близко к ценностному ядру, и его проявления могут меняться, но весьма медленно.

Ред. Есть ли у Вашей концепции выходы в практику, возможно ли ее прикладное значение?

К.Касьянова. Тема, которую Вы мне задали в контексте вашего проекта о феномене избирателя, ограничивает возможности концепции. Вас интересуют выборы, - как человек ведет себя на выборах, и здесь я не могу быть особенно полезна, потому что национальный характер очень слабо вербализуется и исследовать его опросными методами невозможно. Я могу человека спросить: какой у тебя характер? Он мне наплетет "семь верст до небес", но это будет никакой не характер, а его рефлексия, причем большей частью ложная. Когда он приступит к действию, то будет действовать так, как положено ему по его национальному характеру. Но это не снимается методами опроса, поэтому и сложно приблизиться к конкретике с нашими исследовательскими средствами.

Когда мы выходим на уровень практики, то можем дать совет типа: того-то не делайте, потому что это будет плохо воспринято. Но формализовать такую рекомендацию практически невозможно. И невозможно точно научно обосновать, почему "это" будет плохо воспринято.

Ред. И все-таки у Вас есть своя концепция понимания места ценностно-рационального типа в русском национальном характере. Вам трудно выступать в специализированном выпуске нашего журнала, который тематически посвящен ситуации выборов, хотя точнее - феномену российского избирателя. Но ведь нам, авторам проекта, важно не просто повлиять на эти выборы, а еще на дальнейшую жизнь, в том числе и русского избирателя, которая, наверное, будет продолжаться. Что еще Вы можете сказать нашему читателю, кроме того, что порекомендовать читать Вашу книгу?

К.Касьянова. Я могу на этот счет сказать только одно: чтобы что-то здесь понять и предложить, надо изучать стереотипы поведения людей. У нас же нет структуры, которая этим занимается. Вот Найшуль написал статью, в которой выдвинул такое предположение: существуют устоявшиеся, давнившие стереотипы отношений населения с властью, он их называет "контракты". Эти стереотипы мы, по существу, не знаем. Однако это не уровень национального характера (хотя каким-то боком они к национальному характеру относятся), а его проявление. Проявление на данном этапе, в данной сфере. Потому и стереотипы вообще изучать нельзя, а только в определенной сфере. Если Вы даете мне проблему - изучать их на электорате, то надо выделять электорат, определять границы выборного поведения людей: как они видят избираемого человека, что они в нем выделяют и так далее. Вот тогда можно что-то сказать. Для того, чтобы применить концепцию, нужен

аппарат, нужны средства на специальные исследования. У нас нет такой возможности, поэтому мы сидим тихо и смотрим, как люди выбирают. И какие-то домашние свои замечания по этому поводу строим. А больше мы ничего не можем.

Вот Чарльз Кули в книге "Социальная организация" делает интересный экскурс в сторону избирательной политики. Он, например, утверждает, что избиратель никогда не избирает программу, он всегда избирает человека и ориентируется всегда только на человека, на его личность. А уж в ситуации нашей современной российской действительности, когда и вообще-то программы всех партий абсолютно одинаковы, избиратель, естественно, может ориентироваться только на человека, только на личность того, кого выбирает: как он выглядит, как он ходит, что он говорит, кого он за волосы таскает или наоборот. Кому что нравится.

Ред. Тогда американский избиратель, европейский и российский, а тем более русский избиратель - одинаково ориентируются на личность?

К.Касьянова. Все они ориентируются на личность, но, наверное, при этом выделяют в ней разные ценностные и нравящиеся им черты.

Ред. А чем отличается наш избиратель с этой точки зрения?

К.Касьянова. Конкретно этого я не могу сказать. Но если Вы посмотрите в моей книге главу о личностном статусе, то почувствуете, насколько у нас в культуре ценен личностный статус человека, независимый от официальных структур. Наверное, в других культурах это тоже есть. Но у нас этот аспект особенно силен. Может быть, за счет развитого контекста личностных отношений. Он проявляется неожиданно, и все вокруг него организуются. Приезжает человек в какой-то город, и вдруг все на него начинают ориентироваться. Один приходит к нему, другой, ищут знакомства... Если он что-то хочет организовать, то обращается к людям, и люди делают все для него, несмотря на то, что он никаких абсолютно прав по отношению к ним не имеет. Люди свои дела откладывают, потому что личностный статус этого человека таков. Конечно, личность - это прежде всего комплекс идей, и люди на него-то и ориентируются. Даже не на сам комплекс идей, идеи они смутно представляют, но тем не менее ориентируются точно, то есть, как бы интуитивно его нащупывают. Вот этот личностный статус, авторитет, мне кажется, очень силен в нашей культуре.

А с другой стороны, у меня такое ощущение, что в настоящий момент мы очень обеднели авторитетами. У нас в стране сейчас, по существу, нет авторитетов. Это очень грустная ситуация, потому что, когда рушится официальная структура, когда обессиливает власть (что мы сейчас и имеем), вывозят на своих плечах ситуацию обычно моральные авторитеты народа.

Если есть несколько человек, которым просто верят, то они эту ситуацию и преодолевают. Но у нас нет сейчас таких людей. Раньше казалось, что есть. Но кто-то из них не вытянул, кто-то "срезался". В те времена, когда нельзя было действовать, они были авторитетами, а когда понадобилось действовать, они вели себя часто неправильно. И потеряли этот авторитет. Я не знаю, как это произошло, но произошло. Есть лидеры-организаторы (известно разделение лидеров на организационных, моральных и профессиональных), есть профессиональные лидеры, а лидеров моральных нет. А именно они и составляют самый важный слой. Моральный лидер действует в неформальных отношениях. Он не имеет никаких официальных и юридических прав, но он имеет очень сильные личные связи. Сейчас мы оказались в ситуации безавторитетной, поэтому наши выборы, с моей точки зрения, скучные.

Ред. В этом смысле они целерациональные, может быть.

К.Касьянова. Да наоборот совсем. Они какие-то бессмысленные... Цели в них есть, но они, как бы это сказать, несостоятельные: не могут быть реализованы (я имею в виду среднего избирателя, к каковым и сама отношусь).

А. А. Кабаков
**“НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ” О РОССИЙСКОМ СЛУЧАЕ
РЕЗОНАНСА ИЛИ ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

Повесть "Невозвращенец" не была предсказанием. Герой там такой странной профессии - экстраполятор. Экстраполяция в математике - это линейное продление функции, а в историческом смысле - это линейное продление, то есть просто преувеличение, тенденций настоящего в будущее.

Таким образом, это не было никаким предсказанием, это было экстраполяцией. Все, что написано в "Невозвращенце" весной 1988 года, уже тогда можно было просто увидеть в окружающей жизни. Это было совершенно очевидно для человека, который, подобно мне, постоянно ходил на первые митинги на Пушкинской, на той стороне, где теперь "Макдональдс", которого тогда и близко не было. Ходил и прислушивался по естественному любопытству, отчасти, и по журналистским обязанностям. Все было понятно. Было понятно, что, если этим людям дать свободу, хотя бы относительную, то очень скоро они схватятся за оружие. Было понятно, что схватившись за оружие, они будут драться, но не за эту свободу, а за свои представления о всеобщем счастье. Было понятно, что, как всегда, в такую драку ввяжется огромное количество просто уголовников. Короче говоря, было понятно, что малейшее послабление, как и всегда бывало в истории, в таком абсолютно несвободном обществе приведет к революции и, соответственно, к гражданской войне со всеми подробностями.

А дальше - вопрос технологии сочинительства. Видимо, не случайно несмотря на то, что я декларирую свою абсолютную враждебность к отечественному постмодернизму и неприятие его, некоторые критики все-таки и меня записывают по этому департаменту. И, в общем, если честно говорить, - правильно. Я не совпадаю с отечественным постмодернизмом по одной причине: отечественный постмодернизм - обязательно еще и "чернуха", прежде всего и во-первых - "чернуха", а уже потом - цитатность, отсутствие иерархий, использование литературы как строительного материала и так далее. Поэтому, отрицая "чернуху" нашего постмодернизма (потому что все-таки он обязательно связан либо с некрофилией, либо с копрофагией, а это совсем не общее правило для постмодернистской культуры в мире), но будучи все же в нормальном, как мне кажется, смысле постмодернистом, да и не имея, видимо, шанса быть кем-то другим просто в силу того литературного времени, в котором работаю, я для сочинения "Невозвращенца" естественным

образом использовал огромное количество литературного, а не только жизненного материала. То есть, кроме наблюдений над тем, что происходит, составивших серьезную, оказавшуюся в каком-то смысле прогностической, часть повести, были чисто литературные источники.

Во-первых, время действия - 93-й год. Это моя давняя детская любовь к "93-му году" Гюго, и я даже хотел поставить эпитафией навеки врезающуюся в меня своей многозначительной вне контекста бессмысленностью фразу из Гюго: "Никогда не кладите ключ в один карман с часами". Не поставил. Но в тексте, если кто помнит, есть ссылка на Гюго, когда один их гэбэшников говорит с героем: "Ну-да, конечно, обязательно в 93-й. Я и сам, как прочитал Гюго, так обязательно...". Так что дата возникла не случайно, но не моя вина в том, что произошло или начало происходить в 93-м году. Совпадение.

Во-вторых, для изображения революционной, а вернее, послереволюционной, времен гражданской войны, жизни в Москве, я просто воспользовался одним из, на мой взгляд, великих романов, независимо от нравственной оценки автора (к которому у меня очень неприязненное отношение, но, безусловно, я его считаю одним из самых крупных беллетристов XX века в России и автором одного из лучших романов о революции и послереволюционном времени), - я имею в виду "Хождение по мукам" Алексея Толстого. Скорее этот роман для меня литературная история катастрофы, чем "Доктор Живаго". И просто картинку оттуда я перенес в 1993 год, в новое время, в новые реалии.

Плюс к этому была еще отдельная составная часть, потому что, как у всякой "серьезной работы", например, у марксизма, у этого сочинения есть "три источника и три составные части". Наблюдение за митингами первых лет перестройки на Пушкинской площади - раз, чтение книг о революциях - два и реальный опыт вербовки меня в осведомители КГБ, предпринятой впервые тоже в разгар перестройки в 87-88 году - три. Что касается гэбэшников, то они описаны с портретным сходством, а имена и отчества их просто изменены крест-накрест, так что, думаю, эти ребята были начальниками узнаны, и, боюсь, получили взыскания, - шума же было много. А дальше - читайте повесть, там все написано, но с небольшим гротеском, с некоторой фантазией, которая тоже мне всегда свойственна, как и использование литературных материалов. Я глубоко убежден, что под поверхностью жизни идет некоторая фантазмагорическая, сверхъестественная жизнь.

В течение зимы 87-го - начала весны 88-го года они так, как там описано, сначала приходили в редакцию, где я тогда работал, потом назначали встречу в гостинице, у них был явочный номер в "Центральной". Я приходил, руководствуясь в

поведении правилами еще одного, не любимого мной (но я его считаю гениальным) литературного героя - Швейка, строил из себя дурачка, хотя, надо сказать, не без страха. Конечно, к этому времени я уже меньше боялся чего бы то ни было, имея опыт подпольного писания, правда, без попыток публикации, но вполне антисоветского.

Я слушал, что они мне говорят, а говорили они мне: "Мы же вам не предлагаем стучать на своих, но иностранцев в вашем окружении много...". А к тому времени я первый раз съездил на Запад (меня впервые выпустили с женой в гости во Францию). "Вот во Франции вы встречались...". - "Да-да, конечно, ему 97 лет...". - "Да нет, там же был еще...". Я не очень понимал, что они имеют в виду, я там довольно много, действительно, общался с первой эмиграцией, и с собственно первыми, которые еще были живы, и с их потомками. "А вот в вашем окружении есть...". - "Наверное...". - "Ну, и что?". - "Да... не знаю... конечно, я могу прислушаться...". Так я с ними встречался, наверное, раза четыре. Естественно, ничего не подписывал. А на пятый раз я сказал: "Ребята, к сожалению, все-таки у нас не получается, не выйдет ничего, не смогу я с вами сотрудничать. Я вот сейчас в отпуск уезжаю и там обо всем этом и о вас напишу повесть...". У них вытянулись рожи.

Я действительно уехал и за две недели написал эти три с небольшим печатных листа. Собственно, ни из чего больше повесть не состояла, и побудительным мотивом для ее написания было сведение счетов с любимой мною конторой. А надо сказать, что КГБ я не любил и не люблю больше всех институтов советской власти, во всяком случае, больше, чем ЦК, даже больше, чем комсомол, хотя в определенном смысле, в смысле кадров, КГБ и комсомол были одно и то же. Я считал и считаю, что ЦК КПСС был просто политотделом КГБ (как во всякой военной организации при советской власти был политотдел), а не КГБ был вооруженным отрядом советской власти. Считаю до сих пор, что КГБ - тайная полиция наша - составляет самую большую угрозу человечеству. Считал и считаю, что все разговоры о "сторонниках перестройки в КГБ" - это все... Может быть, там и были сторонники перестройки вот в таком смысле: когда они сообразили, что это все равно рухнет, может быть, и решили сделать так, чтобы рухнуло самым чудовищным образом. Популярное обвинение в адрес советской интеллигенции в "КГБ-боязни", видимо, ко мне относится в полной мере, но я стою на своем, как всякий, имеющий манию. Глубоко убежден, что это самый страшный, самый эффективный и, может быть, единственный эффективно, прилично работавший и работающий из институтов коммунизма.

Вот, собственно, из чего получился "Невозвращенец". Я хотел с ними поквитаться хотя бы на бумаге - поквитался, выставив их смешными, глупыми и страшными одновременно,

как мне кажется. А прогностическая часть была приписана, потому что это должно было происходить на каком-то фоне, должен быть дан какой-то сюжет. Вот, собственно, и все.

Все дальнейшее, все совпадения, которые возникли, это уже ко мне не относится. А совпадений много, и они меня, кстати, гораздо больше интересуют, чем просто совпадения в политической ситуации. Совпадения были вплоть до фамилий и сроков включительно, но это касается и некоторых других моих сочинений...

Я уже приводил такой пример. Когда сочинитель придумывает, допустим, сцену семейного скандала, то к нему никто не приходит через месяц после публикации и не говорит: "Слушай, я вчера поссорился с женой, - как ты угадал! Все шло по такому точно сценарию. Даже некоторые слова те же самые!" На это сочинитель скажет: "Это потому, что я и сам ссорился с женой, и за стеной у меня ссорятся. Я знаю, как это бывает в жизни. Я это наблюдал!" Ему не говорят, что он - пророк. Просто наблюдательный человек.

Без наблюдательности литература не может существовать вообще, как мне кажется, разве что философский роман... Я просто наблюдал то, что происходило вокруг. Это происходило и развивалось потом по законам именно экстраполяции, то есть тенденции не искажались, не видоизменялись, а развивались линейно, - так пошла жизнь. Но эти претензии - уже к Горбачеву, Ельцину, КГБ, я не несу за это ответственности. Я просто описал несколько преувеличенно то, что видел вокруг. То, что существовало в 88-м году, точно так же было похоже на то, что я написал в "Невозвращенце", как кагэбэшники, которые меня вербовали, похожи на кагэбэшников в "Невозвращенце". Некоторое преувеличение, некоторое доведение до абсурда, до края, но не более того. Не было попытки предсказать, сознательно что-то предугадать.

Похожи ли жизнь и люди, которые теперь нас окружают, на то, что было придумано в "Невозвращенце"? Считаю, что "Невозвращенца" и того человека, который в нем придуман, мы уже "проехали". Мы уже за "Невозвращенцем". Недаром действие происходит в 93-м году, а не в 96-м. Мы сейчас живем в другом времени. Мы сейчас дальше от той ситуации, возникающей сразу же после революции и начала гражданской войны, которая описана в "Невозвращенце". После "Невозвращенца" у меня вышло три романа: "Сочинитель", "Самозванец" и "Последний герой". В "Сочинителе" и "Самозванце" тоже довольно сильные политические линии (хотя еще более сильные лирические). Там тоже есть прогнозы, и уже к ним нужно предъявлять спрос за то, что происходило после "Невозвращенца".

"Сочинитель" был опубликован в "Искусстве кино", если не ошибаюсь, в июле, августе и сентябре 1991 года. Когда

вышли 7-ой и 8-ой номера, начались события августа 91-го года. 20 августа ко мне приехали ребята из "Взгляда" брать интервью. Я тогда сказал, что хлопцы, которые все затеяли, зря так поторопились, им надо было подождать до выхода 9-го номера "Искусства кино", - тогда бы они знали, что для них это кончится не лучшим образом. В этом романе тоже 8 человек - гэбэшник, армейский генерал, комсомолец... - затевают отстранение президента, причем с целью не убить его, а напугать, он сам потом все сделает... А кончается тем, что их всех "мочат", причем первым - лысого.

20-го утром я для "Либерасьон" сделал маленькую заметку "Мятеж серых клоунов", где написал, что дня через два-три все это кончится, ничего страшного не произойдет, и мы тогда узнаем, как все это затевалось. Правда, я ошибся, до конца узнать ничего вообще невозможно при жизни участников... А потом - тем более.... Но должен сказать, когда Пуго - единственного лысого в этой компании - убили выстрелом в голову, как и в "Сочинителе", хотя и при других нескольких обстоятельствах (не суть важно), я несколько даже испугался. Очень многое совпадало.

В "Самозванце" политический сюжет состоит в том, что ищут за границей "золото партии" (невнятно все это сказано), причем ищет как бы интеллигенция, как бы либеральная, как бы демократическая, - те самые, которые превратились в ... А заканчивается все это тем, что, пока герои находились за границей, в России сместили либерального премьер-министра, пошли демонстрации с красными флагами, и новый премьер говорит: "Мы теперь возвращаем золото партии, повысим зарплаты..." . "Самозванец" вышел в декабре 1992 года, когда сместили Гайдара. Более того, этот номер мне принесли в день его смещения. Так что опять кое-что совпало.

Я думаю, что эти совпадения - просто наблюдательность и некоторый опыт политического журналиста.

Меня гораздо больше пугают совпадения фамилий или, допустим, совпадения моей собственной жизни, которые начинаются после того, как я опишу события жизни своего лирического героя. Но, с другой стороны, это меня как бы и утешает, потому что глубоко убежден: если что-то и делает литературу литературой и отличает ее от графоманского изделия, так это некоторая ее мистическая составляющая, мистическая и магическая. То есть литература таинственным образом связана с жизнью и таинственным образом сама провоцирует жизнь. Если это есть, если это мне не кажется, то я - не графоман, хотя меня так уже характеризовали.

Таким образом, сейчас мы живем после "Невозвращенца". Скорее всего, - и после "Сочинителя", естественно, в какой-то степени уже и после "Самозванца", но - до "Последнего героя". Там политический сюжет выделен в особую часть,

которая называется "Ад по имени Рай". Мы живем (если брать на себя смелость говорить так о своих же сочинениях) в самом начале процесса, который может привести Россию к состоянию, изображенному во второй части "Последнего героя". Конечно, надо учитывать, что моя литература - это всегда преувеличение, доведение до точки, до края. Там описана Россия сытая, скучная, политически корректная, в общем, как Америка сейчас, - что очень противно, на мой взгляд. А с другой стороны, она ведет по окраинам непрерывную такую Чечню - войну со всеми. О которой никто не знает.

Я думаю, если внимательно посмотреть на строящиеся сейчас в Москве деловые билдинги, реставрирующиеся в центральных переулках особняки, некоторые магазины, рестораны, то можно представить себе: продлевая эту тенденцию (экстраполяция остается методом), мы движемся в американскую сторону. А в то же время - Чечне конца нет, и никто не поручится, что завтра какой-нибудь Зюганов - не Зюганов, думские коммунисты - не коммунисты, кто-нибудь не примет решение о воссоздании Союза, причем не шизофреническом, в их умах, а путем реального восстановления, - и войска двинутся, кроме Чечни, в Крым, к примеру, не знаю еще куда. Сейчас уже очевидно, что это тоже может быть. Так что мы живем, может быть, в начале "Последнего героя", а не по "Невозвращенцу".

Выдумать человек ничего не может. Всех героев своих книг любой автор выдумывает из себя, потому что никого, кроме себя, ни один человек не знает. Все разговоры о знании людей, опыте, который помогает знать, - чепуха, просто человек о себе думает в течение всей жизни. И если он себя считает одним из людей и судит о людях по себе, и если удачно судит, если он действительно похож на многих людей, а не абсолютный монстр, то он и героев своих, распределяя среди них свои качества, делает более или менее похожими на людей. А что касается внешних примет, биографии, то я их тоже не придумываю, а беру из окружения. Как же можно не узнать своих героев в окружающих, если с этих окружающих ты их и срисовывал?

В "Невозвращенце" гэдэшники - никуда не делись: кто в Чечне воюет, кто здесь работает, кто в коммерческих банках служит - все нормально. А вечный мой лирический герой, кочующий под разными именами из книги в книгу, - интеллигент, но не желающий быть киселем, пытающийся быть "крутым", - за ним мне тоже не надо далеко ходить.

Женщины, которые все в большей степени населяют мои сочинения, - они тоже из меня. Вообще соблазнительно повторить "Эмма - это я", но что касается моих сочинений, это особенно правильно, потому что кто-то из критиков заметил: многие мои женщины обладают очень женственным, но, в то же время, в чем-то мужским характером. А, между прочим, очень

женственный, но в чем-то мужской характер, это, как правило, - характер сочинителя. Как говорит Сережа Каледин, "все мы полубабы", имея в виду именно сочинителей. Эта профессия культивирует женские свойства - интуицию, например. А с другой стороны, тот круг женщин, в котором я живу, - эта московская советская интеллигенция, та, которую Солженицын назвал "образованщиной", ее женская часть, мои читательницы, так будем говорить, - "сильно женственны", но и сильно маскулинизированы.

Я живу среди героев своих книг, - то есть, среди себя, прежде всего. Черт его знает, какое дать определение - "неосоветский человек" или "постсоветский человек", - они очень условные. Я не совсем даже понимаю, что это значит. Давайте так скажем: значительная часть живущих сейчас людей, те, которые полностью сформировались при советской власти, - это нормальные советские люди, не "пост-", не "нео-". И, как все советские люди, они могут иметь два знака: "советский" и "антисоветский". Эти два знака пометили всю советскую литературу и людей тоже. Я, например, считаю себя советским-"антисоветским" человеком. Я в такой же степени советский, как какой-нибудь Лукьянов, только он был советский-"советский", а я советский-"антисоветский".

В наибольшей степени это связано с частью биографии, прожитой при советской власти. Функционер ЦК или даже райкома партии, или санитар тюремной психушки, или офицер конвойных войск, или секретарь комитета комсомола крупного института и так далее, и так далее, - это одна биография. Совершенно другая биография у человека, который никогда не был членом партии, из всех общественных организаций, после того, как исключили из комсомола, входил только в джаз-клуб. Понятно, откуда сейчас происходят советские-"советские" и советские-"антисоветские" люди. Это одна категория. Это люди, которые взрослыми прибыли в 85-й - 86-й год.

Совсем другая категория людей - водораздел здесь проходит по возрасту - те, для которых некоторые данности перестройки и даже постперестройки сами собой разумеются, которые другой жизни не знают. Они могут быть разные. Это может быть и интеллигенция, молодая, очень молодая интеллигенция. Она, к сожалению для меня, ничем не отличается от западной - молодой и немолодой, потому что они тоже выросли в условиях, близких западным, и они такие же. Как правило, левых убеждений, как правило, жизнь воспринимают, как некоторую игру идей. Будем говорить, - это постмодернистское поколение. Для них непонятно, что вопрос о результатах выборов этого лета, - это вопрос об их же, в числе прочих, существовании. Им кажется, что это вопрос чисто политический. Они, как правило, вне идеологии или воспринимают ее как некоторую игру ума, а не реальную силу.

Они совсем не отличаются от своих сверстников в Америке или в Германии. То, что я слышал от некоторых наиболее образованных молодых коллег, - это то же самое, что я слышал в западных университетах. В западных университетах к концу лекции меня обязательно освистывали, потому что живого правого они видеть не хотят.

Другая категория молодых людей - это люди, не осмысливающие жизнь, неинтеллигентные, которые просто выросли в условиях абсолютной свободы, не облагороженной реально действующими в жизни христианскими ценностями, то есть в условиях криминальной свободы, анархии. Тоже понятно, кто это.

Кстати сказать, им есть эквиваленты и в старшем, советском поколении. Это чистой воды бывшие функционеры коммунистического строя, которые признавали в действительности только средства и возможности для извлечения собственной выгоды, по сути дела, криминальным, мафиозным способом. И нынешние так называемые "новые русские" (некоторые из них) - ничем не отличаются по психологии от комсомольских секретарей 70-х: и вкус очень похож, и манеры поведения. Это прямая линия.

Поэтому не "постсоветские" и не "неосоветские", а советские и несоветские люди. Старшее поколение - советское с двумя знаками, младшее поколение - совсем не советское, но не с двумя знаками, а с двумя культурами: нормальная западная либерально-интеллигентская и криминально-анархическая. В каком-то смысле они смыкаются, потому что либеральная интеллигентская культура на Западе, в смысле многих политических идей и идеологии, очень близка к анархизму, но культурному.

Вот в такой ситуации, если говорить о социальной психологии, сейчас мы живем. Я не склонен все увязывать с "Невозвращенцем". Понимаю, что за практический успех этой маленькой повести всю жизнь должен платить щелчками по самолюбию: буду всегда оставаться автором одной книги. Но уж сейчас точно "Невозвращенец" ни при чем, - мы живем совсем в другое время.

Что еще можно сказать через восемь лет после того, как я сочинил эту повесть? Ведь в "Невозвращенце" тогда, да и сейчас (если кто-то перечитывает, хотя сейчас, мне кажется, это глупо), вычитывают то, что больше всего впечатляет: картинки послереволюционной анархии, гражданской войны, совпадения. На самом деле там есть довольно важный эпизод, когда экстраполятор встречает так называемого экстраполятора "оттуда", о котором его предупреждали гэбэшники, и они ведут короткий философско-политический спор. Герой говорит: "А что было делать? Была раковая опухоль, никакое лечение уже было невозможно, был единственный способ устранить ее -

хирургическим путем, пошли метастазы...", - имея в виду демократическую революцию, которая произошла, и гражданскую войну, как после всякой революции. На что экстраполятор "оттуда", то есть как бы с Запада, говорит: "Но почему же у вас вместо социальной терапии всегда социальная хирургия, причем полевая хирургия - кровь, ошметки мяса, никакого наркоза. Там десятилетиями бастуют, а здесь сразу начинают друг другу морду бить...". Это очень важный спор, и надо сказать, что замечен он был, и вообще эта тенденция в повести, только одним рецензентом, причем совсем недавно, чуть ли не в прошлом году, это было опубликовано в журнале "Век XX и мир". Рецензент написал, что наши радикал-демократы считали автора "Невозвращенца" как бы своим, а он совсем им не свой, он - консерватор, что и декларирует постоянно (я, действительно, декларирую постоянно, что я консерватор и контрреволюционер по отношению к любой революции, какие бы благие цели она не преследовала), и напрямую указывает, что радикально внедрять демократию в нашу жизнь не нужно было, что это - ужас, что это и привело...

Может быть, единственное и самое главное, что было в "Невозвращенце" и что остается справедливым до сих пор: радикализм нигде до добра не доводил и не доводит. В нашей стране - в особенности, потому что радикализм политический и идеологический здесь накладывается на радикализм национального характера. И это привело к тому, что не могли остановиться в феврале 17-го года, это приводит к тому, что всюду социал-демократия, а у нас - коммунизм, всюду деколонизация, а у нас - Чечня, и т.д., и т.д. Деколонизация шла тяжело всюду, но у нас-то это... Радикализм национального характера входит как бы в резонанс с радикализмом революционных идей.

Эта составляющая "Невозвращенца" - более длительного действия, чем просто картинки, совпадающие с жизнью.

Ю. А. Левада

**СУДЬБА “ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОГО”.
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

Оглядываясь назад, видишь, что в далеком 1989-м, когда начинали программу исследований "Советский человек", мы порой упрощали предмет изучения и всю проблему. Когда книга по итогам первого этапа готовилась к печати (в бурном 1991-м), как мне представляется, некоторые упрощенные положения удалось преодолеть. Когда сейчас занимаемся анализом материалов второй волны исследования и - надеюсь - выходим на новую совместную книгу, опять многое в интересующем нас персонаже представляется более сложным, менее подвижным или более стабильным, чем ожидалось.

Проблема "разгосударствления"

За последние годы мы видим разные стороны этого процесса. Государство наше действительно утратило былое могущество и возможность (да и стремление) вмешиваться во все человеческие дела, регулировать личную жизнь, сознание, вкусы и пр. Да и границы государственности - как она традиционно у нас выступала - оказались размытыми: значительно слабее фактор изолированности от внешнего мира и, пожалуй, еще слабее фактор всеобщего угнетающего страха, в том числе страха остаться в одиночестве, в меньшинстве, лишиться социального одобрения и пр.

Не менее очевидна утрата *ореола* государственного всемогущества - этой центральной идеологемы существования "государственного человека" советского образца. Если же рассматривать изменения со стороны человека, то ясно, что люди обрели новые возможности - потребительского, политического, идеологического выбора, мобильности между государственным и частным секторами экономики, образования, обслуживания, зарубежных поездок и т.д. Но утрата патерналистских функций государства воспринимается гораздо сильнее, тем более, что обретение новых возможностей - удел немногих, примерно 10% преимущественно городских жителей, а потери общезначимы. Кроме того, и сам набор новых возможностей, и способы их реализации весьма ограничены. Поэтому наиболее распространенные чувства связаны не столько с приобретениями, сколько с потерями - государственных гарантий, чувства стабильности, отсюда и уверенности в ближайшем будущем. Эти потери оказываются даже более чувствительными для

большинства, чем относительное и абсолютное падение жизненного уровня.

Если же обратиться к показателям перемен изучаемого пятилетия, то самым поразительным кажется то, что значительно чаще стали упоминать проблему достатка наиболее зажиточные.

"ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ ЧЕЛОВЕКУ"
(в %% от числа опрошенных)

	"материального достатка"	
	1989	1994
Низкий душевой доход	57	60
Средний	51	52
Высокий	45	56 (!)

Итак, самые богатые стали самыми обделенными в материальном достатке. Объяснить это можно известным в социологии "правилом Матфея": запросы растут прежде всего у имущих (не только в сфере материальных благ).

Другой парадокс, из того же ряда сопоставлений двух опросов, касается проблемы недостатка уверенности в себе. На первый взгляд кажется понятным, что за пять лет люди стали чаще упоминать об этом (14% - в 1989 и 25% - в 1994), что легко связать с дестабилизацией общества. Но дело в том, что наименее уверенными выступают в первую очередь опять-таки не социально слабые, а социально наиболее сильные - молодые, высокообразованные, городские. Более того: сторонники продолжения экономической реформы и развития предпринимательства оказываются менее уверенными в себе, чем сторонники прекращения реформ и возврата к положению "до 1985 года". Например, из числа одобряющих такой возврат не уверены в себе 20%, из неодобряющих - 30%. Из тех, кто не может приспособиться к новым условиям, отмечают недостаток уверенности 24%, а из нашедших новые возможности для самореализации - 30%, и т.д. Получается, что неуверенность в себе в большей мере присуща носителям новых (для данного общества) ценностей, тогда как традиционный тип человека, не знающего сомнений и альтернатив, предстает более уверенным в себе.

Исследования по программе "советского человека" 1989--1994 годов показали, насколько разнятся, например, идеологическое восприятие лозунга частной собственности в конце 80-х годов и практическое отношение к реальности такой собственности в середине 90-х. Можно добавить к этому соображения, связанные с более новым материалом - оценками

частной собственности на землю. По данным осени 1995 г. в крупных городах население позитивно оценивает этот институт, но в малых городах и особенно в сельской местности - негативно (в итоге преобладает отрицательное отношение). Как мне представляется, здесь опять-таки сталкиваются установки идеологического порядка ("городские", демократические) и практические возможности реализации права частной собственности в селе при наличных проблемах с техникой, горючим, рынками сбыта и т.д.; к тому же продолжается давление "колхозной среды обитания". Результат - трудное и долгое прощание с комплексом зависимости, "государственности" человека.

Параметры этого процесса видны в конфликтах вокруг концепций стабилизационной и популистской экономической политики. И в массовом отношении к этим концепциям.

Но все же прощание происходит. Человек, брошенный в воду, вынужден научиться плавать, у него нет другого шанса на выживание. Опросы показывают, что люди - а особенно наиболее активная, молодая, образованная, урбанизованная часть населения - значительно чаще декларируют опору на собственные силы. Новые поколения менее ощущают себя "государственной принадлежностью", и это важнейшая опора для формирования новых социокультурных рамок их действий.

Двойственная структура сознания

Важность феномена *двоемыслия* для понимания монолитного тоталитарного общества признана давно, подтверждается она и данными, полученными по программе "Советский человек".

Неверно было отождествлять двоемыслие с простым лицемерием. Ситуация "лицемерия" предполагает наличие некоторой нормативной одномерности: существует *одна* универсальная система ценностей, которая в "правильном" варианте поведения соблюдается, в "неправильном" - нарушается. Но это и есть экстремальная, вырожденная ситуация, в которой как действующему субъекту, так и наблюдателю "все ясно". В гораздо более распространенных ситуациях действуют одновременно две или более нормативные системы или, скажем, разные системы отсчета нормативных оценок (например, "правильное для своих" и "для чужих"). Здесь нет единой точки отсчета, а потому и различения "правильного" и "неправильного" ("честного" и "нечестного" и т.п.); в терминологии структурного функционализма такие нормативные системы относятся к партикуляристским. В игровой модели социального действия это может быть представлено как многообразие ролевых предписаний и масок. В ней не бывает проблемы истинного, но существуют проблемы требуемого и допустимого ("как надо") в рамках данной ролевой модели.

Причем взаимодействие и взаимодополнение различных нормативных систем выполняют определенные значимые функции для субъекта, обеспечивая приспособление, самосохранение, приватность и т.д.

Практически во всяком множестве взаимодействующих нормативных систем можно обнаружить устойчивые парные или двоичные сочетания. Так образуются сопряжения "официальных" - "неофициальных", "внутренних" - "внешних", "праздничных" - "будничных" правил поведения. В каждом из них различные зоны допустимого и недопустимого не просто сосуществуют, но подкрепляют друг друга, не могут работать друг без друга. Если в традиционных, как иногда говорят, обществах нормативные разграничения жестко заданы ("что дозволено Юпитеру..."), то в современных общественных системах такие жесткие разделители вытеснены на обочину, в специфически маргинальные сферы деятельности, явно ориентированные на "чужих" (разведка, дипломатия и т.п.).

В советском обществе, которое возвело на пьедестал принцип вседозволенности ради высшей цели (а практически - ради сохранения позиций постреволюционной элиты), разграничение разных систем "должного" стало таким же универсальным и обязательным, как дифференциация привилегий, в том числе на информацию. И столь же подкрепленным механизмами принуждения и принудительно формируемого единомыслия (единодушные одобрения-осуждения...). В этих условиях диктатура двоемыслия превращается в тотальную и ничем не ограниченную: закрепляется всеобщая уверенность в том, что единственно возможным является разграничение сферы официально предписанного (поступать, говорить, думать "как надо") и сферы допустимого или терпимого, которую весьма условно можно назвать "приватной". Это разграничение воспроизводится на разных уровнях - от семьи и школы до художественной литературы, прессы и "большой" политики. Везде противопоставляются и дополняют друг друга "малая" правда и "большая" правда.

Важно учитывать, что это положение держалось не только на страхе или иллюзиях; в определенном смысле оно *устраивало* и официальную, и "приватную" стороны. Видимость всеобщей поддержки сохранялась, в значительной мере, благодаря сохранению некоторой зоны официального безразличия, - с не очень определенными, неустойчивыми, но все же реальными границами. И в то же время - нравственно *разлагало* обе стороны. Кризис советского общества выступил - еще в 60-х-70-х - как кризис элитарных слоев и структур, а уже потом перекинулся на их массовые опоры.

В исследовании 1989 года только 17% опрошенных ответили, что им никогда не приходилось "поступать вопреки тому, что они считали правильным, справедливым", но только

6% утверждали, что "так приходится жить постоянно". Остальные оправдываются ссылками на давление начальства, семьи, на "пользу дела", на собственную слабость, на страх за близких. Причем "давление начальства" чаще упоминают опрошенные из числа руководителей и специалистов (21% при 16% - среди прочих категорий), высокообразованные чаще, чем малообразованные (соответственно, 24% и 13%). Элитарные слои прежде всего проходили "школу двоемыслия" и прежде других начали - или попытались - ее осуждать.

Согласно тому же опросу, 61% имеющих высшее образование (и 30% не имеющих образования среднего) относили к самым неприятным занятиям "убеждать других в том, во что сам не верю". Следует подчеркнуть, что это пример самокритики задним числом, столь характерной для ранней поры перестройки, к которой относится первое исследование "человека советского" образца 1989 года. Модель классического советского двоемыслия казалась в эти годы опрокинутой и сравнительно легко ушедшей в прошлое. Как сейчас видно, трансформации оказались более сложными. Модель держалась на страхе, привычке, отчасти - на иллюзиях. Когда развеялся страх, остались и привычка жить по "двойному стандарту", и иллюзии относительно его полезности; правда, претерпели изменения предметные компоненты.

Иллюзия "общей идеи"

Сама по себе идея "общей идеи" - это, по-моему, один из самых навязчивых *фантомов*, присущих нашему национальному сознанию на протяжении последних полутора столетий. В более широком плане (для нового времени) представление о сверхценности или сверхзадаче - это повсеместный, "нормальный" атрибут обществ, проходящих фазу поздней модернизации или попадающих в экстремальную ситуацию предельного конфликта. Ситуации такого типа стимулируют формирование унифицирующих идеологических комплексов ("догнать", "выжить", "победить") - обычно кратковременных, влияющих скорее на активистские элиты, чем на массу населения. Религиозные (ревивалистские) и социально-утопические движения XIX-XX веков оставались акциями избранных, организованных и индоктринированных групп.

Ни в одном из периодов отечественной истории нового времени не удается обнаружить какую-то единую универсально-значимую символическую структуру, которая исполняла бы интегрирующие и целеполагающие функции. Российское православие в плане его воздействия на общество в лучшем случае можно представить как фактор ритуально-стабилизирующий. Советская официальная идеология даже в лучшие свои времена стимулировала часть правящей элиты и служила неким

прикрытием циничного державного прагматизма для остальной ее части. Общей *идеи* не существовало, но *фантом* "общей идеи" (воплощенный в формулах типа "все силы на выполнение пятилетнего плана", "жила бы страна родная..." и т.п.) являлся составной частью идеологической структуры общества *мобилизационного* типа. На деле в таком обществе действует единая ось мобилизации общественной поддержки властвующих структур, централизованная пирамида индоктринации и принуждения, в том числе с помощью средств устрашения. Система в принципе исключает плюрализм, поэтому даже оппозиция принимает облик уклонения от обязательного образца или попытку заменить его другим, столь же монолитным и общеобязательным. Это относится, между прочим, практически ко всем нашим *нонконформистским*, *диссидентским* и *революционно-отрицающим* движениям или попыткам. Отсюда же, как мне представляется, и довольно распространенная ныне (не в массе, а в элитарных структурах) надежда на появление спасительной "общей идеи", которая могла бы служить средством универсальной мобилизации.

Между тем современные развитые общества ничего подобного не знают и не ожидают. Институционализированные идеологии либерализма и различные их производные, равно как и современное наследие христианской цивилизации, не нуждаются в фантомах массового фанатизма и в обычных условиях не форсируют развитие последних. (Проблему исламского фундаментализма вынесем в данном случае за рамки обсуждения.) Либеральная цивилизация переносит целеполагание и ответственность на уровень индивида и оставляет за социальным уровнем функции определения нормативных рамок.

В современной российской ситуации частичная реставрация ритуально-православного комплекса, с одной стороны, с другой - распространение либерально-"западнических" ценностей создают определенные подвижки на поведенческом и символическом уровнях, но в общем, скорее, стимулируют дальнейшую деидеологизацию общества. Противоположные тенденции носят скорее периферийный, маргинальный характер.

Опросы устойчиво - все последние годы - показывают, что наиболее широко поддерживаемыми лозунгами в современном российском постсоветском обществе являются "стабильность", "порядок", "законность", - разному толкуемые в различных политических ориентациях. Общий статус лозунгов такого порядка - протест против наличного (иногда и преувеличенного) беспорядка, хаоса, неуверенности. Значительная часть населения видит в "старом режиме" ("до 1985 года") прежде всего воплощение какой-то стабильности и уверенности в завтрашнем дне; с этим в большой мере связана

потенциальная поддержка кандидатов от компартии на выборах 1995-1996 гг. Лозунг стабильности при наличных условиях носит скорее ситуативный, чем ценностный характер, не имеет - и не может иметь - сверхценностного статуса "общей идеи".

Что такое сегодня "простой советский человек"?

Напомню некоторые исходные посылки концепции. Авторы книги "Советский простой человек" имели в виду не конкретную особь, а идеальный тип, притом собирательный, т.е. некоторое распределение социальных характеров в социальной системе общества. Сейчас не подлежит сомнению, что за пять лет нельзя было ожидать фундаментальной трансформации общественного сознания, в том числе - и даже тем более - на уровне социальной личности, антропологического "материала" общества.

Ситуация глубокого общественного перелома, которую уже десять лет переживает общество, ранее именовавшееся советским, не столько формирует новые, не существовавшие ранее ориентиры и рамки общественного сознания, сколько обнаруживает, выводит на поверхность его скрытые структуры и механизмы. Причем в сломанном, дефектном состоянии, - именно это и фиксируется в не очень точной, приблизительной терминологии "постсоветского" или "посткоммунистического" периода, общества, человека. Этим отмечается несформированность, переходность существующих структур на всех их уровнях.

Если прибегать к понятию (метафоре) культурно-символического "кода", то можно сказать, что мы обнаруживаем расшатанный, отчасти разрушенный, механизм воспроизводства ценностной системы общества, но не какой-то новый код.

Изменились, например, структура и функции элитарных групп, а также и механизм их формирования. Собственно, впервые сформировалось многообразие элит (экономических, политических, лоббистских, локальных). Даже если "персональный состав" элитарных групп сохраняет преемственность - что неизбежно, - характер легитимации и способы влияния этих групп изменяются. Ориентации достижения и ситуативные отношения вытесняют традиционные механизмы иерархической лояльности. Проще говоря, не столько верность, сколько ловкость и поддержка нынешних выдвиженцев определяют перспективы карьеры.

Другой из новых проблемных узлов - идентификация постсоветского человека. Вынужденное разрушение "великосоветской" идентичности при слабости механизмов личностной идентичности и ответственности порождает фрустрацию. В то же время тенденции экономического кризиса ведут к усилению

зависимости работника от локальных и производственных единиц.

О бинарной структуре сознания ("двоемыслие") уже говорилось. Сейчас это также один из механизмов адаптации человека к ценностно-неприемлемой ситуации.

И, наконец, проблема изолированности, а точнее, даже противопоставленности постсоветского человека "чужим". Свобода общения не сломала барьеров социокультурного изоляционизма, в том числе на уровне человека, они остаются важным фактором его самосохранения.

Биография побед и поражений: МОЙ ИЗБИРАТЕЛЬ

Л. А. Радзиховский ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ

Я два раза проходил через лабиринт выборов - в 1993 и 1995. Кроме того, знаю бесконечное число рассказов на эту тему, поскольку добрая половина моих знакомых только и делала, что выбиралась. Наконец, я даже как профессионал участвовал в чьих-то избирательных кампаниях. Поэтому какие-то соображения насчет выборов у меня, понятно, есть.

Человеческая справедливость демократии

Механизм выборов мне до сих пор непонятен. У меня чувство как у Наташи Ростовской. "Наташа не сомневалась в том, что мысль Пьера была великая мысль, но одно смущало ее. Это было то, что он был ее муж. "Неужели такой важный и нужный человек для общества - вместе с тем мой муж? Отчего это так случилось?"

Вот и я не сомневаюсь, что выборы, конечно, великая вещь, но одно смущает, - как же это выбирают меня и моих знакомых? Конечно, у меня, как у большинства людей, никакого пиетета перед депутатами нет, но все-таки... Опять же, если воспользоваться другой мыслью Толстого ("Живой труп"): как же так, что обществом управляют люди далеко не самые умные и сильные, обаятельные и честные, терпеливые и сострадаательные. И от них-то, вот от таких управляющих, зависят другие - куда более умные, честные, талантливые, интересные, которые этих управляющих "по жизни" на порог не пустят. На порог не пустят, а депутатами, мэрами, губернаторами и президентами избирают.

Разумеется, глупый, детский вопрос, в принципе не имеющий ответа, глупое детское удивление. А почему, собственно, должно быть иначе? Почему это наверху должны быть - и умные, и честные, и храбрые? С какой такой радости? По какому такому закону природы? Нет такого закона и быть не может. Больше того - это было бы совсем уж несправедливо. Мало ему того, что умен, красив, талантлив, - так еще и власть ему подай! Ну уж нет, нельзя же так, одним - все, другим - ничего. Просто по "неевклидовскому", как сказал бы Достоевский, чувству

справедливости, власть должна быть у сереньких (да и грязненьких) мышек.

Вот - чистый эксперимент. Когда появился съезд народных депутатов СССР (1989 год), в него понапихали как раз "самых" - лучших ученых, писателей, актеров и директоров. И что же? Никто из них в политике не удержался (хотя, может быть, многие мечтали). Их оттерли те, чьим важным достоинством было как раз отсутствие вот этих достоинств. Нет, власть, тем более, не завоеванная в бою, а полученная на выборах, - это власть успокоительно-серых. На то и выборы, - чтобы проходили интриганы средней руки.

Теперь от этих общих утешительных соображений перейдем к частностям и попробуем проследить на конкретных примерах механизмы выборов.

Выбор России - твой выбор!

Когда были выборы в первую (пятую) Госдуму, я был известным - куда более известным, чем сегодня, - политическим журналистом. Некоторое внутреннее чувство (мирно уживавшееся с "удивлением Наташи Ростовской") говорило мне, что для меня сейчас стать депутатом будет как раз "по чину". Теперь осталось проверить, - соответствует ли мое внутреннее ощущение суровым реалиям окружающей жизни.

Как известно, существует два способа избираться - от округа или по партийному списку. Я живу в Москве, в интеллигентном районе метро "Аэропорт", живу там, можно сказать, не случайно. Там собрано немалое число людей, похожих на меня: моих потенциальных избирателей. Можно сказать, я типичный представитель аэропортовской флоры и фауны. Читатели демократических газет, где я печатался, люди примерно одинаковых предрассудков (взглядов, убеждений), - вот он, мой электорат. Конечно, их не так-то много. Избирательный округ у нас громадный, тысяч на 500, от "Белорусской" до "Речного вокзала". Поэтому преувеличивать значение аэропортовского микроклимата в любом случае не стоит. В принципе, по всей Москве, по всем 15-ти думским избирательным округам политические симпатии распределяются примерно одинаково. Как мне объясняли опытные в таких вопросах люди, для того, чтобы тебя избрали в Москве, необходимо и достаточно быть официальным кандидатом от какой-либо влиятельной демократической силы (в 1990 - "Демроссия", в 1993 - "Выбор России". Правда, в 1995 ситуация была уже сложнее).

Итак, для меня вопроса не было. По округу ли, по партийному ли списку, - но в любом случае выбираться надо от партии, от какой-то демократической партии.

От какой - тоже не было особых проблем. В 1993 году я работал с Г.Э.Бурбулисом, с его центром "Стратегия". Как известно, Г.Бурбулис был одним из организаторов "Выбора России". Поэтому было очевидно, в какую партию мне стоит идти. Мой выбор чудесным образом оказался выбором России, - нечастое по опыту моей жизни совпадение.

Наконец, по округу или по партсписку или там и там?

Некоторая оставшаяся у меня застенчивость (или совесть) затрудняла борьбу в округе. Не могу же я, в самом-то деле, обещать старушкам увеличение пенсий... Да я даже не могу пообещать добиться, чтобы улицу, по которой я хожу, освещали нормально. Нет, пускать изо рта пузыри обещаний - это уж точно не мое. Значит, округ отпадает (славу Богу!), остается список. Пусть уж обещает партия, а я помолчу... стоя в ее дружных рядах.

Борьба за души

Руководству нашего блока предстояло убедить Россию, что мы - ее выбор. У меня же задача была куда более скромная - убедить своих коллег по блоку, что, выбрав меня, они реализуют выбор России.

В многочисленных романах и интервью я с умилением читаю, как героя "вдруг" вызывают "наверх" и сообщают, что он - без его ведома - назначен депутатом, министром, секретарем обкома... Видимо, так обычно совершаются назначения. Мое назначение было необычным, - мне никто ничего и не думал предлагать. Я не отказывался, как все будущие министры, депутаты и иные вожди нации. Я за себя просил.

Дневника не веду, день не помню. Но отлично помню как, заканчивая какой-то разговор с Г.Бурбулисом, я собрал все данное мне от Бога нахальство и постарался независимым тоном сказать, что вот, мол, выборы на носу, есть ли у меня - по его мнению - шанс попасть в партийный список. Как у человека с обостренной рефлексией и многими комплексами неполноценности, у меня эта сцена, естественно, вызвала в памяти ближнюю аналогию - предыдущую беседу Акакия Акакиевича с генералом. Не думаю, что аналогичные соображения пришли в голову Г.Бурбулису (и, наверное, он очень удивился бы, если бы узнал о моих). Он вполне спокойно, без всякого удивления, сказал, что да, шансы есть, и он постарается...

Следующим этапом было собрание общественности в Доме российской прессы (кстати, Центр "Стратегия" находился в 1993 там же). Помню, что это было очень рано (для меня, во всяком случае). Кто и по какому принципу отобрал всех этих людей - не знаю. Шли трудные переговоры с тогда еще влиятельной, хотя уже быстро скользящей к краю, "Демроссией". И вот Лев Пономарев - не то незванный гость, не то как-то не так

званный - произносил там, на этом собрании, горячие речи, после чего и ушел. Собрание "бурбулисовцев" представляло как бы вторую половину зарождающегося "Выбора России". Одна половина - нищая, идущая снизу "Демроссия" (в просторечии "демшиза"), вторая - чиновная и важная, идущая сверху, от Е.Т.Гайдара, Г.Э.Бурбулиса и т.д. То есть это "Демроссия" так раздраженно думала - "чиновная", "важная". В действительности в нее - кроме нескольких начальников и лиц, близких к ним, входили такие же неприкаянные интеллигенты, как в "Демроссию".

Итак, собрание людей, отобранных по не вполне понятному признаку, проголосовало за список кандидатов в Думу от "Выбора России" по Москве. Мою фамилию в этот список предложил Г.Бурбулис. Поскольку я был хорошо известен (именно - хорошо, т.е. присутствующие не просто слышали имя и читали статьи, но я ни с кем из них не конфликтовал, ни в каких скандалах замечен не был, словом - демократическая анкета чистая), это предложение было вполне естественным. Я набрал много голосов и оказался на каком-то высоком месте (кажется, даже третьем).

Затем было объединение "Выбора России" и "Демроссии". В результате списки каким-то образом тасовались, и я опустился на три ступени. Надо мной оказались кандидаты от "Демроссии". Кажется, это были эколог Николай Воронцов, Кирилл Игнатьев (26-летний юноша, примечательный в основном тем, что сделал совершенно невероятную карьеру, без всяких видимых оснований) и Лев Пономарев.

Арифметика

Арифметика выборов не слишком сложна. Есть общефедеральный список. Если партия набрала больше 5% голосов и попала в Думу, то первые места в списке отдаются, естественно, тем, кто входит в федеральный список. Дальше начинаются списки региональные. Здесь определяется "цена" одного места. Допустим, за данную партию проголосовало 7 миллионов избирателей, и она получает 20% мест от партийной половины Думы, т.е. может провести в Думу по партийным спискам 45 человек. Из них 10 мест, скажем, уходит в общефедеральную часть списка. Остается 35 депутатов. Тогда "цена" одного места = $7\ 000\ 000 : 35 = 200\ 000$ голосов. Соответственно, число голосов, полученных в каждом регионе, делится на 200 000, - и получаем, сколько депутатов прошло от данного региона. Разумеется, большая часть регионов дала меньше 200 000, - и их голоса по определенным правилам передаются "богатым" регионам. Все это не зависит от чьей-то воли (легко представить, что бы началось, если бы зависело!), все это вычисляется по математическим таблицам. Эти таблицы

для опытных депутатов куда важнее, чем любые законы, статьи конституции и т.д.

Для "Выбора России" самым урожайным регионом всегда была Москва ... и почему-то Челябинск! Дело в том, что там "в большом авторитете" ходил (и ходит) депутат Александр Починок, лидер местного "Выбора", а затем "Демвыбора России". Опытный парламентский боец со скверной репутацией Илья Заславский, хорошо зная это обстоятельство, устроил так, что его поставили на, казалось бы, вполне безнадежное 4 место по Челябинску. И - попал в Думу.

Я занимал 6 место по Москве. Место почти безнадежное. Здесь есть один шанс: если те, кто стоят над тобой в списке, будут одновременно баллотироваться по округам и будут избраны, а ты, соответственно, поднимешься вверх. Несколько человек, стоящих надо мной, действительно баллотировались - и все провалились. Возможно, одна из причин была в том, что, занимая относительно приличные места в списке, они не слишком-то расшибались в округе, - зачем? В Думу они и так попадают по списку...

Таким образом, я со своим 6 местом остался за порогом Думы в конце 1993. Однако затем умер занимавший в списке первое место Василий Иларионович Селюнин (он уже тогда был очень болен), и его место занял Лев Пономарев (он тоже на выборах сразу не попал в Думу), а Кирилл Игнатьев сдал мандат и ушел работать на ОРТ. Так я попал в Думу - меньше чем за год до новых выборов.

Фракция

На сей раз я был уже опытнее и заранее начал подготовку к своим выборам. Было известно, что выборы в декабре. Фракция "Выбор России" в январе 1994 г. включала 76 депутатов, которые начали разбегаться буквально с первого дня.

Ушли: Александров (в НДР), Бауэр (независимый), Бунич (независимый, близок к НДР), Головков (независимый, близок к НДР), Гусман (независимый), Давыдкин (независимый), Денисенко ("Вперед, Россия!"), Емельянов (ректор Академии госслужбы при президенте), Медведев (независимый), Миронов (НДР), Нуйкин (независимый), Полторанин (независимый), Пономарев ("Демроссия"), Рыжков (НДР), Савицкий (христианская партия). Если добавить к этому, что депутаты Данилов-Данильян, Салтыков, Сидоров, Стариков и Чубайс не баллотировались в новую Думу как министры (Стариков - зам. министра), М.А.Митюков ушел на юридическую работу, Д.А.Волкогонов умер, а М.М.Молоствов устал от политических баталий и отказался баллотироваться в новую Думу, то выяснится, что во фракции осталось активных штыков - 44.

Здесь надо пояснить, почему я так подробно говорю о фракции. По неписаному, но безусловному закону депутаты имеют преимущественное право баллотироваться от любой партии. Может, это и разумно, - номенклатура (включая парламентскую), в конце-концов, вещь необходимая, в ней собраны более опытные депутаты. Это, кстати, одна из причин боязни выпасть из "обоймы", - обратно в нее попасть не так просто. Так вот, по мере того, как фракция истончалась, всякий остающийся почти автоматически усиливал в ней свои позиции. Это сказалось и на мне. Если в 1993 я был шестым в московском списке "Выбора России", то в 1995 - третьим в московском списке ДВР. Впрочем, мне на своем опыте пришлось экспериментально проверить, что лучше - быть шестым в сильной партии или третьим - в слабой.

Но до этого было еще далеко.

Округ

Сложная проблема была с округом.

Как я уже говорил, я живу в интеллигентном микрорайоне большого московского округа. Учитывая количество претендентов (предположительно - 10-15 и уровень явки избирателей - процентов 60), для того, чтобы победить, достаточно набрать примерно 15-17% от тех, кто придет голосовать, и около 10% - от общего числа избирателей. В 1993 по нашему округу победила Алла Гербер ("Выбор России"), - она набрала 20% от числа голосовавших и менее 10% от общего числа избирателей. Это считалось неплохим результатом.

Однако за 2 года А.Гербер, прямо скажем, не усилила свои позиции в округе. Ее избирали с трудом - на кампанию у нее не было денег. Во многом ее "вытащили" бескорыстные помощники от "Демроссии". Не мне разбирать чужие конфликты, но факт состоит в том, что к 1995 году они на А.Гербер обиделись - и предложили мне свою поддержку.

Вопрос был сложный. В округе, как мне казалось, у меня есть шанс - 10% набрать с трудом можно, все-таки интеллигентный избиратель "знает Радзиховского". Если бы меня поддержали и "Демроссия", и ДВР (а сильного кандидата от "Яблока" по нашему округу не было, не было и сильного кандидата от партии власти и от коммунистов), - то у меня появился бы реальный шанс пройти. "Демроссия" меня поддерживала. А родная ДВР?

На мой вопрос Е.Гайдар ответил примерно так: да, шансы у А.Гербер невелики, и, скорее всего, она не пройдет. Но она в любом случае имеет право на поддержку от нашей партии. Если она сама снимет кандидатуру, - я с великой радостью поддержу вас. Но если она кандидатуру не снимет, - я не могу ее не поддержать.

Итак, реальная альтернатива: идти по округу от "Дем-россии", выйдя из ДВР (и потеряв место в списке), и бороться против кандидата от ДВР или - отказаться от округа и сделать ставку только на место в списке ДВР. Как легко понять, я выбрал последнее.

Список

Отказавшись от округа (меня еще выдвигали от ДВР в Шереметьевском округе, где я должен был конкурировать с другим претендентом от ДВР, моим добрым знакомым Аркадием Мурашевым. Я, разумеется, отказался. А.Мурашов баллотировался, - а избран был, в итоге, Андрей Макаров), я получил все моральные права на высокое место в московском списке.

Так и вышло. Хотя Е.Гайдар, в общем, не давил на депутатов московской конференции, сохраняя нейтралитет, но после некоторой борьбы я получил, как уже говорил, третье место в московском списке ДВР.

Первое место имел С.Юшенков, а второе – мало-известный широкой публике Алексей Улюкаев, близкий к Е.Гайдару человек, председатель Московского отделения партии ДВР.

Итак, третье место. Конечно, третье место по Москве у "Выбора России" в 1993 было, безусловно, проходным, но в 1995 оно так же безусловно было провальным. Все надеялись, что 5% барьер ДВР "на пределе сил" преодолеет, что даст реально около 22-23 мест в "партийной половине" Думы. Но 12 человек составлял общефедеральный список ДВР. Значит, на все списки по регионам осталось от силы 10-11 мест. Из них Москва, конечно, не могла претендовать на три места. Второе место проходное, третье - нет. Этот подсчет был очевиден до всяких выборов.

Однако я не терял надежды. Дело в том, что глава нашего списка С.Юшенков баллотировался еще и по округу. Правда, он выбрал трудный для себя подмосковный мытищинский округ, где много военных заводов. Но зато кампанию он вел энергично, не так, как кандидаты, возглавлявшие московский список "Выбора России" в 1993. Понятно: они были уверены, что пройдут по списку и уже почивали на лаврах. Опытный С.Юшенков не был уверен, что партия преодолеет 5-процентный барьер. Если ДВР его преодолевает, он, безусловно, в Думе. Ну, а если нет? Рисковать в таком вопросе С.Юшенков не мог - и изо всех сил навалился на округ.

Мне же, чтобы попасть в Думу, необходимо было два условия:

- ДВР набирает 5% голосов,
- С.Юшенков проходит по округу.

Я думал, что первое условие будет выполнено, а второе - нет. Я угадал с точностью "до наоборот". В ночь, когда подводились итоги выборов, я выступал на Российском ТВ. Узнав, что по предварительным данным С.Юшенков в своем округе победил, я был уверен, что стану депутатом Думы. ...Только через 4 дня окончательно стало ясно, что ДВР свои 5% не набрал. (Была версия, что в ЦИКе что-то "мухлюют", но никаких доказательств, кроме слишком долгого подсчета голосов, не было.)

Перед вами - максимально подробное и честное описание того набора случайностей, мало зависящих от человека, которое и называется словом "выборы". Мне нечего тут комментировать долго. Выводы каждый может сделать сам. По-моему, выборы - игра. Честная или бесчестная - как сама жизнь.

Г. Э. Бурбулис
**ИДЕОЛОГИЯ ЗДОРОВОГО ПРАГМАТИЗМА В
СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ РОССИЙСКОГО
ИЗБИРАТЕЛЯ**

Мнимый парадокс самого характера последней избирательной кампании и итогов выборов демонстративно фиксируется в том, что якобы у российского населения сегодня утрачены устойчивые идеологические предпочтения и, оказавшись в состоянии свободоочаровательной безыдейности, оно вынуждено осуществлять выбор, ориентируясь на внешние суррогатные признаки избирательного процесса.

Я считаю, что это поверхностное и во многом вредное представление, пренебрегающее существенными закономерностями, пульсирующими в недрах общественного сознания, настроения, общественных предпочтений, а главное губительное заблуждение связано с преувеличением в характеристике общества тех манипуляций, которые осуществляются на видимой политической сцене страны.

Какова природа этого заблуждения или кому выгодно сохранять сегодня такого рода иллюзии о состоянии общества, и каковы последствия такого масштаба ошибок? Природа этого заблуждения заключается, на мой взгляд, в том, что большинством аналитиков и практиков политического процесса была упущена глубинная тенденция, получившая свое первичное проявление уже на выборах в декабре 1993 года. Суть ее выражалась прежде всего в том, что к этому моменту российское общество в своих установках утратило однозначное предпочтение тому, что условно можно определить как вождистско-лидерский тип власти. Традиционная ориентация на отца, на персону, на личность, замешенная на многовековых устоях российского общественного и государственного развития, к тому моменту была уже разрушена, и востребованной, хотя и не реализованной, оказалась тенденция, преодолевающая ориентацию на вождизм или политическое и социальное лидерство, вместе с тем, остро нуждающаяся в более актуальных, более жизненных ценностях, которые в прежних моих статьях для Вестника "Этика успеха" были обозначены как ценности профессионализма, компетентности, делового и жизненного успеха.

Второй момент, касающийся этих глубинных изменений, заключается, на мой взгляд, в том, что избавляясь, как от кошмарного сна, от навыков тоталитарной идеологии, российское общество не так уж безнадежно страдало от отсутствия новой идеологической доктрины, а осваивало в недрах своего жизненного процесса ценности и смысловые

импульсы, которые не столь видимы, не столь зримы, как это привычно могло бы быть представлено в обществах классово-разделенных, социально-динамичных или партийно-организованных. Я имею в виду то колоссальной значимости обстоятельство, что само российское общество сегодня существует в ценностном измерении более фундаментально, чем это представлено на поверхности его типичных форм проявления.

Еще жестче скажу. Политическая сцена и политический театр, его мелодии - от махрово-реакционных до социал-демократических и либерал-агрессивных - есть во многом способ функционирования так называемой политической художественной самодеятельности. Это определение не уничижительное, а объективистское, и связано оно с тем, что сам политический процесс, ангажированный в известные годы как отчаянная борьба за либеральные ценности с откровенными реакционерами и доктринерами, превратился в некий разряд самодеятельного самовывживания, самофункционирования и самоудержания.

То есть однажды освоенные навыки публично-политического поведения, заряженные энергетикой противостояния, стали для политического актива как бы самодостаточными в этом наборе действий. В итоге - пренебрежение "альфой и омегой" политического процесса, суть которого я вижу не в том, чтобы любой ценой сохранять свое пребывание на политической сцене, а в том, чтобы максимально чутко вслушиваться в токи изменений, происходящих в интересах, потребностях, настроениях людей, и давать им адекватную артикуляцию уже в системе властных отношений, в представительных органах власти.

Эти рассуждения важны для меня потому, что необходимо сформулировать чуть-чуть модернистское представление об идеологии как таковой. До сих пор под идеологическим обеспечением традиционно мыслилось национальное выражение доминирующих интересов той или иной социально-адресной и организационно-устойчивой группы. Сегодня это определение не столько недостаточно, сколько неадекватно. Может быть, в каких-то объяснительных схемах оно еще и может работать, но мне сегодня важно понять, в каких видах и формах функционирует переплавка ценностных предпочтений, которыми жило российское общество последние десятилетия, в ту ценностно-смысловую и мобилизационно-интонационную структуру, которая предопределяет и сигнализирует об этих предпочтениях уже в реальной практике сегодняшнего российского общества.

Мне кажется, что уже выборы в декабре 1995 года продемонстрировали удивительное противоречие между основными тенденциями, в рамках которых жил и живет российский

избиратель, и теми предложениями на политическом рынке, которые наш избиратель получал от так называемого политического актива. Я бы это противоречие и сформулировал как противоречие между художественной самодетельностью, которой была и остается сегодня политическая активная среда, и той глубинной творческой жизнедеятельностью, которую и представляет общество в его целостности и его системности.

Основное доказательство существования этого опустошающего и разорительного противоречия заключается, на мой взгляд, в том, что оно может быть сформулировано как синдром становящегося российского демократизма. Многие помнят, с каким надрывом и с какой искренностью подчас формулировались в процессе избирательной кампании призывы к тому, чтобы демократы, то есть те персонажи, которые на политической сцене исполняли роли так или иначе демократического содержания, объединились, и с каким трагикомическим результатом эти призывы проводились, поскольку каждый новый призыв сопровождался созданием нового избирательного блока. Вместе с тем, было бы обидно и опасно иронизировать над этой ситуацией, и хотелось бы постараться понять ее прежде всего с позиции электоральных настроений населения.

На самом деле, в основе своей российское общество сегодня не вне идеологии, но вырабатывает новую идеологию. И масштаб, и характер тех базовых идей и ценностей, которые там закладываются, ускользают и не воспринимаются традиционными самодетельными политическими деятелями, поскольку во многом зарождаются и функционируют в иных параметрах аксиологического процесса. Он возникает и формируется из другого содержания, и это порождает совершенно невероятные заблуждения одних по отношению к другим и одновременно все более и более обостряющееся стремление определенной части неполитизированного населения уже как бы ответить на эту потребность самостоятельно.

Что, по существу, я имею в виду? Во-первых, болезненное проявление на политической сцене синдрома вождистско-лидерского наследства - желание любой ценой сформировать какую-либо оргструктуру и обязательно ее персонифицированно представить. Иначе как одним из проявлений социальной шизофрении или одним из болезненных выражений социальной невменяемости этот процесс определить нельзя. Вместе с тем, он, как правило, эксплуатирует какие-то суррогаты общественных настроений и захватывает в первичной фазе определенный тип социальных агентов. Это как бы действие, в котором нуждается его изобретатель и некая микросреда, находящиеся в этом организационном квазиидейном процессе единственный способ самореализации, во многом еще сохраняющий наивность и легкодоступность того периода,

который можно назвать прекрасным свободолобивым временем коллективных политических эмоций конца 80-х - начала 90-х годов.

Второе обстоятельство, крайне важное, заключается в том, что классическая связь политических целей и идей с внятной и хорошо выявляемой социальной базой сегодня в России отсутствует, и мы обязаны изменить традиционный способ политического структурирования общества, важнейшим инструментом которого является выборная кампания как таковая, избирательный процесс как таковой. Многим кажется, что благотворное структурирование может и сегодня осуществляться по схеме: находится или осваивается привлекательная идея - собирается дееспособный коллектив единомышленников - они разворачивают искусно и целенаправленно свою активность по отношению к той или иной социальной среде - завоевывают ее, обращают в свою веру. Однако в наши дни важнее не столько зацепиться за какой-то идейный адрес и объединиться вокруг этих первых организационных импульсов, сколько разглядеть, услышать, выявить, проявить нарождающуюся в недрах российского общества ту реально создающую среду, которая в рамках своей жизни, своей работы, своей жизнедеятельности эти ценности уже заложила и нуждается лишь в том, чтобы появились некие "спецы", способные их артикулировать и придать им системный и востребованный характер.

Одной из прямых иллюстраций этих сложных тенденций является ситуация декабрьских выборов в Государственную Думу. Многократно на самых, казалось бы, случайных и не подготовленных аудиториях я опробовал элементарный мыслительный эксперимент. Я предлагал своим избирателям составить вместо 43 списков всего 3-4 и попробовать спрогнозировать, как бы сложились конечные итоги выборов в Государственную Думу, если бы зарегистрированы были не 40 с лишним избирательных объединений, а 3 - 4. Тем самым избирателям предстояло в этом эксперименте решить одновременно двойную задачу, мы же получали возможность определить связь между персонами различных кандидатов, которая существует в восприятии людей, а самим этим политическим персонам показать некое содержательное пространство, поле ценностей и смыслов, в рамках которых они функционируют.

И вот оказалось, что, если бы на выборах в декабре 1995 года можно было предложить избирателям список, назовем его "список номер один", в котором были бы по алфавиту расставлены такие фамилии как Г.Явлинский, Б.Федоров, С.Федоров, И.Хакамада, Э.Памфилова, Г. Попов, И.Рыбкин, то этот список с достаточной долей уверенности мог бы набрать около 25 - 30% голосов. В восприятии выборных задач для

многих избирателей и сегодня остается значимым узнаваемость лица. Так или иначе сформирована личная связь с персоной, но глубинным образом внутри этой узнаваемости существует какое-то поле жизни, которое незримо соединяет эти персоны между собой, и то, что они не сумели и не смогли предложить себя как коллектив, означает, что это поле жизни для них не столь значимо и не столь существенно в реальности избирательной борьбы. Но с такой же уверенностью можно предположить, что если бы был сформирован "список номер два", в который вошли бы Г.Зюганов, В.Анпилов, Н.Рыжков, А.Лебедь, то он в тенденции позволял бы выходить на примерно сравнимые проценты.

Если в этой мыслительной процедуре есть хоть какой-либо реальный смысл, то он таков: ценностные предпочтения в России уже сложены. В самом грубом виде избиратели делятся на тех, кто так или иначе соблазняется еще вектором прошлого, и тех, кто так или иначе устремлен к вектору будущего. В рамках этих предпочтений может быть бездна оттенков, множество разного рода ограничений, но искусство политического структурирования в том и состоит, чтобы суметь так видеть общественные настроения и так корректно согласовать подчас непримиримые интересы, чтобы сохранить способность к стабильному развивающемуся функционированию общества и государства.

Характеристику политической культуры российского избирателя в том виде, в каком она существует сегодня, и с точки зрения возможности ее развития, я построю здесь на материалах своей собственной избирательной практики. Я старался реализовать для меня крайне важный идейный масштаб, внешне неприемлемый для массового избирателя. Действительно, предложенная мной концепция профессиональной власти в России, казалось бы, абсолютно абстрактная для конкретного человека, живущего где-нибудь на Урале, и совершенно невнятная с точки зрения заданных агрессивных идеологических противостояний. Вместе с тем, я убедился, что профессиональность власти воспринималась в конечном счете как понятная и желанная ценность, если хватало времени и если было достаточно корректно воспринято само исходное настроение и состояние избирателей в момент встречи.

Мы убедились, что в сознании российского населения сегодня существует как бы три уровня избирательных интенций, предпочтений, интонаций. На первом, фундаментальном, уровне с достаточной ответственностью и последовательностью осуществляется ориентация в рамках двух векторов: вперед - назад, прошлое - будущее. Не важно, что и о прошлом представление туманное, смутное, утопично-мифологичное, неконкретное, и о будущем не столь определенное, как этого бы

хотелось. Важно, что общественный организм делится на два сектора по такой глубинной настроенности на жизнь.

В рамках этих позиций есть второй уровень - отношение избирателя к выборной кампании, как существенно влияющей на решение тех или иных его жизненных проблем, уровень жизненной прагматики. Здесь начинается особая форма встречи, сотрудничества и диалога "избиратели - политический актив". Чаще всего ее как раз и эксплуатируют избирательные технологии, добиваясь доходчивого и привлекательного отношения к электорату, разыскивая те болевые точки, которые сегодня люди переживают, и с избавлением от которых они надеются свою жизнь улучшить.

И, наконец, третий уровень, где объединяются фундаментальные основания отношения настоящего к прошлому или настоящего к будущему с той прагматической потребностью, которая приводит избирателя к урне. Речь идет об уровне конкретного политического идеала, конкретного политического ориентира, который человек сознательно выбирает, соединяя эти два пласта. Простой пример: хотите жить лучше - что вы в это сегодня, сейчас, здесь, вкладываете? Если вы в это желание вкладываете улучшение жилищных условий, увеличение зарплаток, здоровых детей и надежную старость, давайте будем соображать, как эти правильные и естественные человеческие потребности можно реализовать в ближайшей перспективе в нашей стране, в нашем обществе. И оказывается, чем более предметен, адресен, индивидуален такого масштаба анализ, диалог, разговор с избирателем, тем более он убеждает, обоюдно заражают и заряжают.

За последние пять лет в России сложилась определенная избирательная культура. Динамика количественного участия в тех или иных выборах и референдумах показывает, что стабильным является участие более 50% электората, причем уже не потому, что заставляют ходить на выборы, и не просто в силу привычки, но потому, что это становится уже социально-политической потребностью. Выборы, на мой взгляд, сегодня стали некоторым ответственным личным делом, и они обретают как бы значимое содержание в жизни человека. Из формальной процедуры они превращаются в осознанную позицию, последствия которой и ответственность за которую избиратели осознают, понимают и признают.

И еще раз: если все-таки идеологические полюсы в сегодняшнем российском электорате и есть, то какой может быть стратегия становления профессиональной политической реальности в России, в формировании которой непосредственно участвует российский избиратель? Ответ на этот вопрос в рамках нашей избирательной кампании был максимально жестким: для того, чтобы в России сформировалась профессиональная власть, необходим компетентный избира-

тель. При этом понятие "компетентный избиратель" отнюдь не обездушенно-рационализированное. Мы вкладываем в него всю гамму, всю музыку эмоциональных, чувственных и ценностных влечений конкретного человека.

Вместе с тем существует выявившаяся - в том числе и по итогам избирательной кампании - потребность формировать масштаб компетентности, сохранять тот мобилизационный заряд, который общество получает в избирательной кампании, в некой культуре послевыборного взаимоотношения общества и власти, депутата и избирателя, партии и ее электората, общественного объединения и его социальной базы. Это тот случай, когда требуется целый ряд сознательно организуемых действий и усилий по сохранению того редкого взаимоотношения, которое возникает между избирателями и депутатами.

Мне кажется, что возможности такого взаимного сотрудничества не сводятся к традиционным формам - победившая партия и ее организационный энтузиазм. Еще долгое время для нашей страны актуальными будут то ли промежуточные, то ли вполне самостоятельные формы развивающего, сотруднического диалога, которые могут быть выражены в клубах избирателей, создающихся на базе того инициативного актива, который принес решающую победу депутату. Содержанием диалога могут быть выявленные в процессе избирательной кампании проблемы округа, региона, затрагивающие интересы большинства населения. Сотрудничество может и должно строиться прежде всего на некоторых прагматических жизненных реалиях, под решение которых создается своеобразное межпрофессиональное сообщество, и само их решение осуществляется с максимальным привлечением в этом заинтересованных людей при создании соответствующего информационного сопровождения.

Самый, может быть, важный - и самый трудный - способ этого диалога - это доказательство жизненной необходимости той продукции, которую производит законодательный орган, обоснование прямой связи качества принимаемых законов с качеством жизни конкретного человека в конкретном городе и в конкретном селе и на этой основе поиск путей и вариантов участия избирателей в собственно законопроектной работе. Наша сверхзадача сегодня - добиться ясного понимания того, что право, законы, есть важный, незаменимый и полезный инструмент жизни каждого человека. А участие в правотворчестве предполагает вдумчивое отношение к выбору в процессе избирательной кампании, интерес к деятельности депутата в процессе исполнения им своих обязанностей и, наконец, очень трудное, но важное соединение повседневных интересов, обостряющихся у каждой семьи, у каждого человека,

с той продукцией, которую по его поручению и с его участием производит депутат в высшем законодательном органе.

Поэтому компетентность избирателя означает, на мой взгляд, способность сознательно оценивать профессиональную политическую деятельность в рамках тех реальных параметров, в которых она совершается, с максимальной выгодой для самого себя, то есть с максимальным вытягиванием из того, что творится в российской политике, всего утилитарно-корыстного и полезно-привлекательного для своей собственной жизни. Не обольстительный пафос предвыборной кампании с массой прекраснотушных обещаний, не игровая или романтическая доверчивость, мечтательность и благодушие тех, кто отдает свои голоса в случайной форме, а напряженный, вдумчивый и взаимоуважительный диалог электората со своей депутатской средой, диалог во имя того, чтобы в грядущие годы России политическая деятельность как профессиональный род занятий была воспринята охотно и желанно, а ее самый зримый продукт - добротные законы - оценивались как наиважнейший для ежедневного пользования инструмент жизни каждого избирателя, каждого человека.

Сегодня главной идеологией российского общества является прагматическое жизнеустройство, и оно вводится не взамен классическим - социал-демократическому и либерально-консервативному, - а является совершенно естественным вечно переходным состоянием. В этом смысле не должны чрезмерно огорчаться и удручать себя поражением российские демократы и либералы, но и не должны торжествовать и ликовать, в связи с временным успехом, коммунисты или близкие к ним идеологические течения. Учитывая, что идея профессиональной власти органична потребности в здоровой прагматике, которую каждый нормальный человек сегодня осваивает и утверждает, можно смело сказать, что движение российского общества к демократии, к свободе, правам человека и нормальной экономике в горизонтах этих мировоззренческих предпочтений будет тем плодотворнее, чем корректнее прагматическая идеология будет воспринята самыми убежденными политическими активистами. С одной стороны, прагматическая идеология обеспечивает понимание, уважение и опору на реальные жизненные потребности и интересы людей, с другой, - создает столь желанную и необходимую связь общества, власти, электората и его актива. Наконец, только добиваясь реальных жизненных результатов, реальных жизненных успехов, только расширяя горизонт человеческой свободы и самореализации можно претендовать на какое-то существенное политическое и идеологическое влияние в обществе в интересах демократии, прав человека и рыночной экономики. Другие способы состояться политически сегодня трудно представить.

И. А. Шадхан

КОНТРОЛЬНАЯ ДЛЯ ГОЛОСУЮЩИХ ВЗРОСЛЫХ

Я - режиссер. Имея свои политические пристрастия, с профессиональной точки зрения я тот, кому интересно все. Предстоящие в июне выборы президента подсказывают моей голове самые разные сюжеты, из которых в конечном счете может получиться фильм. Выиграют коммунисты, - и я делаю фильм о том, как и почему они выиграли, побеждают демократы, - как и почему выиграли они. Только в первом случае я уже слышу музыку фильма: произведение получится если не трагическим, то наполненным драматизмом, во втором - неожиданность и надежда станут основными мотивами, и кино или видеосочинение получится оптимистичным.

Как-то в разговоре с коллегой на предвыборную тему мы после долгих дебатов пришли к парадоксальному выводу: надо брать камеру и снимать. Начиная от домашних, - жены и детей, потом пойти по лестнице своего дома, потом по улицам... По пути садиться в трамваи и автобусы, заходить на заводы и в магазины. Снимать, снимать!

Какое-то невероятное профессиональное воодушевление охватило нас. Есть что делать! Все вокруг превращается в съемочную площадку. Потом уже сам себе признавался: как я хочу снять такой фильм, который бы шел на экране телевизора целый день! Начинаясь бы с мальчика, мама провожает его в школу. Обычная семья. Обычная квартира. Ничем не раздражающий быт. Вопрос к маме: за кого завтра вы будете голосовать? Она ответит или утвердительно, например, "За Ельцина", или, может быть, "За Зюганова", или скажет "Не знаю". И у мальчика спрошу, за кого, он думает, будет голосовать его мама. И пойти за ним в школу, а по пути спрашивать прохожих. А потом, встретив его из школы, поговорить с другими ребятами из его класса, знают ли они, за кого будут голосовать их родители. И так целый день, спрашивать, спрашивать самых разных людей, спрашивать до вечера, пока мальчику не пора будет укладываться спать. И собирающийся спать город. Его главную площадь или улицу. И главную площадь страны. Красную площадь!

Но - стоп фантазиям. Сама возможность спрашивать: вы за Ельцина или Зюганова? Вы за многопартийную систему? Вы "за" или "против" частной собственности? - не говорит ли о том, что мы находимся и живем в каком-то совсем другом политическом мире, другом пространстве и среди других, по сути, людей, способных по-разному ответить на наши вопросы.

За тридцать с лишним лет своей телевизионной деятельности мне почему-то один только раз пришлось снимать выборы. Агитпункт. Красные тумбы, по бокам - пионеры, длинный стол справа, тоже покрытый красным, паспорт, бумажки, запикиваем их в щель не глядя, быстрый выход на улицу, вдох чистого воздуха и - по делам. Времени на эту процедуру уходило приблизительно столько же, сколько забежать в уличный туалет. Надо ли говорить, что снимать это было абсолютно не интересно. Снимал оператор: план туда, план сюда... Потом диктор за кадром произносил текст про 99,7% проголосовавших "за".

Помню, учась в театральном институте, как-то спросил преподавателя истории КПСС, почему голосуем по месту жительства, а выдвигаем кандидатов по месту работы. Получается, что я не знаю, за кого голосую. Это ли не симулирование процедуры политических выборов?! Она посмотрела на меня долгим понимающе-непонимающим взглядом и ничего не ответила.

Был еще сон. До сих пор считаю его вещим. В отрочестве, было мне лет 12-13. Небольшая деревенская плотина в Калининской области. Мельница. Мы, мальчишки, ныряли с того места, где перекрывалась вода, в речку. Снится: будто бы я нырнул, да так глубоко, что никак обратно не вынырнуть. Отчаявшись выбраться, поплыл в глубину, и вдруг что-то мерзкое и противное коснулось моего лица. Оказался хвост крысы, плывущей впереди. Сначала испугался, потом вгляделся и понял, что крыса указывает мне путь. Я плыву за ней, и уже не кажется она мне такой страшной и отвратительной. Приплываем. Светлое углубление. Желтый песочек. Даже солнце сюда проглядывает. Чистая прозрачная вода. "Здесь ты теперь будешь жить", - говорит крыса. И я подчиняюсь. И крыса меня больше не пугает. Я даже благодарен ей. Расшифровать этот сон в контексте моей жизни потрясающе интересно и, вероятно возможно, но в другой статье, хотя очевидно: сон диктовал приспособленчество, конформизм. Жить можно везде и со всеми. Даже с крысами. Тогда я вряд ли это понимал, но время от времени, в беге собственной жизни, когда приходилось особенно жестко и трудно, я вспоминал этот сон. И именно он давал мне силы жить дальше.

Вообще я принадлежу к той части советских людей, которым повезло. Повезло, несмотря на то, что мой отец погиб на фронте, когда мне был год. Не горе и боль я от этого испытывал, а гордость. Ужасно об этом писать, но это правда. Маме, которая со мной и десятилетней сестрой отправилась в далекую эвакуацию, годы спустя посвятил бойкие строчки:

Родились мы до выстрелов -

За четыре часа.

Наши мамы не выпались

- Разбудила война.

Репрессии сороковых и начала пятидесятых не коснулись ни меня, ни моей семьи. В 1953 году умер Сталин. В 1956 были Хрущев и XX съезд партии. В 22 года я по собственному желанию уехал в Воркуту и стал работать режиссером телевидения. В бывшем ГУЛАГе ярко светило солнце. Победили Справедливость и Надежда. Так мне тогда казалось. Да и только ли мне?

Надежда умирает последней. Мне всегда чего-то не хватало в этой строчке, теперь я знаю чего. Да, надежда умирает последней, это верно. Но и рождается первой. Есть люди, у которых надежда на то, что будет все хорошо и что мир при них и благодаря им может и должен становиться только лучше, настолько велика, что она, надежда, выступает в них не как вера, не как нечто, независимое от них, почти иррациональное, а как суть их характера, натуры, всего эмоционально-психологического облика. Наверное, это бывает в разные эпохи по-разному, но время появления таких людей, мне думается, наступает тогда, когда чаша зла в обществе переполняется, когда избранный способ жить становится гораздо меньше и ничтожнее, чем сама жизнь. Можно это же сказать совсем по-другому: в обществе начинается ощущение дефицита Свободы. Хотя в чем, почему и как же так вышло в стране, где лозунг "Свобода, Равенство и Братство" был расхожим, - это мало кто понимал.

Шестидесятники, к поколению которых принадлежу и я, в этом смысле классика. Этически мы были совсем другими людьми, каких еще не знало и не ведало советское общество. Сколько доброты и сочувствия внесли мы в отношения между людьми! До сих пор это живет в наших песнях. Мы понимали ужас сталинских лагерей и сострадали их обитателям. И в то же время мы были носителями неумной энергии и добровольно продолжали все те же великие стройки, может быть, с другими названиями: Целина, Братская и Красноярская ГЭС, потом БАМ...

Кое-кто из нас поднимался до конструктивных политических поступков, но таких были единицы. В основном нам хватало ощущения справедливости случившегося. Идеалы оставались прежними. Именно это роднило с теми, кто был на много лет старше. В политическом устройстве государства никто не сомневался. Любые выборы были просто формальностью, как казалось тогда, ничего не решающей.

Сколько же в нас было энергии! Как открыты были наши сердца и души! Наша пища состояла отнюдь не только и не столько из продуктов питания. Мы буквально поедали статьи и книги, фильмы и театральные постановки. Мы наслаждались возможностью думать, спорить, знать, если хотите. И даже получали какую-то возможность то, что думаешь, воплощать. Георгий Товстоногов получает Ленинскую премию за спектакль по пьесе Вс.Вишневского "Оптимистическая трагедия", где глав-

ным героем становится не Комиссар, а Алексей - колеблющийся матрос. А "Один день Ивана Денисовича" Солженицина, а деревенщики! А Евгений Евтушенко, а Андрей Вознесенский! А! А! Захлебнуться можно!

Иосиф Сталин любил классику. В какой-то мере мое и старше моего поколения обязаны ему своей своеобразной культурой. Хотя огромная часть из нас так и не смогла за всю жизнь преодолеть не то что нелюбовь, а ненависть к школьным программам. Я до сих пор, например, не понимаю, в чем ценность "Горя от ума" в исполнении Михаила Царева? В том, как он играл? А как это можно определить, если спектакль вне времени и пространства? Именно это-то и любил Сталин. Искусство - отдельно, жизнь - отдельно. Господи! Как это здорово, что человечество, если не создало Гармонии, то так долго и прекрасно стремится к ней. И не может терпеть фальши бесконечно. Какой бы грандиозной она ни была. Хотя у фальши есть свои исторические победы и кульминации. Сталин и Гитлер! Кое-что можно найти в Средневековье. Таков человек, такова культура, созданная им. Религия, Бог и Дьявол.

В те, если не очень далекие, то теперь и не близкие, 60-е-70-е годы шло длительное и постоянное разочарование во Власти. Телевизионная камера все ближе и ближе подходила к человеку. Крупный план ТВ не просто фиксировал, но и открывал рядовых рабочего, крестьянина, интеллигента, поднимал их. И наоборот, представителей Власти старались снимать общим и средним планом. Была такая установка. Но именно она и подчеркивала невидимую для устанавливающих границу, разъединяющую Власть и Народ. А Власть заметалась. Она то ослабляла, то натягивала тетиву все того же тоталитарного лука. Но люди менялись активнее и последовательнее. Хитрили, воровали, критиковали. Смеялись в голос над Брежневым и Черненко. По-моему, не очень испугались Андропова. Мне кажется, что вообще человек 70-х- 80-х все больше и больше индивидуализировался. Вот почему в самом начале перестройки столь бурными темпами развивалось кооперативное движение. В нем приняло участие большое количество людей, поверивших в свои индивидуальные способности. Я хорошо помню одну свою знакомую, которая шила куртки в таком кооперативе и, продавая их, быстро поправила свое материальное положение.

В 1978 г. я начал снимать свою знаменитую "Контрольную для взрослых" и одновременно делал тогда главную передачу Ленинградского телевидения "Дело государственной важности". Она была о крупнейших предприятиях города: Ижорский завод, Металлический завод, ЛОМО. Для начальства ценней была вторая. Для людей оказалась "Контрольная". А что происходило в "Контрольной для взрослых"? Точка зрения семилетних детей не совпадала с мнением о них взрослых, их родителей. Пусть по бытовым вопросам, пусть только по тому, что

касалось их конкретно, но не совпадала. Именно поэтому не нравилась "Контрольная" Стелле Ивановне Ждановой, была такая заместитель Председателя Гостелерадио СССР. Конечно, родители - не государство, и дети - не граждане, но все же... ! Система, даже не в смысле государственного строя, распадалась. А еще раньше (много раньше) громко, но тогда не слышно пел Александр Галич: "Если все шагают в ногу, мост обрушивается".

Наверное, самый главный и тяжкий вопрос для России - это вопрос Власти или, точнее, участия человека в ее формировании. Разве не об эту проблему чисто этически споткнулись сердцем декабристы? Как отнять Власть у Государя, помазанника Божьего? Имели ли право? Революция 1917 отняла Власть у царя и передала народу. А человеку - не смогла. Огромная часть населения тогдашней России, может быть, хотела в собственность Землю, но не Власть. Здесь тоже чисто российские корни. Страх перед Властью и в то же время чиновничество, ненависть к Власти и любовь к царю, начальнику.

Даже примерить себя к праву выбирать и быть избранным для рядового россиянина было и страшным и неудобным. Правовой культуры, выстраданной и понятной, приобретаемой десятилетиями, если не веками, в России не было. Большевики знали и чувствовали в сознании огромного числа людей, какому бы социальному слою они ни принадлежали, доминанту крепостного права. Ох, как непросто заменить Царя, монархию! Именно этого испугались все, кроме большевиков.

Тоталитаризм возникает там, где человек добровольно отказывается от своего права на самую существенную собственность, от права выбирать и быть избранным, то есть от права на Власть. Уничтожив частную собственность, подставив каждого человека под распределительную систему, по сути, парализовав его способности и даже возможность участия и влияния на жизнь свою и государства не только наемным трудом, коммунистический режим, однопартийная система научили человека, в лучшем случае, презирать выборы. И только конституционная многопартийность, на равных защищающая любой способ производства и собственности, может по-настоящему обеспечить интерес человека к человеку, противоречивую взаимозавязанность разных и разного в обществе, обеспечивая его динамику и в конечном счете жизнь.

Понимает ли сегодня это человек России? И есть ли он? Существует ли и являет ли собой воплощение высшей политической воли (суверена)? Воспринимает ли себя в качестве единственно легитимного субъекта судьбоносного для государства и общества политического выбора в последней инстанции, в

том числе и "слуг народа", призванных инструментально выражать волю суверена и служить интересам избирателя?

Вопрос, как говорится, не простой. Долго, ох как долго была беременна Человеком Россия! Правовым человеком. Кого она только не дала миру: поэтов и музыкантов, ученых и инженеров, художников и педагогов! Но все они были бесправны. Это, к сожалению, так.

И все же он рождается, может быть, не так скоро, как хотелось бы. И здесь уже опять чисто российская проблема: подождать бы с президентскими выборами, дать подрасти, созреть народу. Но Конституция только тогда Конституция, когда она действующая. А потому - с Богом...

Я - режиссер телевидения. А что это значит? То, что я режиссер, ближе всего стоящий к жизни. Когда-то К.С.Станиславский говорил, что режиссер - это повитуха, которая принимает роды у драматурга и актера. Моя задача и проще, и сложнее. Как режиссер телевидения я обязан принять роды у жизни. Какими они будут? Что здесь зависит от меня?

Многое. И выбор собственного образа жизни в том числе. В 1994 году я распрощался с государственным телевидением и организовал свою творческую мастерскую, где снимаются фильмы и телевизионные программы. А кроме этого, мастерская выпускает серию "Видео для дома" - образовательные кассеты, которые напрямую поступают в продажу. Купят люди видеокассету "Десять уроков рисования" или "Домашний логопед", или "Русский язык" - мастерская живет, не купят - не живет. Сегодня, в моем сознании, больше я даю государству, чем государство - мне. Не через государство я вступаю в контакт со своим потребителем, а напрямую. Не четвертинкой и половинкой своей хочу я сосуществовать, а целиком, полностью. Я доверял и доверяю государству распоряжаться армией и иностранными делами, но под своим контролем, который осуществляю избирательным правом. Да, как избиратель я буду голосовать за демократическое устройство моей родины, только недавно начавшееся, буду голосовать против Зюганова. Но если победит он, победят ведомые им коммунисты, то они победят легитимно. Впервые в истории коммунистического движения всех стран и народов. Учтут ли они, что такую возможность им предоставила совсем другая политическая организация общества? Несмотря на победу почувствуют ли себя только частью этого общества или станут всех снова делать большевиками?

Когда-то в 60-е-70-е годы, с которых я, собственно, и начал эту статью, на многочисленных хрущевских кухнях вполголоса и шепотом критиковалась тоталитарная власть, но в избирательных бюллетенях это никак не отражалось. Сейчас на кухнях тоже интересно. Люди свободно взвешивают "за" и "против", обсуждая каждого кандидата, понимая, что от их выбора

зависит судьба России. В простом подчеркивании имени кандидата в Президенты России - прошлое, настоящее и будущее их страны. 16 июня 1996 г. произойдет серьезная контрольная для голосующих взрослых. Контрольная для избирателя.

А что касается моего личного успеха, то если раньше он зависел целиком и полностью от Государства в лице чиновников, то теперь, нравится или не нравится государству в лице государственных чиновников, что я делаю, он зависит напрямую от моих зрителей и покупателей. И таким образом я теперь служу Государству.

Финансово-инвестиционная корпорация “Югра”
Образована в 1993 году
Президент корпорации В.А.Чурилов

ФИК “Югра” - одна из первых инвестиционных компаний в Ханты-Мансийском автономном округе.

В числе учредителей корпорации:

Администрация Ханты-Мансийского автономного округа
Нефтяная компания “ЮКОС”
Нефтяная компания “ЭВИХОН”
Западно-Сибирский банк развития
Чековый инвестиционный фонд “Титул”
Инвестиционная компания “Гарант-Инвест”.

Задачи корпорации: формирование и реализация инвестиционных проектов и программ регионального развития.

Инвестиционный портфель корпорации включает достаточно широкий спектр проектов, предусматривающих вложение средств в нефтегазовый комплекс, развитие жилищного строительства и другие программы социально-экономического развития округа.

Филиалы корпорации открыты в Тюмени, Нефтеюганске, Москве.

Имея в своем штате высококвалифицированных специалистов, корпорация “Югра” осуществляет: разработку технико-экономического обоснования проектов; составление бизнес-планов; проведение финансово-экономической экспертизы инвестиционных проектов; поиск партнеров и инвесторов для реализации проектов; проведение аудита; управленческие и маркетинговые услуги.

Наши адреса и телефоны:

626200, г.Ханты-Мансийск
ул.Мира, 13
тел. (34671) 3-16-25
факс (34671) 3-32-70

103070, г.Москва
Старая площадь, 10/4
тел. 206-03-57
факс 206-60-80

626430, г.Нефтеюганск
мкр.11, д.26
тел. (34612) 2-49-88
факс (34612) 2-02-88

625013, г.Тюмень
ул.Республики, 122, комн.10
тел. (3452) 22-51-15

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧАТЬ С ВАМИ!

